АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»

АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, ВЕРИФИКАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Материалы Всероссийской научной конференции, Курск, 27 мая 2022 г. УДК 930.253 ББК 79.3 А 87

Рецензенты: В. В. Коровин, доктор исторических наук,

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»;

К. В. Яценко, доктор исторических наук,

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».

А 87 **Архивный документ как исторический источник: проблемы выявления, верификации и интерпретации:** материалы Всероссийской научной конференции. Курск, 27 мая 2022 г. / под редакцией Э. А. Кудрявцев. – Курск: ООО «Центр рекламы «Лоцман», 2022. – 157 с. – Текст: непосредственный.

Редакционная коллегия: Э. А. Кудрявцев (гл. редактор) — начальник архивного управления Курской области; Л. Б. Карманова (зам. гл. редактора) — зам. начальника архивного управления Курской области; Н. А. Елагина — директор ОКУ «Госархив Курской области»; В. В. Раков — зам. директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук; О. А. Черников — заведующий филиалом ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: О. Н. Аргунов, канд. ист. наук.

Сборник содержит тексты докладов и сообщений ученых, сотрудников архивных учреждений, работников учреждений культуры, краеведов, представленных на конференцию. Публикуемые материалы в своем большинстве подготовлены на основе документальных источников, выявленных в центральных и местных архивах, впервые вводимых в научный оборот. Издание предназначено для самого широкого круга читателей, интересующихся историей. Материалы опубликованы в авторской редакции.

УДК 930.253 ББК 79.3

- © Архивное управление Курской области, 2022
- © ОКУ «Госархив Курской области», 2022
- © Авторы статей, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Хирова А.И.	Изучение исторического источника с	
_	применением современных	
	информационных технологий на	
	примере вкладной книги Феодоровского	
	монастыря города Переславля-	
	Залесского XVI–XVII вв	6–12
Ефремова И.С.	Виды документов по личному составу	0 1 2
Ефремова птет	городовых магистратов Курского	
	наместничества в последней четверти	
	XVIII века	12–16
Рянский Л.М.,	Документальные материалы как	12 10
Рянский Р.Л.,	источник информации для изучения	
Рянская М.Л.	положения государственных крестьян	
I инскай IVII.	Курской губернии в конце XVIII –	
	первой половине XIX вв	16–27
Петров К.В.	-	10-27
Hethor W.D.	Источниковедческие заметки о	
	метрических книгах (на примере книг	27–35
Downson A. II	Курского уезда)	21–33
Волкова А.И.	Региональная периодическая печать как	
	источник при изучении исторического	
	пространства российской провинции	26 40
V D.D	XIX – начала XX вв	36–40
Холодова Е.В.	Графические реконструкции и	
	историко-градостроительный анализ	
	курского имения Моква Нелидовых-	
	Волковых по натурным исследованиям	
	· ·	
	XX веков	41–50
Салтык Г.А.	и архивным документам XIX – начала XX веков	
	воспоминаниях и мемуарах: проблема	
	сохранения	50–55
Раков В.В.	Источники по истории Белого движения	
	в Государственном архиве	
	Курской области	55–61
Суржик О.С.	Будни и праздники трудящихся	
	Московского региона в 1920-е – 1930-	
	е гг. по материалам Московского	
	областного архивного центра	61–66
Емельянова Е.И.,	Источниковая база восстановления	
монахиня Иустина	судеб насельниц Курского Свято-	
(Трофимова)	Троицкого женского монастыря,	
, ,	пострадавших в период гонений на	

	церковь в XX веке	66–72
Черников О.А.	Курский шелк: по материалам	
	архивного фонда Р-3170 «Курское	
	областное управление шелководства»	
	Государственного архива	
	Курской области	73–84
Кравцова Е.С.	Первые годы работы Курского	
r de la company	медицинского института через призму	
	материалов Государственного архива	
	Курской области (1935–1941 гг.)	84–88
Пчелинов-	Документы по истории первого года	
Образумов А.А.,	Великой Отечественной войны (июнь	
Крылова Т.В.	1941 – июнь 1942 гг.) в фондах	
p-wiozw ivev	Государственного архива	
	Белгородской области	88–96
Абрамова Э.Э.	Партизанский дневник как источник	00 70
110pun102W	изучения отдельных аспектов истории	
	Великой Отечественной войны	
	(на примере дневника И. С. Макарова)	97–101
Кононов Н.Г.	Архивные документы по	<i>)</i> , 101
	восстановлению жилищно-	
	коммунального хозяйства Курской	
	области: 1943–1945 гг. (на материалах	
	Госархива общественно-политической	
	истории Курской области)	101–110
Аргунов О.Н.	Массовые источники по истории засухи	101 110
ripi ynob o.ii.	и голода 1946–1947 гг.	
	в Курской области	110–117
Челышева Е.И.,	Новые поступления в архив музея-	110 117
Авдюшкин А.И.	заповедника – фонд документации	
тыдіошкий тілі.	историко-мемориального комплекса	
	«Героям Сталинградской битвы» на	
	Мамаевом кургане	117–122
Пигорева О.В.,	Документы Государственного архива	11/ 122
Долженков И.А.	Курской области как источник изучения	
Aomenicop II	истории Курской государственной	
	сельскохозяйственной академии	122–127
Никуленкова Р.А.	Роль архивных документов	122 127
iiiiiy viciikoba 1 vi i	ГБУ «Объединенный государственный	
	архив Оренбургской области» в	
	изучении социальной политики	
	советского государства 1960-х – 1970-	
	х годов и ее реализация в Оренбургском	
		128–134
	крае	120-134

Служба такси в городе Курске:	
становление и первые десятилетия	
развития через призму исторических	
источников (1960-е – первая половина	
1980-х гг.)	134–147
Художественный кинематограф как	
исторический источник: некоторые	
вопросы источниковедческого анализа	147–150
Работа с документами личного	
происхождения в	
ОКУ «Государственный архив	
Липецкой области». Комплектование и	
проблемы научного описания в	
процессе переработки описей	150-156
	развития через призму исторических источников (1960-е — первая половина 1980-х гг.)

А. И. Хирова

Библиотека информационно-образовательных ресурсов, Образовательный портал БИОР «УМНЕЙ»

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА С ПРИМЕНЕНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРИМЕРЕ ВКЛАДНОЙ КНИГИ ФЕОДОРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ ГОРОДА ПЕРЕСЛАВЛЯ-ЗАЛЕССКОГО XVI–XVII вв. 1

Аннотация. В статье рассмотрено использование современных информационных технологий для изучения исторического источника. В качестве примера приведено создание базы данных записей вкладной книги Феодоровского монастыря г. Переславля-Залесского XVI—XVII вв.

Ключевые слова: вклад; вкладная книга; запись; монастырь; информационные технологии; база данных.

Вкладные книги представляют собой своеобразный и интересный исторический источник, требующий всестороннего изучения и анализа.

Особенность вкладных книг как документа церковного, монастырского делопроизводства, состоит в том, что они являлись частью документирования договорных отношений между человеком и церковью, которое появилось на пересечении потребностей людей в церковной молитве и необходимости церкви в дополнительном финансировании, помимо пожертвований. Этот «договор» оформлял пожертвование человека, его вклад в собор или монастырь за соответствующую духовную услугу.

Вкладные книги предназначались для фиксации вкладовпожертвований паствы и духовенства в крупные соборы и монастыри. Вкладные книги велись в форме регистрационного учетного документа и фиксировали данные о вкладчиках, сделанных ими вкладах, целях вклада и обязательствах монастыря за внесенный вклад. Также вкладные книги могли содержать сведения об истории монастыря, его укладе, хранящихся святынях. Часто вкладные книги сопровождались вступительными записями богословского характера, обосновывающими духовную пользу пожертвований церквям и монастырям [1, с. 612–617].

Вклады вносили как миряне-представители различных сословий и достатка: члены царской семьи, аристократия, военные, крестьяне, торговые люди; так и духовенство — митрополиты, игумены, монашествующие, представители белого духовенства и т. д.

-

¹ Работа выполнена при поддержке Феодоровского женского монастыря г. Переславля-Залесского.

Вклад мог представлять собой как недвижимость, такую как вотчины, земли; целевые денежные средства (например, постройка или ремонт храмов и иных монастырских построек); предметы для храма и богослужений — иконы, богослужебные книги, церковную утварь, облачения и ткань на них, богослужебные изделия из ткани. Помимо этого, жертвовали и на хозяйственные нужды монастыря: домашний скот, предметы для сельскохозяйственных работ и быта. Самым распространенным видом вклада были денежные средства.

Конечная, духовная цель вклада определялась необходимостью храмовой, монастырской молитвы о душе человека, как во время его земной жизни, так и, особенно, после его кончины, для спасения души и обретения «царствия небесного» [2, с. 126].

Для достижения этой цели за внесение вклада вкладчик устанавливал перед монастырем обязательства, которые достижению данной цели способствовали. За вклал могли поминать ПО монастырскому богослужебному уставу, в том числе с записью в поминальные книги – синодики (древнее – сенаники). Синодик – специальные книги, в которые вносились имена живых и умерших для их церковного поминовения [3]. Также вкладчики могли давать на «кормы» – праздничные трапезы для братии с поминанием того, по кому был дан вклад [1, с. 612-617]. Также вклад могли давать за постриг в монахи, погребении после кончины на монастырском кладбище, о поминании как прочих вкладчиков или прочей братии, о поминании с записью в синодики.

Вкладчик мог вносить пожертвования за себя, и за своих ближних, мог дать вклад заранее, с обозначением условий, например, за постриг при желании в дальнейшем, вклад мог внестись и по смерти человека его душеприказчиком.

Здесь можно сказать об огромном разнообразии информации, которая содержится во вкладной книге и представляет несомненный интерес для изучения в историческом, социокультурном и духовном аспектах. На основе сведений, содержащихся во вкладных книгах, с одной стороны, можно способствовать воссозданию истории монастыря, проследить изменения и преобразования его архитектурного ансамбля, познакомиться с особенностями богослужения в данный исторический период, составить представление о повседневной, бытовой жизни монастыря. С другой стороны, это огромный пласт для понимания жизни мирян – прихожан монастырей, их культуры и духовной жизни.

Данный материал нуждается в системной обработке, структуризации и комплексном анализе для использования его в дальнейших научно-исследовательских проектах и публикациях самих вкладных книг с комментариями и справочным аппаратом. Для удобства работы с данными, содержащимися во вкладных книгах, можно использовать современные информационные технологии, в частности, программные средства Microsoft Office.

В статье будет приведен пример создания единой информационной базы данных записей вкладной книги Феодоровского монастыря города Переславль-Залесского XVI—XVII вв. для последующего их анализа и использования в научно-исследовательской и духовной деятельности монастыря, а также формирования справочного аппарата для последующей возможной публикации вкладной книги.

Вкладная книга Феодоровского монастыря города Переславля-Залесского датирована XVI–XVII вв. Она представляет собой рукописный документ, шестьдесят пять листов которого исписаны стилизованным полууставом и скорописью разных почерков с лицевой, и оборотной сторон.

Содержание вкладной книги разделено на две части: богословское обоснование духовной пользы от внесения вклада и регистрационную форму, которая предназначена непосредственно для записи вкладов. В базу данных внесено содержание только второй части книги.

Вторая часть начинается с двенадцатого листа книги и включает следующие разделы: «Дачи князей и боляр, детей болярских»; «Вклады братцкие Феодорова монастыря старцов»; «Дачи монастырских слуг и сторонних людей всяких».

В книге выявлено порядка 194 записей. Запись вклада, как правило, содержит следующие сведения: дата внесения вклада, сведения о вкладчике, описание самого вклада, по кому внесен вклад, цель внесения вклада и обязательства монастыря перед вкладчиком.

Также в записях вкладной книги могли быть зафиксированы имена игумена и соборных старцев, при которых вносилось данное пожертвование; указание конкретного храма монастыря, куда был задействован вклад; также мог уточняться факт дачи вкладчику вкладной грамоты — одной из форм монастырской расписки, которая составлялась от имени игумена и соборных старцев, и содержала сведения о вкладе и обязательствах монастыря перед вкладчиком [4, с. 363]

Для рассмотрения порядка внесения записи вклада обратимся к 75 главе постановлений Стоглавого собора 1551 г., с которым многие исследователи (например, Л. И. Ивина, Е. Н. Клитина и др.) связывают непосредственно вкладных книг, необходимостью четкого документирования вкладов [1, с. 612–617]. «Такоже и впредь, которые боголюбцы (вкладчик) учнут давати святым церквам и святым монастырем (наименование монастыря) отчинные сели и купли, и денги, и всякие вещи, и прочая недвижимые вещи (описание вклада) по своих душах и по своих родителех (по кому дан вклад) в вечной поминок, в наследие благ вечных (цель вклада), и цм по них потому же годовые памяти творити: на их памяти соборне понахиды пети и обедни служити самом пастырем, и кормы на братию ставити по монастырскому чину, и в сенаники имена их писати, и поминати по церковному чину и по божественному уставу ничтоже претворяюще (обязательства монастыря перед вкладчиком)... И они потому и память творят, и в сенаники имена их пишут, и поминают, доколе оже бог даст и монастырь стоит» [5].

Получается примерный порядок записи во вкладной книге: (вкладчик) — (наименование монастыря/храма) — (описание вклада) — (по кому дан вклад) — (цель вклада) — (обязательства монастыря перед вкладчиком).

В примера рассмотрим запись вкладной качестве книги Феодоровского монастыря: «Лета 7152-го (1644) августа в 29 день (дата вклада) при игумене Аврамье (имя игумена) и при священнике Феодосии, и при казначее старце Александре, и при старце Аврамье Порошине, и при подкеларнике Авраамии, и при старце Сергии Нороватом (имена соборных старцев) дал вкладу в дом святого великомученика Феодора Стратилата (наименование монастыря, храма) слуга Федор Федоров сын Измайлов (вкладчик) корову за три рубля (описание вклада), и за тот ево вклад приняли ево (по кому дан вклад) в Федоровской монастырь в слуги (цель вклада – обязательства монастыря) [6, л. 26 об.].

Получается следующий порядок записи: (дата вклада) — (имя игумена) — (имена соборных старцев) — (наименование монастыря, храма) — (вкладчик) — (описание вклада) — (по кому дан вклад) — (цель вклада — обязательства монастыря).

Здесь стоит обратить внимание, что формуляр записи соответствует указаниям, содержащимся в 75 главе постановлений Стоглавого Собора.

Для составления информационной таблицы была выделена основная и второстепенная группа данных. В основную группу данных вошли те сведения, которые указаны в постановлениях Собора, кроме наименования монастыря/храма: вкладчик, описание вклада, по кому дан вклад, цель вклада, обязательства монастыря перед вкладчиком.

Во второстепенную группу данных вошли: дата вклада, имя игумена, имена соборных старцев, наименование монастыря/храма. Также был добавлен номер листа вкладной книги, на которой находится данная запись.

Далее, все записи вкладной книги были условно пронумерованы в том порядке, в котором они представлены в документе. Записи вкладной книги, не систематизированные по хронологическому принципу, были упорядочены в последовательности от раннего к позднему в соответствии с пребыванием указанных в записях игуменов в данном статусе. Для этого был выделен элемент записи (имя игумена) и примерные даты его управления монастырем.

Все записи вкладной книги монастыря были проанализированы и проработаны с учетом изложенной концепции.

На этой основе был создан макет таблицы, включающие следующие столбцы (таблица 1):

Таблица 1. Макет базы данных

№ записи	№ листа	Игумен	Вкладчик	Описание вклада	По кому дан вклад	Цель – обязательства
						монастыря

Для системной выборки основные данные были соотнесены в группы: (вкладчик) — сословие; (описание вклада) — тип вклада; (по кому дан вклад) — по кому вклад; (цель вклада - обязательства монастыря перед вкладчиком) — цель вклада. В таблицу были внесены столбцы для системной выборки.

База данных была создана в табличном процессоре Microsoft Excel. Данное программное приложение было выбрано, в том числе, благодаря его возможностям обработки и статистического анализа данных, построения различного вида диаграмм, расширенным возможностям поиска и подборки информации по заданным критериям.

Данные записей вкладной книги внесены в таблицу. Выборка, фильтрация данных производится по всем типам данных (таблица 2):

Таблица 2. Пример внесения записи в базу данных

_											
№ 3an ucu	№ лис та	Дата вклада	Игумен ы	Вклад чики	сосло вие	Описани е вклада	тип вклада	По кому дан вклад	по кому	Цель - обязател ьства монасты ря	цель
104	32 06.	[7]125-го (1616) октября в 22 день	Игумен Гурий 1613 – 1617.	бобыл ец Фирс тко Демен тьев	крест	кобылу гнеду за три рубли	лошади	по себе	по себе	приняли в монастыр ь в конюхи, и вкладную ему дали.	принят ие в монаст ырь

Была составлена полная сводная таблица записей вкладной книги Феодоровского монастыря. Возможности данной таблицы позволяют осуществлять поиск необходимой записи в книге по любой группе данных, позволяет делать выборки и составлять списки данных по любому из установленных параметров, создавать статистические диаграммы.

Создание таблицы позволило получить следующие результаты:

- 1. Были составлены списки вкладчиков монастыря, имена которых впоследствии могут быть внесены в современный монастырский синодик для их дальнейшего церковного поминовения. Среди вкладчиков были выделены в том числе известные фамилии, что позволило изучить биографии вкладчиков и их отношение к монастырю.
- 2. Были дополнены исторические сведения об основных этапах строительства и реставрации храмов и иных монастырских построек, определены вотчины, принадлежащие монастырю, а также связанные с этим имена вкладчиков.

- 3. Были составлены списки предметов церковной ризницы: установлены облачения и используемая для них ткань, церковные изделия из ткани, составлен список богослужебных книг, использовавшихся в тот временной период. Была восстановлена история появления в монастыре многих икон и окладов к ним, составлены списки пожертвованной церковной утвари с ее описанием. Также были описаны пожертвованные оружие, одежда, бытовые предметы, домашний скот, предметы для хозяйственных нужд.
- 4. По типам вкладов были составлены статистические диаграммы, где в процентном отношении была установлено соотношение вкладов, подсчитано количество и дано описание каждого типа вклада.
- 5. Было определено, по каким категориям лиц давали вклады, а также их процентное соотношение.
- 6. Установлены виды обязательств монастыря перед вкладчиками. К ним можно отнести:
- творение годовых памятей, а также внесение имен в синодики и поминовение по церковному чину и божественному уставу;
 - молитвы о здравии;
 - поминовение своего в будущем и своих родственников;
 - постриг и принятие в монастырь (с определенными условиями);
- пожертвования без указания цели и обязательств (условно благотворительность).

Были составлены списки принявших постриг, поименно с указанием временного периода, составлены списки имен, внесенных в различные монастырские синодики. Также составлены списки возможно погребенных на монастырском кладбище.

Все сведения были сведены в соответствующие указатели для возможного будущего издания вкладной книги, со взаимосвязанной системой навигации.

Вкладная книга как исторический источник представляет огромный интерес и культурную ценность для ее изучения в историческом, социальном, культурном, духовном аспекте. Проведенная научно-исследовательская работа с применением современных информационных технологий позволила создать базу данных записей вкладной книги, используемую для всестороннего ее изучения. Материалы исследования дополнили уже имеющиеся исторические, культурные и духовные сведения о монастыре и могут быть использованы для проведения дальнейшего изучения вкладной книги и ее возможной публикации в будущем.

Источники и литература

1. Православная Энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла. Электронная версия. Т. 8.

- 2. Штайндорф Л. Вклады и поминание в московском государстве явление средневековья или раннего нового времени? // Зубовские чтения. Сборник статей. 2010. N 5.
- 3. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI первая половина XIV в.) / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987.
- 4. Вкладная грамота // Большая советская энциклопедия в 66 т. (65 т. и 1 доп.) / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М., 1926–1947.
- 5. Азбука Веры. Электрон. дан. 2005. [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/ (дата обращения: 17.11.2021 г.).
- 6. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Кол. 115 (рукописные книги). Оп. 1. Ед. хр. № 170.

И. С. Ефремова

Государственный архив Курской области

ВИДЫ ДОКУМЕНТОВ ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ГОРОДОВЫХ МАГИСТРАТОВ КУРСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Аннотация. Настоящая работа, основываясь на детальном источниковедческом анализе сохранившейся в Государственном архиве Курской области документации городовых магистратов Курского наместничества, показывает, что из себя представлял комплекс документов по личному составу данных учреждений.

Ключевые слова: Курское наместничество; магистраты; города; документы по личному составу.

В первой четверти XVIII в. в связи с опубликованием «Генерального регламента» и учреждением Герольдмейстерской конторы началась стандартизация в оформлении документов по личному составу. Наряду с другими государственными учреждениями эти правила распространялись и на магистраты. В материалах архивных фондов Курского губернского, Курского городового и Обоянского городового магистратов документы о результатах служебной деятельности занимают менее 10 % от общего состава. Ввиду плохой сохранности личные дела выделены не во всех годовых разделах, что не создало препятствий для их классификации. В служебные процессе исследования документы магистратов были разделены на несколько групп:

- документы по учету кадров, в числе которых формулярные и послужные списки;
 - документы по учету рабочего времени;
 - документы, отражающие финансовую сторону службы;
 - распорядительно-отчетная документация;
 - документация, фиксировавшая прием и увольнении со службы.

Наибольший интерес представляют послужные списки. Впервые этот вид документации появился в 1764 г. как форма отчетности перед Герольдмейстерской конторой [15, с. 510]. С усилением позиций дворянства наиболее перспективные вакансии стали наследственными, что усложняло оформление списков. С 1771 г. к общеобязательным графам о происхождении, возрасте, движимой и недвижимой собственности, судимости и данных о предыдущем месте работы добавлялась информация о семейном положении чиновника [13, л. 7 об. -9, 22 об. -24, 26 об. -28]. По форме 1771 г. указывалось сословное происхождение супруги, пол и возраст детей, а также место их пребывания [13, л. 3–4]. Так, из материалов Обоянского городового магистрата за 1781 г. узнаем, что 47летний бургомистр П. К. Варваров был женат на дочери однодворца Е. К. Бегичевой, в браке с которой прижил двух сыновей, «... обитающих в купечестве при отцовском доме» [13, л. 3-4]. Второй бургомист Ф. Б. Бочеров и четверо ратманов – И. М. Суханов, Г. М. Сагорев, П. И. Стебаков, А. И. Каракулин – были женаты на купеческих дочерях и имели детей не в отделе [13, л. 22 об. -24, 26 об. -28].

Послужные списки дополнялись документами по учету рабочего времени, в числе которых ведомости «О состоянии присутствия...». Они включали несколько граф: в первой и второй указывались число и день недели, в которые проходили заседания магистрата; третья и четвертая поименно перечисляли бургомистров и ратманов с указанием, в какие дни и часы (пополуночи или пополудни) они явились на работу, сколько часов заседали (2 или 8), в какой период находились в отпуске или отсутствовали по болезни [8, л. 614 об. – 615]. Зачастую к ним прилагались дополнительные сводки, конкретизировавшие информацию по отдельным вопросам. Одним из таких документов являлись ведомости «О чинах, находящихся в отпуску...». По структуре они делились на четыре колонки: 1) «с какого числа отбыл»; 2) ФИО служащего и его чин; 3) «на сколько дней отпушен»; 4) «явились в срок к должности или нет» [8, л. 615]. К этим материалам подшивались прошения служащих о предоставлении проезжих паспортов и резолюции правления. По выходу из отпуска чиновники приносили явочные, в которых указывались срок отсутствия, не превышавший 28 дней, и статус паспорта (годовой или трехгодичный, просрочен или нет) [8, л. 617]. В случае несвоевременного возвращения они подавали известия и объяснения [13, л. 6].

«Учреждений об управлении соответствии с главой XX губерний...» судейские должности были выборными. Поэтому внушительный массив материалов, отнесенных к категории «прием и увольнение со службы» составляли баллотировочные листы и списки. Различие этих документов заключалось в степени подробности. примеру, баллотировочный лист Курского городового магистрата за фамилий, а список, 1783 г. содержал 100 оформленный предварительного голосования, -31 [4, л. 19 - 22, 23 - 23 об.]. Замещение

канцелярских должностей осуществлялось на контрактной основе. В этом случае соискатель подавал челобитье в магистрат с приложением копии аттестата с предыдущего места работы [5, л. 1]. Предоставление последнего с января 1764 г. стало обязательным [15, с. 510]. Этот документ информацию 0 личных качествах служащего производственном стаже [10, л. 414 – 414 об.]. Когда при увольнении чиновнику вручался аттестат, последний обязывался уплатить пошлину. В связи с этим событие фиксировалось как в книге выдачи [10, л. 84], так и в ведомости о приходе средств [11, л. 105]. Соискатели на канцелярские должности нанимались только после одобрения на заседании присутствия. В случае положительного вердикта в дом кандидата посылался нарочный с приглашением явиться в магистрат для заключения контракта [11, л. 3, 6].

Документы, отражающие финансовую сторону службы, включали счетные выписки и тетради на записку жалованья [11, л. 27, 50]. Первые оформлялись в отношении бургомистров и ратманов, вторые – приказных служащих. Выписки состояли из приходной и расходной частей, в которых сумма выплат прописывалась индивидуально для каждого чиновника «за вычетом на гошпиталь» [8, л. 114 об. – 115; 3, л. 172]. Документ отправлялся с приложением рапорта магистратского копеиста о принятии средств за очередную годовую треть и подписывался бургомистром и двумя ратманами [8, л. 109]. Документирование этого процесса в разных учреждениях могло отличаться. Например, в Обоянском городовом магистрате вместо выписок составлялись третные реестры и счета, схожие по внешнему оформлению [13, л. 12]. А курское губернское присутствие вело книги «Записываемых в приход сумм канцелярского расхода и положенных на жалованье». Указанное обстоятельство отражало делопроизводственные традиции, которые, Н. В. Середы, стали следствием «...интеграции городов в экономику» [14, c. 186].

Документы каждую треть заполнялись гражданскими старостами и через магистрат отсылались в казенную палату. Тетради «На записку жалованья» по форме отличались от выписок. В них зарплатная история каждого служащего фиксировалась на отдельном листе с прописанием всех начислений. В отличие от судей жалованье приказных зависело от объема документооборота. Например, в 1786 г. канцелярист Григорий Борзенков заработал 133 руб., а Борис Драчов – 170 [7, л. 33, 34]. Анализ «Описей посланным в казенную палату из городового магистрата ... и выданных сего магистрата присутствующим жалованья показывает, что комплекс отчетной документации об окладах включал «Книгу приходную», «Книгу расходную», счетную выписку сопутствующую документацию, состоявшую из сообщений уездного казначейства об отправке средств, рапортов магистратских копеистов и ратманов об их получении и распределении, известий и объяснений служащих в случае злоупотребления положением и нарушения контрактов [3, л. 172].

Заработанными деньгами магистраты не распоряжались — они отправлялись в казначейство с приложением ведомости о предстоящих расходах на будущий год. В ведомостях была зарплатная и канцелярская части. Об использовании ассигнований на внутренние нужды магистраты отчитывались посредством ведомостей «О канцелярских расходах», к которым относились покупка свечей, гербовой бумаги и т. п. [3, л. 209].

Распорядительно-отчетная документация многочисленные рапорты, известия, И объяснения служащих выполнении той или иной работы, а также приказы и распоряжения, побуждавшие их к действию. Например, 4 сентября 1780 г. магистратский служитель Чернов рапортовал об оповещении М. Л. Калашникова и Ф. Я. Климова о командировке в Корочу и Рыльск для ревизии казны [1, л. 9]. В декабре 1780 г. сборщики Е. Климов и М. Фадеев докладывали о состоянии соляной продажи. В январе 1786 г. ратман И. Бутов написал объяснение в магистрат о причинах своего отсутствия в уездной чертежной [2, л. 1]. А от бургомистра С. Филипцова потребовалось изъяснение, почему выданный ему паспорт не внесен в журнал [6, л. 7]. Магистрат руководил служащими посредством устных и письменных приказов. Для оповещения подследственных и выборных выдавались сыскные, сопровождавшиеся «словесными» наставлениями, а при отправке в другие губернии им вручались приказ и квитанция о получении прогонных денег [6, л. 7, 8].

Таким образом, в последней четверти XVIII в. в делопроизводстве государственных учреждений Российской империи сложился устойчивый перечень документов по личному составу. За оформление этих материалов отвечали соответствующие канцеляристы, к которым предъявлялись высокие образовательные требования. От точности заполнения служебной документации зависело начисление пенсиона и заработной платы, возможность приема на другое место работы или карьерного роста. Анализ этого вида документов позволяет воссоздать образ государственного гражданского служащего Российской империи в XVIII веке, а также понять, как в тот период работали чиновники.

Источники и литература

- 1. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 108. Оп. 8. Д. 66.
- 2. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 109.
- 3. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 171.
- 4. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 237.
- 5. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 240.
- 6. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 417.
- 7. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 426.
- 8. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 339.

- 9. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 725.
- 10. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 849.
- 11. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 1121.
- 12. ГАКО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 13.
- 13. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 14, 21.
- 14. Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М., 2004.
- 15. Указ Сената от 31 января 1764 г. № 12030 «О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков чиновников чрез каждые полгода, по приложенной форме» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830.

Л. М. Рянский

доктор исторических наук Курский государственный университет

Р. Л. Рянский

доктор исторических наук Курский государственный университет

М. Л. Рянская

кандидат исторических наук Средняя общеобразовательная школа № 51 (г. Курск)

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

Аннотация. В статье проанализирован значительный корпус архивных и опубликованных документов, составляющих источниковую базу для изучения социально-экономического положения и уровня жизни государственных крестьян Курской губернии в дореформенный период. Уделено внимание вопросу о степени достоверности информации, содержащейся в рассматриваемых материалах.

Ключевые слова: государственные крестьяне; палата государственных имуществ; топографические описания; рекрутские присутствия.

История крестьянства дореформенной России — одна из важнейших тем в отечественной историографии. Особенно большое внимание ей уделяли советские историки. При этом подавляющее большинство исследований посвящалось населению помещичьей деревни, тогда как государственные крестьяне редко становились объектом научного

изучения. Не стала исключением в этом отношении и государственная деревня Курской губернии. Достаточно сказать, что вплоть до настоящего времени еще не проведено монографического исследования по данному вопросу.

Как известно, необходимой предпосылкой для разрешения любой исторической проблемы является наличие репрезентативной источниковой базы. В настоящей статье анализируются источники, имеющие, по нашему мнению, существенное значение для выяснения состояния хозяйства и положения (благосостояния, уровня жизни) государственных крестьян региона в предреформенный период.

Прежде всего, обратимся к документам, хранящимся в центральных федеральных архивах.

Определенный интерес представляет собой комплекс экономикостатистических К описаний. ним относятся «Экономические примечания» к Генеральному межеванию, составленные в 70-е – 80-е гг. XVIII века. В «примечаниях» приводятся по каждому населенному пункту («даче») сведения о численности населения, земельных угодьях, крестьянских промыслах, мельницах, природных [1]. K ЭТИМ же видам условиях и др. источников относятся Топографические описания, созданные в 1780-х гг. По наместничеству составлено несколько подобных источников. Одно из них датировано 1784 г. В нем сообщается о численности государственных крестьян, земледелии (включая агрикультуру), других отраслях сельского хозяйства, крестьянских промыслах, торговле, «нравах» жителей [2]. «Описание своему содержанию является Курского Сходным наместничества И. Башилова» [3]. Особенно интересна характеристика «нравов» однодворцев (основной категории государственных крестьян). Принято считать, что положение государственных крестьян было лучше, чем помещичьих, так как они имели большие земельные наделы. Но в действительности однодворцы «большей частью... ныне стали безземельны, потому что земли свои распродали дворянам» [4, с. 145]. Более поздние документы подтверждают это сообщение. Еще одно Топографическое описание было опубликовано в 1786 г., но о нем будет сказано ниже.

В фонде ВУА Российского государственного военно-исторического архива хранятся материалы к составлению статистического описания Курской губернии, датированные 1818–1819 гг., и «Обозрение Курской губернии» 1817–1818 гг. В них приведены списки селений с указанием в каждом из них числа дворов государственных и помещичьих крестьян с перечислением в этих населенных пунктах мужских и женских душ, количества лошадей и крупного рогатого скота. Кроме того, приведены по уездам нормы высева и количество собираемого хлеба с одной десятины, что позволяет определять степень его урожайности в «самах» – ключевого показателя уровня земледельческого производства [5, 6, 7].

Однако обозначенные выше данные о количестве скота не позволяют изучить дифференциацию крестьян. Для этого необходимы подворные описи (описания крестьянских дворов), но они имеются в архивных фондах только по помещичьим имениям. Единственным известным нам исключением являются данные известного курского историка Ф. И. Лаппо, почерпнутые из фондов Российского государственного архива древних актов, касающиеся однодворцев и относящихся, правда, к 1760-м гг. Речь идет о документах, напоминающих подворные описи. Все дворы сгруппированы по количеству лошадей. В первую группу включены безлошадные дворы, в последнюю (четырнадцатую) — хозяйства, имевшие 21 и более лошадей. В каждом дворе перечислено также количество коров, овец, коз, свиней, ульев пчел, одоньев или скирд хлеба [8].

Большой популярностью у исследователей пользовались, а у некоторых и продолжают пользоваться, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве ежегодные отчеты губернаторов. На самом же деле они сохранились не за все годы. Губернаторские отчеты малоинформативной текстовой части и приложения, состояли из включавшего 20–27 «ведомостей» (таблиц). Часть из них отражают некоторые стороны хозяйства и положения государственных крестьян. В отчетах, начиная с 1842 г., указывались численность населения, посевы и урожаи хлебов, иногда поголовье скота, принадлежавших государственным крестьянам. В сообшалось тексте отчетов отходничестве и заработках государственных крестьян с указанием оценки полученных доходов, например, за 1846 г. [10; 11, л. 36].

Вместе с тем степень достоверности приведенных в отчетах статистических данных далеко не одинакова. Так, цифровые показатели ведомости № 21 о посевах и урожаях хлебов не отличаются высокой точностью. Хотя они имеют важнейшее значение для выяснения крестьян. Урожаи зерновых положения вычислялись основе неизвестного числа пробных умолотов, результаты экстраполировались на уезды, губернии, а затем и на всю страну. Еще в 1819 г. кабинет министров отметил, что табель о посевах и урожаях не верна: «сведения, на которых она основана бывши взяты со слов крестьян и объявлений помещиков, конечно, верными почитаться не могут... урожай везде показан несравненно меньше, нежели действительно бывает оный в натуре» [Цит. по: 12, с. 167].

Более достоверной является информация, содержащаяся в ведомости № 20 «О хлебных и денежных запасах продовольствия», основанная на сведениях губернской комиссии народного продовольствия. За эту информацию устанавливалась гораздо бо́льшая ответственность местной власти, чем за достоверность данных о посевах и урожаях хлебов, поскольку право крестьян на продовольственную ссуду в неурожайные годы прямо зависело от состояния страховых продовольственных запасов. Закрома с зерном маркировались, проводились проверки, протоколы

проверок подавались в комиссию народного продовольствия. Они-то и служили источником ведомости № 20 [12, с. 193–194]. Эти наблюдения Б. Г. Литвака подтверждаются сведениями по Курской губернии. Так, например, в 1850 г. исполняющий обязанности начальника Белгородского округа Азанчевский показал в отчете меньше хлеба на целых 2969 четвертей, чем в «магазинной книге» и на 1949 четвертей, чем по показанию смотрителя хлебных запасных магазинов округа. Новому начальнику Белгородского округа было предписано провести соответствующее дознание по данному нарушению [13, л. 78 об.].

Поскольку ведомость № 21 «резонирует» с более надежной ведомостью № 20, Б. Г. Литвак предложил изучать их совокупно путем систематического сопоставления содержащихся в них данных за ряд лет. Это, по его мнению, позволило бы лучше уяснить степень достоверности статистических данных ведомости № 21 [12, с. 198–201]. Также он предложил способы проверки степени достоверности информации в таких значимых таблицах, как ведомость № 22 (о рыночных хлебных ценах), ведомость № 17 (о ярмарочной торговле), ведомости № 18 (о промышленных предприятиях), ведомость № 19 (о поголовье скота), так как содержащиеся в них сведения далеко не безупречны [12, с. 194–197].

источников Одним ИЗ немногих ДЛЯ изучения естественного И механического движения народонаселения государственной деревни являются материалы ревизий (дореформенных переписей жителей Российской империи), проводившихся в фискальных целях. Исследователи чаще всего используют сводные материалы ревизского учета (окладные книги и перечные ведомости), хранящиеся в Российском государственном историческом архиве [14]. По мнению В. М. Кабузана и Л. В. Милова, наиболее точные данные по ревизии приходятся не на год окончания этой ревизии, а на год предшествующий следующей, очередной ревизии [15, с. 217]. С этим утверждением нельзя согласиться полностью. Оно вполне обосновано применительно к первой переписи (1719 г.), когда из-за несовершенства техники ее проведения ускользнуло от учета около 19 % «прописных» и беглых душ, но не выдерживает критики в отношении ревизий, проводившихся в изучаемый нами период. Поэтому необходимо ориентироваться на данные о численности населения, относящиеся к году завершения переписи. Что же касается показателей за год, который предшествовал проведению этой новой ревизии, то они, при сопоставлении с новыми данными, позволяют установить, хотя и не полностью, размеры механического движения населения в период между прежней и новой ревизиями (то есть в межревизский период).

В фонде казенной палаты Государственного архива Курской области хранится «Перечневая выписка убылым и прибылым душам, зделанная из сказок 5 ревизий» [16]. Она позволяет изучать не только механическое, но и естественное движение всех разрядов населения Курской губернии в

период между IV-й (1782 г.) и V-й (1795 г.) ревизиями. Это объясняется тем, что названная «выписка» в точности соответствует формуляру ревизской сказки, то есть является полноценной перечневой ведомостью. В ней приводятся по каждому уезду данные о числе мужских душ по предшествовавшей IV-й ревизии, убылых из них в межревизский период (умерших, отданных в рекруты, беглых или безвестно пропавших, сосланных, выбывших в другие сословия, в уезды Курской губернии и в другие губернии), а также прибылых (новорожденных, возвратившихся из ссылки и побегов, поступивших из других сословий, уездов и губерний) и, данные о численности наконец, жителей по V-й ревизии. Старооскольскому уезду некоторые статьи убыли и прибыли мужского населения конкретизированы. Приведем примеры. Из однодворцев самовольно поступило в военную службу 21 человек, в штатскую – 1. В крестьян прибыло из вольноотпущенных государственных 5 человек, из «церковников» -38, из поступивших в отставку -65, поступило однодворцев в дворянство – 15. Интересно отметить, что среди МНОГО крепостных числилось беглых: ИЗ помещичьих 130 человек, из помещичьих «черкас» – 955, тогда как из однодворцев только 19 душ, из экономических черкас -3, из мещан -9, из ямщиков -3[16, л. 1156–1156 об.].

В первой половине XIX в. подобные перечневые ведомости очевидно не составлялись, поэтому для изучения естественного движения (прироста) населения необходимо использовать метрические книги и первичные материалы ревизского учета — ревизские сказки, также хранящиеся в фонде казенной палаты. Разработка данных источников крайне трудоемка, что диктует необходимость применения выборочных методов исследования. Подобное выборочное исследование ревизских сказок государственных крестьян Курской губернии в период с 1816 г. (VI-я ревизия) по 1858 г. (X-я ревизия), проводилось в конце XX в. [17, с. 96—102]. По нашему мнению, оно продемонстрировало принципиальную возможность изучения естественного прироста населения в изучаемый период на базе выборки ревизских сказок весьма небольшого объема.

Остается пояснить, что уровень естественного прироста населения является одним из значимых резюмирующих показателей положения крестьян.

Пожалуй. наиболее информативными источниками, отражающими социально-экономическую ситуацию в государственной деревне Курской губернии, можно считать ежегодные отчеты палаты государственных имуществ, соответствующем отложившиеся В профильном фонде Государственного архива Курской области [18]. К сожалению, они сохранились не полностью, а только за 1839, 1840, 1844, 1845, 1847, 1850, 1851 и 1860 гг. И, тем не менее, наличие информации, относящейся к началу преобразований в рамках реформы государственной деревни П. Д. Киселева, к середине и к концу изучаемого периода открывает весьма широкие возможности для исследования различных сторон жизни «казенных» крестьян. Следует отметить, что частично эта информация отправлялась в некоторые местные государственные учреждения и включалась в губернаторские отчеты.

Каждый отчет палаты государственных имуществ состоит из двух частей. Первая текстовая часть, в отличие от губернаторских отчетов вовсе не является «заурядным канцелярским сочинением» [15, с. 220], а напротив, содержательна, насыщенна фактами и цифрами, касающимися губернии в целом. Достоинством статистических таблиц из второй части отчета является наличие поуездных данных, что должно способствовать углублению научного анализа, проведению микроисторических локальных краеведческих исследований. Разумеется, достоверности содержащихся в отчетах сведений различна, в особенности тех, которые включались в губернаторские отчеты.

Весьма подробно в отчетах палаты освещено механическое и естественное движение населения государственной деревни. Особую ценность имеют данные, относящиеся ко времени проведения ревизии (в случае к 1850 г., когда была проведена ІХ-я ревизия). Достоверность этих данных должна быть достаточно высокой. В отчете за 1850 г. сообщается, что ревизские сказки ІХ-й ревизии написаны (под наблюдением помощников окружных начальников) волостными сельскими писарями и их помощниками [13, л. 40 об.]. Эти документы проходили первую проверку в специально созданной уездной ревизской комиссии, где их сличали со сказками предыдущей ревизии. После исправления они направлялись казенную проверки В «Заключительным этапом была правительственная проверка ревизских проводилась В течение года после которая дополнительного срока». Специальные чиновники выезжали на места и проводили сличение «ревизских сказок с действительной наличностью числа людей» [19, с. 175–176].

В демографическом разделе отчета за 1850 г. указывается число душ мужского и женского полов по VIII-й (1833 г.) ревизии, число родившихся обоих полов в межревизский период и в 1850 г. (то есть, в ревизский период), число убывших в 1850 г. (включая новорожденных), а также умерших (обоих полов), сосланных в Сибирь, отданных в рекруты и затем численность населения к 1851 г. Кроме того, приведено количество «семейств», то есть дворов (почти 90 тысяч) и число представителей других сословий, проживающих в государственных селениях с указанием их занятий. Наконец, приводятся сведения об отставных солдатах, женах рекрутов, лиц, принятых на службу, цыганах.

Немаловажное значение имеют данные о повинностях государственных крестьян, так как их размеры показывают интенсивность эксплуатации, от которой во многом зависели состояние хозяйства и благосостояние деревенского населения. Следует отметить, что объем и

виды повинностей в 40-е – 50-е гг. XIX в. не оставались неизменными. Так, традиционный подушный оброк преобразовался в форму поземельно-промысловой подати. Поземельный и промысловый сборы стали взиматься «со 100 руб. чистого дохода» [20, л. 20]. В отчетах перечислены все виды натуральных и денежной повинностей и недоимок по ним. Это были казенные, земские и мирские повинности, размеры которых указывались отдельно в денежной и натуральной форме.

Стоит упомянуть о наличие в отчетах сведений, касающихся бытовых условий жизни государственных крестьян: о проведении благоустройства в селениях и жилых помещениях, проводимых главным образом в целях борьбы с частыми пожарами (обустройство сел и деревень по планам, строительство домов на каменном фундаменте, каменных и деревянных столбах с несгораемыми крышами, установка дымовых труб, перенос овинов и кузниц на безопасное расстояние от домов и т. п.). Все это способствовало в какой-то мере более комфортному проживанию населения.

Положение крестьян в огромной мере зависело от обеспечения их продовольствием. В отчетах приводится довольно подробная информация о хлебных запасных магазинах: общее количество различных зернохранилищ (собственно специальных «магазинов», амбаров и ям), количество четвертей хранящегося в них озимого и ярового зерна, объемы хлеба, выданного в ссуды и числящегося в недоимке, возвращенного из ссуд и поступившего из нового урожая. Также сообщаются аналогичные данные о размерах капитала продовольствия в рублях. Иногда даются оценки палаты о собственных страховых запасах хлеба у крестьян.

В каждом отчете приводятся сведения о посевах и урожаях хлебов, достоверность которых вызывает сомнения, о чем уже было сказано выше при характеристике губернаторских отчетов.

Пожалуй, большего доверия заслуживают данные о хлебных ценах. Как правило, называются средние цены за одну четверть ржи, пшеницы, гречихи, проса, крупы, овса, конопли и за один пуд сена. Иногда они приведены по уездным городам и сезонам. Такие сведения были для крестьян достаточно актуальны: при неурожаях с продовольственной и налоговой точек зрения, при высоких урожаях — в большей степени с последней, так как в такие годы цены резко падали, что сказывалось негативно на доходности хозяйств и их платежеспособности.

В отчетах имеются сведения о животноводстве и других отраслях крестьянского хозяйства. Следует отметить, что статистические данные о поголовье крестьянского скота едва ли являются достаточно точными, хотя бы потому, что скот не разделяется на взрослых животных и молодняк.

Кратко и стереотипно описываются различные крестьянские промыслы. Впрочем, статистические данные отчетов о количестве выданных крестьянам паспортов и билетов позволяют получить

достаточно верное представление о масштабах отхода крестьян на заработки, являющиеся значимым источником доходов их хозяйств.

Во всех отчетах содержится информация, касающаяся медицинского обслуживания крестьян. Сообщается о количестве больниц, врачей, бабок, фельдшеров, повивальных оспопрививателей вакцинированных младенцев. В отчете за 1847 г. сказано о начале эпидемии холеры и числе заболевших, умерших и выздоровевших. Ввиду отсутствия отчетов за 1848 и 1849 гг. мы не имеем сведений о развитии и результатах этой эпидемии, но если судить по ревизским сказкам, негативно сказывалась на показателях рождаемости смертности населения.

Одним из многих индикаторов благосостояния крестьян является их образование. В отчетах приводятся данные о количестве начальных училищ, наставников и их помощников, числе учеников и учениц. Также сообщается о количестве книг и школьных принадлежностей, расходах на образование.

Определенный интерес для исследователей может представлять документация из фонда губернской комиссии народного продовольствия, в частности донесения уездных земских исправников и справки палаты государственных имуществ о погоде, видах на урожай и пробных умолотах озимых и яровых зерновых культур, информация из которых может оказаться полезной при определении степени достоверности сведений официальной урожайной статистики. Кстати сказать, что в этом фонде имеются таблицы, содержащие поуездные статистические данные о посевах и урожаях различных зерновых культур за ряд лет [21].

В рассмотренных документах содержится обширный фактический материал, но все же его недостаточно для более или менее полного представления о многих аспектах изучаемой темы. Тем не менее, этот недостаток может быть в значительной мере компенсирован за счет применения новых подходов и привлечения казалось бы непрофильных и потому не использовавшихся ранее массовых источников. В данном случае речь идет об источниках, содержащих антропометрические показатели.

В начале XXI в. известный историк Б. Н. Миронов впервые в отечественной историографии стал использовать их для изучения благосостояния населения России. Исследователь исходил из того, что благосостояние людей определяется многими факторами, а источников для их изучения почти всегда не хватает, чтобы получить в своё распоряжение даже минимальный набор показателей, рекомендуемый современной наукой для добротных представлений об уровне жизни в Российской империи. Однако есть альтернативный показатель — финальный рост людей (дефинитивная длина тела людей), который «принимается в экономической науке в качестве интегрального индикатора уровня жизни, получившего в специальной литературе название биологического статуса», поскольку он характеризует степень удовлетворения их базисных

потребностей [22, с. 20]. Массовые данные, позволяющие выводить средний рост мещан и всех категорий крестьян, содержатся в формулярных списках рекрутов, отложившихся в фондах казенной палаты и рекрутских присутствий Государственного архива Курской области [23].

В формулярных списках почти всегда указываются сословная принадлежность рекрутов, а значит, и антропометрические (ростовые) данные новобранцев из государственной деревни. Следовательно, исследователи истории государственных крестьян имеют возможность получить весьма значимые научные результаты.

Помимо архивных документов, сведения о положении крестьян можно почерпнуть и из опубликованных материалов, содержащих порой уникальные данные, которые невозможно встретить ни в каких архивах. Обратим внимание, по нашему мнению, на самые примечательные и информативно насыщенные публикации. Но в начале упомянем опубликованное в конце XVIII в. Топографическое описание, которое близко по своему содержанию аналогичным источникам, появившимся в то же время [24].

Богатейшим собранием ценных сведений можно считать изданное в середине XIX в. военно-статистическое описание [25]. В нем приводятся данные о народонаселении государственной деревни Курской губернии, о земельных угодьях (некоторые имели до 300 десятин, а многие не имели их вовсе), о заработках извозчиков и наемных работников, о земледелии, животноводстве, огородничестве, садоводстве, различных местных и отхожих крестьянских промыслах. Приведем конкретные данные об обеспеченности крестьян скотом, ввиду их особой значимости. В среднем на один двор приходилось 2,63 головы лошади, 0,04 — рабочего вола, 2,06 крупного рогатого скота, 7,08 мелкого скота [25, с. 92–93]. Заслуживают внимания и сведения об урожайности хлебов, превышающие аналогичные официальной урожайной статистики. показатели Необходимо описание подчеркнуть, что ЭТО составлено квалифицированными специалистами – офицерами Генерального штаба.

содержательное Исключительно описание И быта жизни государственных крестьян Обоянского уезда составлено одним наблюдательных современников [26]. Главное внимание в нем уделено этническим великороссам, составлявшим большинство государственных губернии. Поэтому крестьян имеются основания распространять наблюдения и выводы автора на остальные уезды.

Автор подробно описывает типичные избы и их внутреннее убранство, другие бытовые и хозяйственные постройки с учетом степени состоятельности крестьян. Сообщает, что на смену «курных» изб приходят «белые», т.е. с дымоходами.

Очень подробно охарактеризовано питание крестьян в будни и праздничные дни. Названо множество видов продуктов, потреблявшихся жителями уезда в разные времена года [26, с. 13–19].

Стоит упомянуть об отношении крестьян к вакцинированию от оспы. Они считали прививку «грехом», а их дети прививались «более насильственными мерами со стороны начальства» [26, с. 94].

Довольно детально описано крестьянское хозяйство. Поистине впечатляющими выглядят данные автора об урожайности хлебов, которая необходима для оценки благосостояния крестьян и состояния их хозяйства. Он пишет: «в хорошие – урожайные годы на лучших крестьянских полях рожь родится сам пятнадцать, пшеница сам двадцать, овес сам тридцать, гречиха сам двенадцать, просо сам шестьдесят, горох сам двадцать пять, ячмень и конопля сам десять». Как далеко отстоят эти цифры от пресловутых «сам-3», беспрерывно кочующих из одной исторической работы в другую. Впрочем, «на других худших или дурно обработанных землях в тот же самый год урожай бывает гораздо меньший [26, с. 95–96]. Также описаны местные и более распространенные отхожие крестьянские выгодные: «хороший порой весьма работник вырабатывает с весны до осени до ста рублей серебром» [26. с. 99].

Автор приводит редкие и потому особенно ценные данные о годовом бюджете «десятидушевого семейства» (двора), в котором, правда, перечислены только статьи расходов в денежном выражении [26, с. 117–119]. Однако при наличии сведений о рыночных ценах на крестьянскую продукцию и средних заработках исследователь может самостоятельно оценить с определенной степенью вероятности также и доходную часть бюджета крестьянского двора.

Сходным по жанру и содержанию, хотя и гораздо беднее предыдущего, является описание Льговского уезда, касающееся преимущественно государственных крестьян. В нем обращает на себя внимание мнение автора о влиянии отхожих промыслов крестьян на состояние их сельскохозяйственного производства: «А еще меньше помышляет о возвышении плодородия... крестьянин... он с нетерпением ожидает весны, потому что его ждут заработки, Украина... оттуда он в два месяца труда и прогула может принести домой до 50-ти рублей сер.» [27, с. 6].

публикации можно встретить в дореволюционной периодике. Они заслуживают отдельного рассмотрения, а здесь приведем в качестве впечатляющего примера, на наш взгляд, подтверждающего достоверность данных об урожайности в описании Обоянского уезда, сведения о состоянии зернового производства в Суджанском уезда, в государственные преобладали крестьяне. Эти опубликованы в «Журнале Министерства внутренних дел»: урожайность в уезде в среднем за 10 лет составляла по пшенице сам-20 и более, по ржи – сам-8, по овсу – сам-8, по гречихе, гороху, ячменю – сам-6 [28, с. 98]. Напомним, что одним из важнейших факторов, влияющих на рост людей, является качество питания, а оно зависело от уровня и состояния сельскохозяйственного производства.

Подведем краткий итог. Мы проанализировали в своей статье далеко не все информационно насыщенные источники, отражающие положение государственных крестьян, однако и в настоящем виде представленная источниковая база, по нашему мнению, может стать отправной точкой для проведения специального исследования по истории курской государственной деревни и ее жителей в дореформенный период.

Источники и литература

- 1. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1355. Оп. 1.
- 2. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. ВУА. Д. 18800.
- 3. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18801.
- 4. Из истории Курского края. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1965.
- 5. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18815.
- 6. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18816.
- 7. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18817.
- 8. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 68.
- 9. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1281.
- 10. РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 73.
- 11. РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 72.
- 12 Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX начала XX в. М., 1979.
- 13. ГАКО. Ф. 153. Оп.1. Д. 297. Л. 78 об.
- 14. РГИА. Ф. 571. Оп. 6. Д. 1023; Оп. 9. Д. 18, 32, 34, 50.
- 15. Источниковедение истории СССР: учебник / под ред. И. Д. Ковальченко. 2-е изд. перераб. и доп. М., 1981.
- 16. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 348.
- 17. Рянский Л.М. Естественное движение государственных крестьян Курской губернии в первой половине XIX века (по данным ревизских сказок) // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья.: Сборник научных докладов IV межвузовской конференции по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья (Курск, 27 апреля 1994 г.). М.; Курск, 1994.
- 18. ГАКО. Ф. 153. Курская палата государственных имуществ.
- 19. Крутиков В.И. Ревизские сказки как источник для изучения демографических процессов в крепостной деревне в период кризиса феодализма // Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI начало XX в.) (Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории). Вып. І. Таллин, 1986.
- 20. ГАКО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 675.
- 21. ГАКО. Ф. 56. Курская губернская комиссия народного продовольствия.
- 22. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII начало XX века. М., 2010.
- 23. ГАКО. Ф. 16, 41, 126–132, 134, 136–138.
- 24. Описание Курского наместничества из древних и новых о нем известий, вкратце собранное Сергеем Ларионовым того наместничества Верхней расправы прокурором. М., 1786.
- 25. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIII. Ч. 3. Курская губерния / сост. Дуброво и Рельи. СПб, 1850.
- 26. Машкин. Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник РГО. СПб., 1862. Вып. V.

27. Струпинский Б. Описание Льговского уезда Курской губернии в сельскохозяйственном отношении. [Б. м.]. 1863. 28. ЖМВД. Ч. LIII. 1860. Отд. III. № 13.

К. В. Петров

кандидат исторических наук, кандидат юридических наук Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О МЕТРИЧЕСКИХ КНИГАХ (НА ПРИМЕРЕ КНИГ КУРСКОГО УЕЗДА)

Аннотация. Статья содержит источниковедческие наблюдения над текстом 13 отдельных рукописей метрических книг Курского уезда XIX — начала XX вв. сел Богоявленского, Шумаково, Рышково на Клюкве, Лубяное, Лазовского, Малышево, Муравлева на Семи. Изучение рукописей проводилось с точки зрения их кодикологических и текстологических особенностей; внимание уделено включенным документам.

Ключевые слова: история России; Российская империя; демография; метрические книги; Курский уезд; кодикология; текстология.

Метрические книги — один из наиболее информативных источников по микроистории России и в силу данного обстоятельства востребован профессиональными историками и исследователями-непрофессионалами. Несмотря на то, что объем документальных материалов дореволюционного времени в Государственном архиве Курской области (далее — ГАКО) достаточно большой, комплекс метрических книг содержит существенные пробелы за вторую половину XIX в. Первые экземпляры метрических книг, составлявшиеся и хранившиеся непосредственно в приходских церквях, поступили на хранение в ГАКО в конце 1930-х гг. В 1965 г. все первые экземпляры метрических книг вместе с исповедными росписями за период до 1861 г. были уничтожены. Только в 1991—1993 гг. из ЗАГС курской области в ГАКО были переданы консисторские экземпляры метрических книг за вторую половину XIX в. Однако переданные книги незначительно восполняют утраты 1965 г.

Использование метрических книг, как любого исторического предшествовать источниковедческому источника, должно его изучению, в том числе анализу его текста с точки зрения особенностей внесения записей и их достоверности. Это означает, что сведения метрических книг сами по себе не обладают абсолютной достоверностью. профессиональные историки-генеалоги категорично не заявляют о том, что «дата рождения в метрической книге не может быть подвергнута сомнению» [4, с. 299]. В частности, обнаружив расхождение в дате рождения метрических книг, и дате, указанной на надгробии,

А. В. Краско объясняет это обстоятельство тем, что многие лица «были уроженцами разных губерний и не всегда имели на руках свои метрики» на основании которых проставлялись даты на надгробиях [4, с. 301]. К сожалению, отсутствие зачастую источниковедческого используемых текстов приводит к «слепому» доверию к метрическим книгам со стороны историков, и в результате, к выводам не обладающим необходимой степенью обоснованности в научном исследовании [1, c. 674–676]. Справедливости ради стоит отметить, ЧТО подобные профессиональных исследования историков эпизодический носят характер, являются скорее исключением, нежели правилом. Кстати говоря, историки-архивисты предпочитают следующую формулировку в случае установления ошибок в метрических книгах: «в этих случаях следует говорить нарушениях правил ведения метрик отдельными священниками, не ставя под сомнение достоверность источника» [2, c. 1011.

В отечественной историографии благодаря трудам историков выяснена история метрического учета в Российской империи [5; 7, с. 8–47], изданы исследования о церковном учете основных демографических параметров в допетровской России [3, с. 73–74; 15, с. 86–102]; детальному анализу подверглось изучение динамики формуляра метрических книг [12, с. 276–279; 13, с. 6–10; 14]. Наконец, историками активно исследуются вопросы достоверности записей метрических книг, составлявшихся в разных частях империи [6, с. 47–49; 8, с. 94–102; 11, с. 49–57].

В настоящей работе предпринята попытка провести анализ сохранившихся рукописей с текстом метрических книг с точки зрения кодикологических (сбой порядка листов, их перестановка, или включение в рукопись листов из других сборников) и текстологических (выявление фактических ошибок в записях) особенностей рукописей; особое внимание уделялось наличию включенных документов.

Предметом изучения стали книги Курского уезда: две метрические книги Богоявленской церкви села Богоявленского (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1081, 1083), две книги Георгиевской церкви села Шумаково (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1152; Оп. 3. Д. 63), книга Николаевской церкви села Рышково на Клюкве (ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 626), пять книг Николаевской церкви села Лубяного (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 172, 1726, 1738, 1571, 1765), книга церкви села Лазовского (ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 530), книга Знаменской церкви села Малышево (ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 68), книга Богородицкой (Скорбященской) церекви села Муравлева (Ф. 217. Оп. 3. Д. 60) и, наконец, консисторский сборник с книгами церквей Курского уезда за 1887 г. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 72).

С источниковедческом точки зрения интересна рукопись с текстом метрической книги ц. Богоявленской за 1800–1832 гг. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1081). В рукописи «сбиты» листы, однако текст выполнен разными почерками. Это дает возможность предполагать, что книга

представляет собой копию, сделанную с книги с перебитыми листами. Здесь, после л. 3 об. следует читать л. 6, 6 об. (судя по тексту, не хватает одного листа), после л. 5 об. следует читать л. 7 об., потом л. 2 ((не хватает листа, следуют номера известий 83-89 — на л. 7, а на л. 7 об. — находятся записи под номерами № 70—75). Далее в рукописи допущена ошибка в нумерации листов, дважды последовательно проставлены номера 57 и 58: ... 57, 58, 57, 58 ...; лист л. 163 об. следует читать после л. 159 об. — о родившихся осенью $1808 \, \Gamma$., с № 99 по № 103).

Метрическая книга Георгиевской ц. с. Шумаково Курского 1882— 1891 гг. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 63). Книга начинается с записей за вторую половину февраля 1882, начальные листы утрачены; также утрачены первые листы известий за 1883 г., текст начинается с записей за конец января 1883 г. В записях за 1886 г. присутствует сбой, следует читать лл. 157-189 об., 191-192 об. Известия за 1887 г. без начала и обозначения года, следует читать: 190-190 об., 193-222 об. Лист 210 в книге подшит неправильно. Лист 200-200 об. в рукописи не имеет обозначения года и содержит известия за конец февраля-начало апреля. Судя по анализу последующих известий, его записи относятся к 1888 г. Известия 1888 г. следует читать: лл. 224–227 об., 200–200 об., 228–258 об. Сходным образом, в рукописи перепутаны листы с последующими записями. Известия 1889 г. следует читать: лл. 259-291 об., 293-293 об.; записи 1890 г. – лл. 292–292 об., 294–336 об. При этом, л. 315–315 об. вшит неправильно и, по всей видимости не относится к тексту данной метрической книги. Пропущены нумерацией: лист (297а) между лл. 297 и 298, лист (старой пагинацией л. 496) между лл. 394 и 395. В записях за 1892 г. утрачен 1 лист между листами 397 и 398 отсутствует (записи о 3-х браках); наконец, утрачен 1 лист заключительных известий (о смерти в 1892 г.).

Метрическая книга Богородицкой (Скорбященской) церкви села Муравлева (Ф. 217. Оп. 3. Д. 60) за 1881–1899 гг. Листы в рукописи (Ф. 217. Оп. 3. Д. 60) находятся в перепутанном состоянии (далее современную пагинацию, выполненную карандашом). vказываем Единственный год, записи за который представлены в полном объеме – 1889 (л. 60-82 об.). К 1881 году относятся только два перовых листа: на лл. 1–1 об. записи о рождении неустановленного месяца; на 2–2 об. записи о браках (под номерами 5, 6, 7). Записи за 1882–1884 гг. в книге отсутствуют. Известия 1885 г. представлены только разделом об умерших (лл. 3–12 об.). В записях за 1886 г. (лл. 13–39 об.) утрачен лист между листами 25 и 26, содержавший начальные записи о браках, с л. 26 об. начинаются с записи о браке под номером 3.

В известиях за 1887 г. отсутствует 3 часть (известия о смерти); записи о родившихся следует читать в следующей последовательности листов: лл. 40–40 об., 42–47 об., 49–53; записи о браках помещены на лл. 54–59 об.

Текст на лл. 41—41 об. относится к 1888 году. Записи за 1888 г. следует читать в следующем порядке: л. 48—48 об., 41—41 об. Здесь записи о родившихся с января по конец августа в книге отсутствуют, имеются известия лишь за январь — февраль. Листы в рукописи в известиях за 1890 г. перепутаны. В записях о рождении (начинаются с июля) последовательность листов следующая: лл. 85—85 об., 83—83 об., 86—86 об., 84—84 об., 87—87 об., 88—88 об. Записи о браке — только на л. 90—90 об. (за февраль № 3, 4, 5), далее фрагментарные известия о смерти (нет записей за май — июнь, ср. лл. 93 об. — 94 об.). Известия за 1891 г. помещены на лл. 98—121 об. При этом отсутствуют записи о родившихся в январе, отсутствуют известия о пяти браках в январе 1891 (ср. лл. 110 об. и 111).

В известиях книги за 1892 г. (л. 122-147 об.): нет листа с указанием восприемников родившихся в декабре (ср. л. 135 об. -136); л. 136а следует читать после л. 137, далее: л. 137а, 138 и т.д.; отсутствует последний лист с записями о браке (ср. л. 138 об. -139); от сутствует первый лист с записями о смерти за январь (ср. л. 139 об. -140).

В известиях книги за 1893 г. (л. 148–173 об.): нет первого листа с записями о родившихся в январе (ср.: л. 148–148 об.) Возможно, он был удален механически, т.к. по карандашной нумерации не хватает номера 147. Отсутствует последний лист с записями о браке (ср.: л. 165 об. – 166) и лист с записями об умерших в январе (ср. л. 166 об.). Далее на лл. 174–176 об. известия о браках неизвестного года.

В известиях книги за 1894 г. (л. 177–198 об.): нет записей о родившихся в январе — начале февраля (ср. л. 177 об.), записи о родившихся в феврале — начале июня на лл. 183–185 об., нет записей за декабрь; записи о браках только — до июня (л. 187 об.), также нет начального листа с записями о смерти за январь

В известиях книги за 1896 г. (л. 199-227 об.): отсутствует лист с записями о восприемниках родившихся в декабре (ср. л. 214 об. -215); отсутствует лист с записями о поручителях за ноябрь и первый лист с известиями об умерших в январе (ср. 217 об. -218); записи об умерших за декабрь отсутствуют; порядок листов нарушен, следует читать: л. 225 об., 227, 227 об., 226a, 226a об., 226 об.

В известиях книги за 1898 г. (л. 228–254 об.): отсутствует лист с записями восприемников родившихся в декабре и первые три записи о браках (ср. л. 242 об. – 243); отсутствует последний лист с записями о браке (о поручителях) и соответственно первый лист с записями о смерти за январь (ср. л. 244 об. – 245).

В известиях книги за 1899 г. (л. 255-271 об.): отсутствует лист с записями о родившихся в январе (ср. 254 об. -255); отсутствует лист с записями восприемников родившихся в декабре и первый лист с записями о браках (ср. л. 267 об. -268); полностью отсутствуют все записи об умерших.

В историографии ошибки, содержащиеся в метрических книгах, рассматриваются исключительно применительно к пропускам в сведениях о рождениях. В свое время Х. Э. Палли, обративший на нее внимание, предлагал решать проблему путем изучения состава семей [9, с. 148–154; 10, с. 87–93]. В новейшей литературе обоснованно отмечается, что далеко не во всех случаях отсутствие в метрических книгах сведений о рождении ребенка следует рассматривать в качестве «пропуска» в тексте книги. В частности, родители могли крестить ребенка в церкви другого прихода [2, с. 107, 108-112]. Тем не менее, основной исследовательский фокус сосредоточен на пропущенных сведениях – известиях, которые, по мнению ученых, должны были быть в тексте метрических книг. Данный подход представляется методологически ошибочным, поскольку основан на субъективном мнении исследователей о «идеальном» составе записей метрических книг. При этом в стороне остается проблема выявления ошибочных сведений, уже содержащихся в метрических книгах. Конечно, недостоверность (ошибочность) записей обусловлена добросовестностью лиц, вносивших записи в книги. В этом смысле каждая рукопись с текстом метрической книги является уникальной и требующей специального изучения. Впрочем, думается, возможна постановка вопроса о некоторых типичных ошибках.

В метрической книге церкви села Богоявленское под 28\29 июня 1886 г. находится запись о рождении у жителя деревни Лисовой Ивана Федотова Коровина и Ксении Алексеевой Коровиной дочери Марфы (ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 71. Л. 394 об. — 395). Между тем, в роде Коровиных, в ветвях рода — Лисовской и Богоявленской, был лишь один человек с именем Федот — Федот Афонасьев Коровин, житель с. Богоявленское. Однако, среди всего рода Коровиных есть единственный Иван Федоров Коровин, 1853 г. р., житель д. Лисова, указанный в Х-й ревизии. Эти обстоятельства заставляют считать запись метрической книги ошибочной; видимо, Иван Федоров Коровин, а не Иван Федотов Коровин был отцом Марфы. Представляется, что данное ошибочное написание является опиской, имело механический (гаплографический) характер.

Видимо, к подобным ошибкам относится написание «Федот Антонов Воробьев» вместо правильного «Антон Федотов Воробьев» в записях метрической книги церкви села Богоявленское за 1800 г. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1081. Л. 47); Макар Филипов Коровин вместо правильного Макар Фомин Коровин, Василий Самсонов Коровин вместо правильного Василий Самойлов Коровин метрической В записях книги церкви Богоявленское за 1824 г. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1083. Л. 1). Подобные ошибки встречаются и в других книгах. Например, в метрической книге Николаевская ц. с. Лубяное Курского у. 1816–1820 гг. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1726. Л. 1-83): в записях о рождениях за 1816 г. Андрей Романов Шумаков вместо правильного Авдей Романов Шумаков (л. 5), в известиях о браках за 1820 г. Ларион Филипов Гранкин вместо правильного Ларион Федулов Гранкин (л. 68), в известиях о браках за 1815 г. Сафон Михайлов Криволапов вместо правильного Сафон Минайлов Криволапов (л. 79). В другом случае, в известиях за 1826 г. в метрической книге ц. с. Богоявленского за 1800–1832 гг. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1081) ошибочно указан Логвин Сафонов Криволапов вместо верного Логвин Самсонов Криволапов (л. 431 об.). Там же под 1819 г. восприемником вместо правильного Протас Петров Кочанов ошибочно записан Протас Петров Криволапов (л. 304 об.); под 1822 г. вместо правильного Федор Самойлов Коровин читается Федор Семенов Коровин (л. 377); под 1823 г. вместо правильного Дмитрий Алексеев Криволапов читается Дмитрий Алимпиев Криволапов (л. 394 об.).

Под 7\9 января 1882 г. в метрической книге Георгиевской ц. с. Шумакова указано о смерти 50-летнего Леона Иванова Шумакова из Шумаковой. Ha самом деле, указанного человека существовало, что устанавливается ревизскими записями 1858 г. (Хй ревизии). На самом деле речь шла о смерти Леона Ильина Шумакова из указанной деревни. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 63. Л. 22 об. Ср.: ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 1002. Л. 744–783). В той же книге (л. 35 об.) содержится запись о смерти сына отставного солдата из села Шумакова Пармена Александровича Дюкарева, указанного в книге ошибочно Порфирием. В обоих случаях ошибочные чтения, по всей видимости, связаны с тем, что церковный причт недостаточно хорошо знал прихожан из других деревень, и тех прихожан, которые длительное время отсутствовали в селе (отставной солдат).

В метрической книге церкви села Богоявленского 1824–1843 гг. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1083) в записях о браке за 1832 в качестве отца невесты указан Григорий Меркулов Куркин. На самом деле отцом невесты являлся Григорий Титов, брат главы семьи Меркула Титова (л. 100, 119). Интересно, что подобные ошибки встречаются достаточно часто в книгах церкви села Богоявленского. Например, в метрической книге того же села Богоявленского за 1800–1832 гг. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1081) под 1804 г. указано о рождении сына у Аксена Андреева Елькова (л. 62). На самом деле имелся в виду Аксен Егоров Ельков, внук главы дома Андрея Васильева Елкова (ум. 1809 г.). В записях за 1817 г. отмечено рождение дочери у Сергея Константинова Еськова (л. 265); судя по ревизским документам, дочь родилась у Сергей Петрова Еськова, его отец Константин Михайлович Еськов был главой дома (двора). В записях за 1822 г. указан в качестве отца новорожденного Петр Климонов Коровин (л. 278). Однако, после сопоставления с ревизскими документами, становиться очевидным, что отцом ребенка был Петр Сергеев Коровин, внук главы двора Климона Коровина. Подобная ситуация фиксируется под 1826 г., где отцом указан никогда не существовавший Иван Яковлев Криволапов (л. 429); в действительности отцом мог быть лишь Иван

Ерофеев, внук главы двора Якова Сергеева Криволапова. Таким образом, в данном случае, для священника, вносившего записи в книгу, значимым была не точность указания на отца ребенка, а на принадлежность к определенному двору (выделено мной. — K. Π .) , поэтому новорожденные дети оказывались внуками главы двора, а на самом деле были его правнуками. Безусловно, данный вывод относится к записям только двух метрических книг, в остальных книгах подобная особенность не фиксируется.

В некоторые метрические книги вставлены листы из других метрических книг, а также копии других документов, или их частей.

В состав метрической книги Николаевской ц. с. Рышково на Клюкве 1902, 1905, 1907 гг. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 626) были механически подшиты листы из метрической книги Никитской ц. с. Красниково на Котовце за 1907 г. Так, записи 1907 г. книги Николаевской ц. оканчиваются на л. 151 об.; далее, с 152 по 194 следует раздел о браках и о смертях за 1907 г., оборванные на сведениях за октябрь 1907 г. из книги Никитская ц. Данное обстоятельство устанавливается по составу приходских деревень (Букреева, Воронцова, Городище, Мальцева, Шеховцева, Беседина, Карасевка, село Красниково) и составом причта (ср.: священник Василий Емельянов в церкви села Рышково и священник Николай Вертоградский в церкви села Красниково).

В состав метрической книги Николаевская ц. с. Лубяное за 1845 г. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1765) включен целый ряд брачных обысков: на лл. 17–18 помещен обыск № 18 от 10 октября 1845 г. о предстоящем браке дворянина канцеляриста Стефана Васильевича Асеева и дворянки Марфы Стефановны Асеевой, с указанием на сроки «оглашения» (1, 6 и 7 октября 1845 г.) и отсутствии препятствий к браку, к обыску приложена письменная «присяга» с подписями родителей брачующихся. На лл. 18–18 об., 16 находится обыск № 19 от 9 ноября 1845 г. о браке Алексея Филиповича Зорина с Марфой Евстратовной Окуневой с датами публичных объявлений о предстоящем браке 2, 6 и 8 ноября 1845. Третий брачный обыск — на лл. 16–16 об., 19–19 об. — № № 20 от 11 ноября 1845 г. о браке Федора Авдеевича Шумакова с Меланьей Афонасьеной Коноревой; указаны сроки объявлений в церкви (6, 8 и 11 ноября 1845 г.) и письменная «присяга».

В метрической книге Николаевская ц. с. Лубяное Курского у. 1836—1842 гг. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1751) включены копии документов брачных обысков: на л. 1 об. – 2 свидетельство прихожан от 6 июля 1836 г. о том, что причт объявлял о предстоящем браке Л.А. Зорина и А.В. Хахилевой, препятствий к браку прихожанам не известны; на л. 2 «присяга» А.Н. Зорина от 6 июля 1836 г.

В составе метрической книги Николаевская ц. с. Лубяное Курского у. 1816—1820 гг. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 172) в записях за 1819 г. на лл. 43—56 об. находятся листы из исповедной книги 1819 г. Николаевской ц. с.

Рышково на Клюкве (упоминаются приходские населенные пункты сц. Марьино, д. Звегинцевой, с. Рышкова, д. Казюлкина, д. Долгая, д. Халина).

Метрическая книга Николаевская ц. с. Лубяное Курского у. 1830 г. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1738) состоит из 26 листов, почти половина из которой (лл. 15–25 об.) относится к метрической книге Николаевской ц. с. Гуторова.

В рукописи метрической книги ц. с. Лазовского (ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 530) с листа 148 до л. 167 следует фрагмент раздела об умерших за 1918 г. из метрической книги церкви г. Курска и Казацкой слободы.

Наконец, в 3-й описи фонда 217 под номером 68 указана в том числе метрическая книга Знаменской ц. с. Малышево за 1885 (ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 68). Между тем к книге Знаменской ц. с. Малышево относится один лист с записями о родившихся (л. 181 об.), остальная часть в рукописи содержит текст метрической книги церкви с. Дубовца.

Метрическая книга Георгиевской ц. с. Шумакова Курского 1840—1842 гг. (ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1152) содержит на л. 73 копию письма в адрес причта церкви о разрешении брака от губернского секретаря Михаила Иванова Толмачева от 9 ноября 1842; на лл. 74—74 об. помещено письмо (свидетельство) в адрес причта церкви о разрешении брака от поручика Александра Семенова Стародубцова от 28 октября 1845 г. Лист 77 в данной книге вставлен из метрической книги Иоакимовской церкви села Долгое и содержит записи о рождении за сентябрь 1842 г. (приходские поселения: деревни Служня, Будановка, село Долгое). Отметим также нарушение порядка следования листов в рукописи: после л. 2 следует читать лл. 78—79 об., далее л. 3 и т. д.

В заключение представляется необходимым отметить, что в ряде случаев, оглавление консисторских (сшитых) метрических книг, выполненное в консистории, не всегда соответствует содержанию рукописи. Так, сборник ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 72, содержащий метрические книги Курского уезда за 1887 год содержит следующие книги, не отмеченные в оглавлении (и в архивной описи): на лл. 628–665 – книга Казанской ц. с. Воробьево; на лл. 666–699 – книга Троицкой ц. с. Дубовца; на лл. 1194–1222 – книга Троицкой ц. с. Каменево.

Источники и литература

- 1. Авдеев А.А., Блюм А., Троицкая И. Некоторые аспекты изучения брачности помещичьих крестьян в первой половине XIX в. по материалам ревизских сказок и метрических книг (на примере Выхинской вотчины графов Шереметевых) // Homo Historicus. К 80-летию со дня рожд. Ю. Л. Бессмертного. М., 2003. Кн. 1.
- 2. Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги России XVIII начала XX в. М., 2006.
- 3. Дергачева И.В. От помянника к метрической книге: проблемы корреляции коммеморативных документов // Комплексный подход в изучении Древней Руси.

- Сборник материалов X межуднар. научн. конф. Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2019.
- 4. Краско А.В. К вопросу о достоверности разных источников для определения даты рождения при генеалогическом исследовании // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. материалы XXVIII междунар. научн. конф. М., 14-16 апр. 2016 г. М., 2016.
- 5. Маркова М.А. Первичные документы по учету населения Санкт-Петербургской губернии в XVIII первой половине XIX в. как исторический источник: метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки: автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2005.
- 6. Маркова М.А. Метрики Карелии. Достоверность книг конца XVIII начала XX вв. // Тез. докл. XI Всерос. конф. "Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI–XX вв.: проблемы изучения монастырей и монастырской культуры. Посвящ. памяти Я. И. Бередникова. Тихвин, 1999.
- 7. Миронов Б.Н. Исповедный и метрический учет в имперской России // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007.
- 8. Носевич В.Л. К вопросу о достоверности метрических книг второй половины XVIII первой половины XIX в. // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007.
- 9. Палли X.Э. Комплексное использование источников по исторической демографии в XVIII в. // Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI–XX вв.) / отв. ред. Р. Н. Пуллат. Таллин, 1979.
- 10. Палли Х.Э. Методика использования метрик в историко-демографических исследованиях // История СССР. 1982. № 1.
- 11. Петров К. В. Проблемы использования метрических книг и актовых книг отделов ЗАГС 1920-х гг. как средств доказывания при установлении фактов в порядке главы 28 ГПК РФ // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1.
- 12. Прохоров М.Ф. Книги метрические XVIII–XIX вв. // Единство гуманитарного знания: новый синтез. Материалы XIX Международной научной конференции. М., 2007.
- 13. Разумов С.А. Эволюция формуляра метрических книг в XVIII начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015.
- 14. Спичак А.В. Эволюция оформления метрических книг в Тобольской епархии в XVIII начале XX веков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016;
- 15. Черкасова М. С., Пшеницын Д.А. О предыстории метрического учета в России (XVII первая половина XVIII вв.) // Российская история. 2019. № 1.

А. И. Волкова

Курский государственный университет

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ XIX – НАЧАЛА XX вв.

Аннотация. В статье проанализированы подходы к изучению термина «историческое пространство». Выявлено значение региональной периодической печати как исторического источника при изучении исторического пространства российской провинции XIX — начала XX вв. на примере Курской губернии.

Ключевые слова: периодическая печать; печатные СМИ; регион; провинция; Курская губерния; историческое пространство; исторический источник.

На современном историческая этапе своего развития характеризуется наличием разнообразного терминологического аппарата: с одной стороны, существует большое количество дефиниций, носящих характер стандартных клише, с другой стороны, в научный оборот вводятся термины и определения, характеризующиеся не столько научной новизной, сколько нестандартностью и даже креативностью. Кроме этого, идет обращение к устоявшимся терминам, но при этом они либо наполняются новым содержанием и получают новые трактовки, либо в научный оборот возвращаются «забытые» термины, «не прижившиеся» в свое время в историографии. Таковым является понятие исторического пространства. Дело в том, что в советской историографии понятие исторического пространства не было введено в широкий научный борот. В зарубежной историографии данный термин был известен более широко, однако антропологически ориентированная историческая наука более пристальное внимание уделяла понятию исторического времени.

В качестве примера приведем теорию разных скоростей времени Ф. Броделя [2, с. 115–142]. В третьем томе «Материальной цивилизации...» Ф. Бродель привел под свои идеи конкретные примеры их «материального» воплощения в историческом исследовании [3]. Он выделил три временных протяженности, соответствующих определенному уровню исторической реальности:

первый, низший уровень действительности (глубинный), для которого характерны постоянные, стабильные структуры. Здесь господствует постоянство, протекающее время медленно, почти неподвижно. Взаимоотношения общества и природы, привычки мыслить и действовать изменяются в течение столетий и даже тысячелетий;

- второй уровень экономика и социальная действительность, которому присущ циклический характер;
- третий, высший уровень характеризуется чередующимися короткими хронологическими единицами событий. Это политическая, дипломатическая и событийная история.

Каждый уровень действительности, в теории Ф. Броделя, существует в своем временном ритме, социальное время множественно.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что обращение к такой дефиниции как историческое время вполне понятно и объяснимо, именно время задает параметры развития человечества. Отсюда и емкое, при этом гениальное определение, сформулированное представителем школы «Анналов» Марком Блоком: «История – это наука о людях во времени» [1, с. 19]. Однако человек и общество развиваются не только во времени. Любые события имеют конкретную локализацию, как сейчас модно говорить, геотег, поэтому пространство – еще одна характеристика развития истории. Ведь даже говоря о том или ином историческом событии, мы указываем не только конкретную дату, но и место, в котором оно произошло. То есть пространство, наряду со временем – важнейшая дефиниция при этом, недостаточно представленная в отечественной исторической науке при смысловой реконструкции модели всемирно-исторического процесса.

Рассмотрим далее историческое пространство российской провинции XIX — начала XX вв. и значение региональной периодической печати как источник при его изучении.

Согласимся с мнением исследователя Я. М. Цыгановой, что российская провинция – не только географический и административный, но и особый социально-психологический и культурный феномен, поэтому она является объектом изучения для многих гуманитарных наук (исторических, социологических, психологических, литературоведческих и других) [10, с. 74]. Исходя из этого, в данной работе мы будем понимать историческим пространством российской провинции административную единицу (губернию), находящуюся в определенных географических рамках, для которой характерен особый социальнопсихологический и культурный феномен. В отечественной историографии российскую провинцию традиционно рассматривают как пространство, наделенное особыми культурными характеристиками. Так, историк М. А. Орешина характеризует провинциальный регион «как уникальный локальный хронотоп, которому свойственны внутренняя самодостаточность, самобытность, подвижность границ, его внемасштабность и одновременно разномасштабность, потенциальная целостность, культурная полифоничность» [7]. Региональное историкокультурное пространство рассматривается ею как «социально выраженное пространство духовно-культурной интеграции, как пространство, имеющее свои генетические корни» [7].

Культурные исторические особенности **ЖИЗНИ** российской И провинции находили И находят отражение не только в научных исследованиях, но и в искусстве (в частности, в художественной литературе). В последние десятилетия в отечественной науке наблюдается всплеск интереса изучению региональной К периодическая печать в данном случае играет существенную роль. В частности провинциальная курская периодика играет важную роль в изучении различных вопросов истории Курского края, которые находили отражение на страницах курских газет, таких как «Курские губернские ведомости», «Курские епархиальные ведомости», «Курский листок» и другие.

«Курские губернские ведомости» как официальное издание Курской губернии и посредник между центральной и местной властью размещало на своих страницах публичную информацию, такую как: постановления правительства и распоряжения местного начальства; известия о движении по службе, наградах и т. д.; списки лиц по выборным должностям и присяжных заседателей; списки дел, назначаемых к слушанию в судебных установлениях; сведения о продаже имущества, о подрядах и торгах; прочие официальные объявления и сообщения. Многие статьи касались как в целом губернии, так и определенных территориальных единиц. В подтверждение ЭТОГО читаем следующие заголовки: «Приговоры Белгородской городской Думы слушали», «Новооскольское уездное полицейское управление разыскивает» и т. д. [4, 1889, № 14]. Сообщения подобного характера помещались в официальной части в каждом номере газеты. По публикациям в официальном отделе можно проследить правительства, деятельность местных органов Официальные объявления дают основу характеристики исторического пространства курского региона.

Материалы региональной прессы служат важным источником повседневно-бытового, социально-психологического культурного аспектов пространства Курской губернии. В качестве примера приведем цикл статей А. А. Танкова по теме «Освобождение крестьян в Курской губернии» [4, 1889, № 49; № 75; № 85], «Новые сведения о Новооскольском кустарном сапожном промысле», «К истории края» и т. д. [4, 1889, № 21, № 85; 1890, № 57, № 62]. Повседневно-бытовую сторону исторического пространства региона во многом иллюстрируют причем как рекламного характера, так общественную пользу. Например, «Учреждение Дворянского пансиона в Белгороде», «Охота за волками в Новооскольском уезде» [4, 1839, № 14; 1841, № 4; 1843, № 37, № 42; 1850, № 2]. Обращение журналистов на страницах газет к историческим материалам служит источником изучения историко-культурного пространства. В 1890-х гг. «Курские губернские ведомости» часто обращаются к истории Курского края, размещая на своих страницах различные заметки и статьи по данной теме. Например,

«Бой русских с турками в г. Белгород» [4, 1879, № 86]. Газета постоянно публиковала отчеты Курской губернской земской управы губернскому земскому собранию, сметы уездных земских сборов, общие раскладки уездного земского сбора, сметы уездных денежных земских повинностей и т. д. [9]. Раздел «Новости из уездов», имеющийся в официальной губернской газете, знакомил читателей с объявлениями, сообщениями, новостями, статьями различной направленности, в частности, деятельности земского движения. Здесь можно было найти торговые и промышленные хронику текущих событий, корреспонденцию сведения, уездов губернии, сведения деятельности администрации, городских 0 судебные общественных управлений, известия. хозяйственные гигиенические сведения и т. п., то есть все то, что дает современным исследователям материал для изучения различных аспектов исторического пространства Курской губернии как составной части российской провинции.

Вопросы религиозной истории Курской губернии представляется возможным найти в официальном религиозном издании – «Курских епархиальных ведомостях». В официальной части газеты находим Указы Синода, отчеты об открытии училищ по епархиальному ведомству, здесь же читатель знакомился с Поучениями, прочитанными лицами духовного сана при открытии подобных училищ, например, «Поучение для девиц при открытии училища при Белгородском женском монастыре» и т. п. [5, 1871, № 1]. В неофициальной части находим материал по религиозной истории дополняющий знания об историко-культурном регионального пространства. Газета постоянно освещала события истории Курского края, однако чаще всего, «учитывая специфику издания, авторы подобных статей обращались к религиозной истории» [8, с. 74]. Например, на протяжении 1871 г. вышел в свет цикл статей «Белгород и его святыни» [5, 1871, No 7, No 9, No 19].

Кроме официальных периодических изданий источником при изучении исторического пространства российской провинции XIX — начала XX вв. служат и частные газеты. Так, газета «Курский листок», в основном, состоящая из объявлений о товарах и услугах, а также из новостей хозяйства и культуры, было известным и популярным среди населения и города Курска и губернии в целом, в следствие чего на его страницах можно найти довольно много актуальной информации по истории губернии. Например, в рубрике «Хроника» находим сообщение от Харьковского Общества сельского хозяйства, на заседании которого был представлен доклад А. И. Иоста «О результатах девятилетнего ведения хозяйства в селе Безсоновке, Белгородского уезда» [6, 1893, № 16].

В рубрике «Вести из уездов» можно было найти самую разнообразную информацию, главным объединяющим ее фактором было то, что события, описанные в данном отделе, происходили в уездах Курской губернии. Прежде всего, здесь помещались статьи и заметки о

насущных проблемах населения, важных, требующих решения социальных вопросах. Часто подобные статьи приобретали характер прошения от жителей определенного населенного пункта и подробно освещали социально-экономические и бытовые проблемы (неурожай и угроза голода), культурно-просветительские вопросы (организация библиотечного дела, нехватка книг, учебных пособий).

Таким образом, региональная периодическая печать как источник раскрывает различные аспекты исторического пространства Курской губернии, такие как повседневно-бытовые, социально-психологические и культурные. Раскрывая неповторимый облик исторического пространства, периодическая печать региона выявляет его этнокультурный облик, социокультурных взаимоотношений между столичными, губернскими и уездными городами, между городом деревней. Материалы прессы как источник служат изучению региональной идентичности и исторической памяти социума, способствуя при этом узнаваемых, выразительных формированию образов региона общественном сознании. В историческом пространстве интегрирующая роль принадлежит исторической памяти. Внедрение этого понятия в методологический инструментарий исторической науки открывает новые перспективы для изучения российской провинции.

Источники и литература

- 1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973.
- 2. Бродель Ф. История и социальные науки: время большой длительности // Философия и методология истории / под ред. И.С. Кона. М., 2000 (переиздание 1963 г.).
- 3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. Время мира. М., 1992. Т. 3.
- 4. Курские губернские ведомости [Обзор].
- 5. Курские епархиальные ведомости [Обзор].
- 6. Курский листок объявлений [Обзор].
- 7. Орешина М.А. Русский Север начала XX века как историко-культурное пространство: источниковедческие и методологические подходы к изучению проблем регионалистики: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. [Электронный ресурс] // URL: http://www.dslib.net/ istoria-otechestva/russkij-sever-nachala-xx-veka-kak-istoriko-kulturnoe-prostranstvo.html (дата обращения: 18.01.2022 г.).
- 8. Силакова Д.В. Особенности жанрово-тематической структуры газеты «Курские епархиальные ведомости» в период с 1871 по 1917 гг. // Труды 3 международной научной конференции «Актуальные проблемы регионоведения». Курск, 2008. Ч. 2.
- 9. Танков А.А. Указатель важнейших статей, помещенных в Курских Губернских Ведомостях с 1839 по 1900 год // Труды Курской губернской ученой комиссии. Вып. II. Курск, 1915.
- 10. Цыганова Я.М. Российская провинция пореформенной эпохи как историкокультурное пространство: подходы к изучению // Вестник Самарского государственного университета. № 8/2 (109). 2013.

Е. В. Холодова

кандидат архитектуры

Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ) Филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России»

ГРАФИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ И ИСТОРИКО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КУРСКОГО ИМЕНИЯ НЕЛИДОВЫХ-ВОЛКОВЫХ ПО НАТУРНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ И АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ¹

Аннотация. Исследование основано на выявленных архивных и печатных источниках, натурных исследованиях автора, которые позволяют более обоснованно реконструировать планировочную и материальную структуру утраченных элементов территории усадьбы и всего курского имения Моква Нелидовых-Волковых на период XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: усадьба; имение; архитектура; композиция; планировка; строительство; реконструкция.

Бывшая усадьба Моква (ныне Курский район Курский области), входившая в имение Нелидовых-Волковых — дворцово-парковый комплекс, памятник федерального значения, ныне является одним из наиболее интересных объектов природы, истории, усадебной культуры, архитектуры и садово-паркового искусства Центральной России.

Площадь имения Нелидовых в Мокве в дореволюционный период на середину XIX в. составляла 630 га. В послереволюционный период созданный в усадьбе санаторий занял центральную часть имения — дворцово-парковый комплекс. На 1920-е гг. и до 2005 г. его площадь составляла — 109, 62 га.

Архивные материалы, фотодокументы, сведения старожилов, данные натурного обследования автора и предыдущих исследователей дают возможность проследить более чем 200-летнюю историю ландшафтнокультурного комплекса.

Анализ источников позволил выделить три основных этапа в развитии имения и усадьбы Моква дореволюционного периода:

I этап – первая четверть XIX в., владелец Аркадий Иванович Нелидов.

Первый этап связан с приобретением А. И. Нелидовым территорий по руслу реки Моквы и д. Сныхиной, закладкой дворцово-пакового комплекса.

-

¹ Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН), тема 1.2.2.

II этап — вторая и третья четверти XIX в., владелец Аркадий Аркадьевич Нелидов.

Второй этап является периодом расцвета усадьбы и имения, характеризуется строительством главного усадебного дома-дворца и часовни, организацией планировки парка и хозяйственной зоны, постройкой церкви и др. сооружений.

III этап – последняя четверть XIX - начало XX вв., владельцы Пётр Николаевич и Пётр Петрович Волковы.

Третий этап связан с введением новых планировочных элементов усадьбы, посадкой сосновой рощи, аллей и отдельных групп деревьев и кустарников, введением экзотических пород, благоустройством территорий и т. д.

І. Первый период развития усадьбы и имения в Мокве связан с курским губернатором (1811–1818 гг.) Аркадием Ивановичем Нелидовым (1773–1834 гг.).

Документы о строительстве усадьбы не известны. Возможно, в это время значительная территория в Мокве была куплена у Анненковых и др. Предыдущих землевладельцев, как одно из красивых и близких от города мест, где и было заложено строительство дворцово-паркового комплекса.

Новые запруды на реке Мокве, восточнее дворца образовали систему трех прудов. При этом в сравнении с планами конца XVIII в. значительно изменилась конфигурация русла р. Моквы, создав между двух плотин с мельничными островами живописное очертание обширного водного пространства, с мысом-рощей левого берега, против «Сокольей Дубравы», и живописными протоками в оврагах, раскрывающее замечательные панорамные виды.

На основе существующей «Сокольей Дубравы», на правом брегу р. Моквы был разбит ландшафтный, или так называемый английский парк (приближенный к естественной природе). Самые великовозрастные деревья, относятся к 1780-м – 1810-м гг. Парк создавался на базе существовавших насаждений.

Исторические дубравы Сейма широко известны и неоднократно описаны в отечественной специальной литературе. Подтверждением существования в Мокве дубравы является и её название XVIII в. – «Соколья Дубрава». В памятной книжке Курской губернии за I860 г. при описании въезда в усадьбу упоминается «роща, обращенная в роскошный парк». Термин «обращенная», не случаен, он применен, очевидно, к существовавшей здесь ранее дубовой роще. В северо-восточной части усадьбы до 1980-х гг. рос дуб-патриарх в пять обхватов, по местному преданию «дуб Суворова» [1, с. 64].

Картографических материалов на рассматриваемый период не сохранилось, можно судить лишь о размерах парка по расположению сохранившихся деревьев и его обваловке. Дубы в возрасте 100–230 лет,

встречаются по всей территории современного парка, а также в районе хозяйственной зоны в виде групп, куртин и отдельно стоящих экземпляров – солитеров [1, с. 64].

II. Парк в современных границах соответствует своей площади на «Экономическом плане Моквы» (около 50 га) [2]. Здесь достаточно подробно показано имение и усадьба во **второй период** своего развития, когда после 1834 г. она перешла в руки сыну губернатора — Аркадию Аркадьевичу Нелидову (1804 — ок. 1873).

План не датирован, но по известным по времени строительства составляющим усадьбы — церковь (1848 г.), планировка нового еще не обжитого селения Кукуевка (в дальнейшем д. 2-я Моква), указанного к югу-западу от бывшей улицы строений дворовых крестьян на центральной части усадьбы (перенесены с этого места в 1861—1862 гг.). Одновременное существование этих двух разновременных планировочных элементов позволяет датировать план временем между 1848—1862 гг., а точнее 1862 г.

«Экономический план» Моквы послужил основным документом при изучении второго этапа усадебного строительства. Другие картографические документы этого [3; 4] и более позднего периода [5], также помогают сделать описание территории, увидеть площадь, функциональное деление, коммуникационные связи с другими селениями, проследить изменения, определить топонимы и многое другое.

В целом «Экономический план» дает представление о площади территории, функциональном зонировании и границах всего имения Нелидовых в середине XIX в. Границы имения простирались с севера на юг от плотины верхнего пруда и дороги направления Курск – Касторное (ныне соединяющей Курск с Симферопольским шоссе — ул. Санаторная) до реки Сейм; с запада на восток ориентировочно на западе от дороги, параллельной Симферопольскому шоссе и отступающей от него 0,5–1 км, до реки Моквы на востоке и с юго-востока частично до восточной границы лиственного леса, хорошо заметного по обваловке у трассы (бывший старый почтовый тракт Курск — Обоянь) направления к санаториям и пионерским лагерям в восточной части.

На плане хорошо различаются три основных зоны, на которые делилась усадьба: парадная — дворцово-парковый комплекс (главный дом, парк, пруд, церковь), хозяйственные зоны с комплексом построек, деревней и плодовыми садами и третья — угодья под пашнями, лесами, кустарниками и т. д.

Расположение парадной и хозяйственной зон на плане аналогично современному. Угодья располагались за пределами современных границ территории. В советский период санаторию отошла практически вся территория центра имения — сама усадьба, хорошо читающаяся по сохранившийся обваловке (до $2005 \, \Gamma$. — $109,62 \, \Gamma$ а, из них парк — $50 \, \Gamma$ а).

На севере центральной зоны в XIX в. проходила граница землепользования (ныне автомагистраль, ул. Санаторная), на западе — парковый массив примыкал к полям (в советский период колхозные земли, сегодня — коттеджный посёлок), на юге и на западе парадная зона отделялась объездной дорогой от хозяйственной зоны усадьбы, располагавшейся в срединном лесном массиве (сохранились отдельно стоящие дубы). Объездная дорога — старинный тракт Курск — Духовец в настоящее время заросла и не используется. Она находится в глубине парка, граница которого отодвинулась к югу, в сторону хозяйственной зоны.

Изображенная на плане система трех прудов по р. Мокве объединяла зону угодий с хозяйственной и парадной. Последняя, размещалась напротив Большого центрального пруда.

Главный усадебный дом-дворец — доминанта объемнопространственной композиции парадной зоны, размещен в средней части пологого склона у центрального пруда. Между домом и прудом находилась обширная поляна — партер, раскрывающий восточный панорамный вид на дворец и парк с многих точек обзора, как непосредственно с самого партера, так и с двух въездных со стороны дороги на г. Курск дамб и левого живописного берега (мыса-рощи).

Дворец, окруженный парком в английском или «натуральном вкусе», напоминал лес с группами и куртинами деревьев в сложившемся естественном беспорядке на фоне партеров и полян. В экспликации к плану парк так и назван – «лесом».

Парк пересекала сеть дорог естественных очертаний, большинство из которых, помимо основных направлений — связи парадной с хозяйственными зонами, были привязаны к историческим коммуникациям, дорогам и тропам, ведущим в г. Курск, д. Сныхино и соседние села.

Хорошо читающаяся на плане объездная дорога, вокруг парадной части усадьбы, и сегодня четко обозначает границы дворцово-паркового комплекса двойной обваловкой вокруг парка. Так что сама дорога имеет заглубленный характер, как бы проходящей в низине. Она, обходя территорию с севера, запада и юга, выходит на обе дамбы и замыкает кольцо в северо-восточном углу центрального пруда у заводи «Попова верха».

На «Экономическом плане» четко видна абсолютно прямая аллея в направлении восток — запад от дворца через весь парк вверх по склону к парковому павильону. Эта лучевая аллея являлась одной из ведущих композиционных осей парадной части усадьбы. Она соединяла дом с парком и организовывала систему парковых дорожек. Лучевая аллея немного странно сориентирована: не на парадное крыльцо или часовню главного дома, а на скромный одноэтажный переход между ними. Можно предположить, что единственная прямая аллея парка имела конкретное направление на некий не исполненный строительством акцент объемно-

пространственного решения дома или ансамбля — некую доминанту, скажем, колокольню или башню, которая не была воплощена при первом владельце усадьбы, или трансформирована в крытый переход на втором этапе, поскольку в южной части комплекса уже был задуман к строительству большой семейный храм-усыпальница. В настоящее время в парке имеется дорога от дома аналогичного характера и направления. На юго-западном завершении прямой аллеи по данным зондажа обнаружены остатки кирпичного фундамента паркового павильона [1, с. 66].

Помимо этой планировочной оси существовала другая ведущая композиционная ось парка, которая в отличие от первой, судя по плану, была чисто визуальной. Она проходила через главную ось дворца, продолжаясь к востоку, пересекала поляну восточного партера, водную гладь пруда, луг и рощу, расположенную на противоположном берегу и оканчивалась на повороте въезда в усадьбу, образуя интереснейшую многоплановую перспективу. Эта перспектива обеспечивала прекрасный обзор окрестностей со стороны дворца, из его окон, балкона, позволяла следить за въездом с открытой террасы. Обратная перспектива: въезд – пруд – поляна – дом, являлась частью неповторимой по своей красоте и законченности панорамы, открывавшейся перед взором въезжающего в Мокву. Автор очерка об усадьбе в «Памятной книжке Курской губернии за 1860 г.» пишет, что «дом владельца напоминает итальянские виллы – при въезде в Мокву: направо виден обширный пруд с множеством яликов, налево красуется двухэтажная каменная церковь. Направо от церкви, через дорогу, рисуется сад и роща, обращенная в роскошный парк с широкими аллеями, дорожками, живописно извивающимися, красивыми павильонами» [6].

Вторая композиционная ось подчеркивалась не только двумя симметрично расположенными парадными дорожками, спускавшимися от дома к пруду, но и каким-то пейзажным акцентом, изображенным в виде темного силуэта округлой формы на оси дома в центре поляны.

Еще в 1980-х гг. в указанном месте располагалась небольшая насыпь округлой формы диаметром 4 м. Ниже него, у пруда можно разглядеть еще два элемента поменьше расположенных симметрично оси дворца по краям поляны. Роль этих трех пейзажных акцентов могли выполнять элементы растительности или архитектуры. Возможно это те самые «красивые павильоны», которые упоминаются в описании въезда в имение или фонтаны, проект которых был выполнен в 1843 г. [7]. Плохое качество сохранившейся фотокопии с плана не дает возможности определить точнее местоположение и характер остальных планировочных элементов усадьбы [2].

Автор очерка о Мокве в I860 г. описывает вид с террасы дворца на поляну: «...Луна взойдет и осеребрит пруд, дышащие ароматом цветники, погруженный в тишину парк, золотой крест на куполе церкви. Вершины

леса окружают всю эту картину» [6]. «Дышащие ароматом цветники», цветочные партеры располагались вблизи дома.

Дворец окружала площадка свободных очертаний с расходящимися от нее во все стороны парковыми дорожками. Каждая из них, как учили основоположники пейзажного стиля в садово-парковом искусстве конца XVIII в., «имела свое намерение и причину». Въездная дорога на юге от дворца служила для связи его с городом Курском, с хозяйственной зоной усадьбы и церковью. Эта дорога сохранилась до наших дней. Луговая парковая дорога, о которой говорилось выше, связывала дом с парком. Она заканчивалась павильоном, также как и иное ответвление ее.

Из архитектурных сооружений, которые выполняли в парке роль композиционных узлов, на плане отмечены также постройки в районе фруктовых садов на севере от дворца, за оврагом, одно из которых располагалась на месте современного оранжерея, кирпичного двухэтажного жилого дома. К оранжерее от дворца вела дорожка; через овраг в этом месте был перекинут мостик. Между дворцом и мостиком по данным зондажа существовало две дорожки с покрытием из красного кирпича [1, с. 68]. К мосту с северо-востока спускалась дорога – ответвление от северной объездного кольцевого пути усадьбы, которая сегодня заросла, но хорошо читается в парке характерным заглублением и двойной обваловкой.

В месте подхода оврага к пруду находился второй – горбатый мост, который, в отличие от первого до наших дней не сохранился. К нижнему мосту от дворца также вела дорожка. Симметрично ей от замка к пруду в сторону южной плотины спускалась вторая дорожка. По данным зондажа она имела покрытие в виде кладки из красного кирпича [1, с. 68]. В настоящее время обе дорожки заросли, но хорошо читаются в натуре, так как располагаются в характерных углублениях рельефа.

Сохранилась дорожка, которая вела берегом пруда от нижнего мостика к въезду в усадьбу. При зондаже у неё в районе моста обнаружено кирпичное покрытие. Из кирпича была сложена и объездная дорога, которая начиналась у южной плотины пруда, обрамляла парк на юге и западе и вела в поля. Ширина ее покрытия по результатам зондажа составляла 2,1 м (одна сажень) [1, с. 69]. Объездная дорога, как отмечалось выше, в настоящее время заросла и не используется, но хорошо читается по высокой обваловке и сохранившемуся направлению.

На юге и западе параллельно объездной дороге, в глубине парка располагалась внутренняя огибная дорожка. (Западный участок между бывшими павильонами и северным граничным валом сохранился). В районе северного вала парка в месте выхода на него огибной дорожки, вероятно, находился еще один парковый павильон, о чем свидетельствует сохранившаяся насыпь овальной формы, диаметром 10–15 м. [1, с. 69]. Сегодня это место застроено.

Со стороны дворца на вал выводила вторая дорожка (не сохранилась). Из этих двух видовых точек открывался интересный панорамный вид на поля и окрестности, которые можно было обозревать, прогуливаясь по парку. На «Экономическом плане» в этом районе изображено редколесье. Ещё недавно здесь находились посадки рябины и белой акации (сегодня место частично застроено).

На «Экономическом плане» Моквы изображена церковьусыпальница Нелидовых — Спасская. В клиросной ведомости церкви записано, что в 1848 г. одновременно с ней был построен «дом священника и псаломщика». На плане в районе церкви изображено несколько построек, в том числе одна подковообразной формы, к западу от храма. Ни одна из них до наших дней не сохранилась. Эту полуциркульную в плане постройку у старинного тракта на южной границе парка вполне можно считать изначальной хозяйственная зоной усадьбы, основанной при А. И. Нелидове, например, конным двором и службами 1-й четверти XIX в.

К югу от церкви, напротив нижнего пруда, располагались хаты дворовых крестьян Нелидовых. Эта улица крестьянских усадеб шла с севера на юг вдоль берега нижнего пруда в направлении к обширным фруктовым садам помещика. Позднее, после переселения крестьян на Кукуевку, в двух верстах южнее усадьбы, на этой дороге посадили алею пирамидальных тополей.

По «Экономическому плану» старое крестьянское кладбище располагалось к юго-западу, за фермой, в районе современной частной застройки по ул. Парковой.

С переносом в 1861 г. в другое место А. А. Нелидов использовал крестьянские сады и огороды для внедрения «улучшенной системы хозяйства». За это он был отмечен в 1866 г. Статистическим комитетом. Границы освоенного участка, очевидно, совпадают с границами частично сохранившихся фруктовых садов. Граничный ров с валом и рядовая посадка дубов, возраст которых ныне 190 лет, вдоль него подтверждают это предположение.

Производились и другие посадки деревьев в середине XIX в. на территории усадьбы, об этом свидетельствуют данные натурного обследования насаждений [1, с. 70].

В южной части парка, а также в районе хозяйственной зоны санатория старовозрастные насаждения почти полностью состоят из 190-летних дубов. По всей территории парка встречаются единичные экземпляры клёна и липы также в возрасте 190 лет. Два представителя экзотических пород этого же возраста в районе дворца: конский каштан (спилен в 1990-х) у часовни и сосна веймутова в нижнем парке [1, с. 70].

III. Третий период усадебного строительства, охватывающий период с последней четверти XIX в. до 1917 г., связан с Волковыми.

С 1880-х гг. по 1917 г. усадьба принадлежит племяннику А. А. Нелидова – Петру Петровичу Волкову (1858–1926 гг.), шталмейстеру императорского двора. Петр Петрович – сын сестры А. А. Нелидова Любови Аркадьевны (1822–1865 гг.), в замужестве за генералом от кавалерии Петром Николаевичем Волковым (1817–1899 гг.).

Поскольку новые владельцы не жили в Мокве постоянно, в отличие от Нелидовых, а использовали её как дачу, крупного строительства на территории усадьбы не происходило. К этому периоду сохранилась система из трёх прудов, которая просуществовала вплоть до 1920 г.

Появился северный въезд в усадьбу, который был оформлен воротами. Дорога от ворот к дворцу была вымощена камнем [1, с. 70]. С восточной стороны въездную дорогу обрамляла посадка из клена и тополя (несколько экземпляров в возрасте около 130–150 лет сохранялись до недавнего времени).

Дорога берегом пруда вела к дворцу и каменному мостику над «протокой» (овраг на севере от дворца), у которого, как и у второго мостика, располагавшегося выше, были чугунные перила. К северовостоку от оранжереи (ныне двухэтажный жилой дом при въезде в санаторий) размещался дом садовника (ныне жилой дом, значительно реконструирован). К северу от оранжереи, как и в XIX в., размещался фруктовый сад, восточная половина которого к началу XX в. была заменена сосновой рощей. В 1980-х гг. еще можно было увидеть отдельные экземпляры 80-100 летних яблонь и сосен. Между сосновой рощей и садом находились ягодники со смородиной. Рядом с оранжереей размещались парники холма бахча. склоне выращивались пальмовые и лавровые деревья, розы, цветочная рассада, на бахче – огурцы. За парниками у дороги размещалась теплица. Парники обрамляла на юге и западе изгородь из сирени. Часть этой посадки сохранялась еще в 1980-х гг. [1, с. 72].

В конце XIX – начале XX вв. в парке имелись две лучевые дороги, начинавшиеся от дворца и пересекавшие парк с запада на восток. Первая была сориентирована на южную, а вторая на северную пристройку ко дворцу. Первая дорога была обсажена декоративным кустарником: снежноягодником и маслинном (чубушником). Вторая дорога предназначалась для проезда к полям.

Между этими дорогами находился западный партер дворца. Вначале XX в. он представлял собой лужайку со стриженым газоном. Обрамляла его рядовая посадка из жасмина, сирени (частично сохранилась). У обоих фасадов здания западного и восточного располагались цветники, в которых росли розы, астры, гвоздика [1, с. 72].

На поляне восточного партера в конце XIX в. появляются посадки деревьев: двойная ель и клен, которые размещаются по оси дворца вверху и внизу поляны (одно из этих деревьев — клен в возрасте 140 лет сохранилось). Позднее высаживаются симметрично два кедра в опушках

поляны, из которых один (в возрасте до 120 лет) сохранился. Размеры поляны к этому периоду по сравнению с серединой XIX в., значительно сокращаются. Если раньше ширина поляны позволяла увидеть дом с плотины среднего пруда, то к началу XX в., она суживается до современных размеров, и дом с северо-восточного въезда не просматривается. Опушка поляны, волнообразной формы в плане, оформляется посадкой групп декоративных кустарников: сирени, спиреи, жасмина, роз с лиловой окраской цветков (часть посадок сохранилась). Газон регулярно стригся [1].

Поляну пересекала дорожка, кольцеобразно раздваивавшаяся в центре. Внизу она соединялась с проезжей дорогой к церкви, проходившей по верху второй террасы пруда. По берегу пруда росли ивы и большое количество барбариса.

По данным натурного обследования в упомянутый период на территории усадьбы производились посадки деревьев: клена (южный граничный вал санатория, район церкви, парк), липы сохранились в виде единичных экземпляров, у северной и южной подъездных дорог к дому, ель (у церкви), сосна (северный въезд) у главного дома и в хозяйственной зоне, на юге [1, с. 73].

Документы сообщают: «1903 года апреля 17-го дня посажены в с. Мокве на церковной усадьбе дубки однолетние» [8, с. 56].

Всем этим деревьям насчитывается сегодня по 110–140 лет. Для данного периода характерно появление на территории усадьбы экзотических пород, таких как вышеупомянутые пихта, кедр, а также сосна веймутова, каштан, дуб пирамидальный, клён сахаристый, липа темнозеленая. Они встречаются в ближайшем окружении дворца. В начале XX в. высаживается аллея пирамидальных тополей от церкви к новому кладбищу [1, с. 73].

Парк в начале XX в. представлял собой дубраву с большим количеством полян и лужаек, которые регулярно окашивались. Дорожки в парке были грунтовые (данные зондажа) и посыпались песком [9; 10]. На дорожках выставлялись простые деревянные скамьи и садовые диваны из дерева и с металлом.

Старожилы вспоминают: «...При Волковых дорога из Курска в Мокву проходила через овраг [...], потом полями мимо леса на плотину у моковской церкви. В ночное время вдоль всей дороги зажигались бочки смоляные...» [11, л. 26]. Кроме оранжереи и двух теплиц в начале XX в. в Мокве существовали конюшня и крытый скотный двор «Молочная ферма» (современные жилой дом, клуб и контора санатория в перестроенном виде), каретный сарай, погреба, рига и многие другие хозпостройки [12].

На юге усадьбы при П. П. Волкове существовал «огромнейший сад — гордость губернии», который располагался в границах современного плодового сада (сегодня распланированная территория для частной застройки).

Источники и литература

- 1. Проект реставрации насаждений и организации садово-паркового хозяйства на территории санатория «Моква» памятника архитектуры XIX века Курской области: Пояснительная записка / сост.: нач. экспедиции В. А. Агальцова, нач. партии С. Н. Миронов, ст. инженер О. Н. Цыпленкова, инж. Л. А. Воронкина. М., 1985. Кн.1.
- 2. Курский областной краеведческий музей (далее КОКМ). инв. № 12635. Экономический план имения А. А. Нелидова. ок. 1862 г.
- 3. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 621. Оп. 2. Д. 3345. План деревни Сныхиной. 1860 г.
- 4. КОКМ. Фрагмент военно-топографической карты Курской губернии // Сост. корпуса военных топографов капитан Адрианов. СПб., 1864.
- 5. ГАКО. Ф. 621. Оп. 2. Д. 1007. План участков земли, примыкающих к с. Моква. 1895 г.
- 6. Памятная книжка Курской губернии, 1860. Курск, 1860.
- 7. ГАКО. Ф. 325. Оп. 1. Д. 191. Проект фонтанов в Мокве. 1843 г.
- 8. КОКМ. Склярук В.И. Книги кириллической печати XVI–XX вв. Курского областного краеведческого музея (рукопись). Каталог.
- 9. Проект реставрации насаждений и организации садово-паркового хозяйства на территории санатория «Моква» памятника архитектуры XIX века Курской области: Ведомости ландшафтного описания территоии / сост.: нач. экспедиции В. А. Агальцова, нач. партии С. Н. Миронов, инж. Л. А. Воронкина. М., 1985. Кн. 4.
- 10. Проект реставрации насаждений и организации садово-паркового хозяйства на территории санатория «Моква» памятника архитектуры XIX века Курской области: Материалы зондажей исторической планировки / сост.: нач. экспедиции В. А. Агальцов, нач. партии С. Н. Миронов, инж. Л. А. Воронкина, инж. Н. И. Деркач. М., 1985. Кн. 5.
- 11. ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 9. Самсонов В.И. Материалы к истории села Моквы и одноименного санатория.
- 12. ГАКО. Ф. Р-583. Оп. 1. Д. 36. Дело о ликвидации помещичьих имений. 1919 г.

Г. А. Салтык

доктор исторических наук Курский государственный университет

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КУРСКОГО КРАЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ И МЕМУАРАХ: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ

Аннотация. В статье дана оценка источников личного происхождения – мемуаров и воспоминаний курян, принимавших активное участие в революционной деятельности Курской губернии в начала XX века. Среди авторов — представители политических партий и участники Гражданской войны, бывшие политкаторжане и руководители местных органов власти. Автором также затронуты проблемы, связанные с сохранением данного вида источников.

Ключевые слова: партии; репрессии; мемуары; воспоминания; политкаторжане; революция; гражданская война.

Среди исторических источников мемуарная литература занимает важное место. Прежде всего, она представляет собой записки и воспоминания участников тех или иных событий, очевидцами которых были их авторы. Зачастую в источниках личного происхождения представлен большой фактологический материал, который отсутствует в других документах. Их особенность заключается еще и в том, что такого источники насыщены рассуждениями и впечатлениями автора, а также содержат его оценку описываемых событий, передают «дух времени» и «его героику».

При изучении политической истории немаловажное значение имеют воспоминания участников революционного движения и Гражданской войны, активистов общественной жизни, мемуары бывших «врагов народа».

Нам удалось изучить мемуары представителей различных политических партий, действовавших на территории Курского края — социал-демократов и неонародников: А. А. Аристархова, М. Н. Иванова, Е. И. Забицкого, Е. Л. Олицкой, С. М. Правдивцева, П. Сошникова, Н. Слепушкина, П. Н. Шавердо и др. Некоторые из них уже опубликованы [1; 2; 3; 4; 5, с. 51–56], рукописи других еще ждут своего исследователя. Так, в краеведческом отделе Курской областной универсальной научной библиотеки им. Н. Н. Асеева хранится рукопись Н. Слепушкина «За вольною волей», в которой он вспоминает о революционных событиях в Курске в 1905–1907 гг. [6].

Воспоминания бывших красноармейцев и красных партизан о революционных событиях в губернии и боях за г. Курск в 1919 г., участников революционных событий 1905—1907 и 1917г г. хранятся в Государственном архиве общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО) (Ф. П-16) и в фонде Курского областного краеведческого музея (Ф. Р-3139), который находится на хранении в Государственном архиве Курской области [9, 10]. Они активно использовались курскими учеными при подготовке к изданию книги очерков о событиях Гражданской войны, имевших место в Курской губернии.

Интерес представляют и воспоминания членов Курско-Белгородской секции историко-литературного объединения старых большевиков при институте марксизма-ленинизма ЦК КПСС (г. Москва), в которых рассказывается об установлении Советской власти в Курской губернии. Они сосредоточены в фонде коллекций документов ГАКО (Ф. Р-4040).

В фонде истпарта Воронежского губкома РКП(б) (ф. 5) Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО) имеются воспоминания участника

революционных событий 1917–1918 гг. И. Д. Смирнова, в которых имеются сведения о сотрудничестве воронежских и курских эсеров в начале XX в. [7, л. 1–246]. В том же архиве нам удалось обнаружить документы личного происхождения П. Н. Шавердо. В них она упоминает о работе первых неонароднических кружков, появившихся в Курске, а также называет имена своих единомышленников [7, л. 3]. Их дополняют сведения, извлеченные нами из рукописи Паулины Наполеоновны, сохранившейся в фонде Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев Государственного архива Российской Федерации $(\Gamma AP\Phi)$ [8, л. 1–5] и в ее личном фонде $(\Phi. P-722)$ Государственного архива Курской области. Шавердо рассказывает о своем детстве и юности, о знакомстве с трудами народников, о своей революционной деятельности в организации социалистов-революционеров г. Курска, о положении политических заключенных в курской тюрьме и пребывании многих из них в ссылке в 1905–1914 гг. [11, л. 53; 12, с. 71–90].

Частично нам удалось их опубликовать в журнале «Отечественные архивы» в 2002 г. [13, с. 276–294]. Одна из старейших неонародниц Курской губернии, почетная пенсионерка г. Курска, оставила нам подробное описание социокультурной повседневности курян начала XX в. В ее воспоминаниях содержатся подробности из жизни заключенных в «Преступница») и ссыльных («Архангельская тюрьмах (рукопись ссылка»). Из этих документов нам стало известно, что в этот период Шавердо сотрудничала с газетой «Киевские вести» под псевдонимом «Старенькая бабушка». Интерес представляют личные революционерки от знакомства с семьей известных народовольцев Никоновых – Сергея Андреевича и Нины Васильевны, с которыми она находилась на поселении. Паулина Наполеоновна также рассказывает о встрече в Пинеге с еще одним революционером – Мишей Ивановым. Как оказалось – это был народник-коммунист из г. Осташково, впоследствии переехавший с семьей в Курск. В 1930-е гг. он работал главным бухгалтером биофабрики. Курской Его воспоминания политзаключенного Осташковской, Бутырской, Таганской, Тверской и тюрем, ссыльнопоселенца Архангельской и Вологодской губерний, члена сельскохозяйственой артели «Перевал», узника УсольЛага нам удалось обнаружить в музее Курской биофабрики. В 2006 г. при поддержке руководства предприятия они были изданы [4].

М. Н. Иванов подробно описал свое детство и юность, участие в революционных кружках г. Осташкова, арест и высылку после поражения революции 1905–1907 гг. в Архангельскую губернию. Нам интересны, прежде всего, страницы книги, где автор рассказывает о начале массовых политических арестов в Курске и, особенно, на биофабрике. Автор подробно описывает процедуру допроса и следствия по его делу, как оказалось позже, сфабрикованному УНКВД. Мемуары Михаила Ивановича дополняют материалы интервьюирования его дочери —

Татьяны Михайловны. Она поделилась своими воспоминаниями о жизни семьи после ареста отца. С болью говорила о том, как от «семьи врага народа» отвернулись родственники, соседи, знакомые. Со слезами на глазах она рассказывала о том, что пришлось испытать во время эвакуации из Курска в Казахстан в период Великой Отечественной войны.

Интерес представляют мемуары еще одной узницы ГУЛАГа -Е. Л. Олицкой [13]. Она родилась в семье народовольца Льва Степановича Олицкого, имевшего небольшое имение в Курской губернии. Будучи гимназисткой Мариинской женской гимназии, Екатерина была очевидцем революционных событий 1905 г., которые подробно описала в своих Позже примкнула воспоминаниях. она К партии социалистовузницей Бутырской революционеров, стала тюрьмы, побывала Суздальском политизоляторе, Ярославском централе, прошла этапом на Колыму, находилась в женской зоне Магаданского лагпункта... С какой болью автор пишет о повседневной жизни заключенных: заключенные топят печи, варят еду, убирают помещение, стирают белье. Для этого из заключенных созданы рабочие бригады...». Однако, по словам Екатерины Львовны, в лагере можно было заниматься самообразованием, здесь функционировала «довольно хорошая библиотека, составленная из личных книг заключенных, организована школа для повышения знаний, существовали кружки для занятий по различным вопросам». А еще в тюрьме был любительский кружок, члены которого «ставили спектакли». Е. Л. Олицкая также упоминает тюремный журнал «Сполохи», в котором публиковались многие заключенные [3].

существовании лагерной газеты Ухтино-Печерском исправительно-трудовом лагере писала и А. П. Быкова. Судя по ее воспоминаниям, находясь в тюрьме, она «руководила струнным кружком, играла на гитаре, пела дуэтом с подругой». Анна Пантелеевна Быкова была узницей фашистских концентрационных лагерей и ГУЛАГа, работала на строительстве Курчатовской АЭС. Свои воспоминания она оставила в преклонном возрасте (90 лет). Поэтому очень многие факты из ее необходимо проверять. Вместе с тем они содержат очень биографии много личных впечатлений и размышлений автора. К примеру, не оставляют равнодушными ее рассказы о пребывании в фашистском лагере, жизни в немецкой семье, упоминания о смерти в советском фильтрационном лагере ее новорожденного сына [14, с. 98–103].

Воспоминания бывших «врагов народа» нам удалось записать во время интервьюирования членов Курской областной Ассоциации жертв политических репрессий [15, с. 221–223, 210–215]. Н. Саталкин, Л. И. Соснова, Э. Ф. Русанова, В. Д. Романенко и многие другие рассказывали о своих незаконно репрессированных родителях, о том, как прошли их детство и юность, о жизни после реабилитации [16]. Особый интерес представляют расказы Л. И. Сосновой — члена инициативной группы по созданию Курской областной ассоциации памяти жертв

незаконных политических репрессий 1920-х — 1950-х гг. После образования ассоциации в феврале 1991 г. и до 2007 г. она была ее бессменным секретарем и ответственным за делопроизводство. Через руки Ларисы Ивановны прошли сотни дел репрессированных курян. Соснова делилась своими впечатлениями о процессе реабилитации, о судьбах земляков. Из ее личных рассказов мы узнали много подробностей из жизни видного комсомольского работника Ивана Алексеевича Гулиенко — отца Ларисы Ивановны. Не оставляют равнодушными ее рассказы о жизни семьи Гулиенко в оккупированном фашистами Курске.

Таким образом, личные воспоминания участников революционных событий и Гражданской войны позволят нам восстановить историю политических партий исследуемого региона, выявить их роль в установлении Советской власти в курской губернии. Источниковедческий анализ воспоминаний бывших заключенных тюрем и исправительно-Советского лагерей Союза, ИΧ детей, подтверждает трудовых исключительную важность данных источников для постижения истории советского общества и государства, в большей степени годов сталинизма. Их дальнейшее изучение позволит дать ответы на многие вопросы, связанные не только с карательной политикой советского государства, но и с культурной, общественной, политической, идеологической, социальноэкономической историей Курского края.

Источники и литература

- 1. Аристархов А.А. Летопись революционной борьбы в Курской губернии: Воспоминания А. А. Аристархова. Курск, 1923.
- 2. Они были первыми. Очерки, воспоминания. Воронеж, 1969.
- 3. Олицкая Е. Мои воспоминания. В 2-х т. Т. І. Франкфурт-на-Майне, 1971.
- 4. Иванов М. Н. Из дневника политзаключенного / подготовка к публикации, ред., автор коммент. Г. А. Салтык. Курск, 2006.
- 5. Сошников П. Из воспоминаний о прошлом // Спутник большевика. 1925. № 9.
- 6. Слепушкин Н. За вольною волей (записки революционера). Рукопись / Курская областная универсальная научная библиотека им. Н. Асеева.
- 7. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. (далее ГАОПИВО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 302.
- 8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1325.
- 9. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-16. Оп. 1. Д. 74.
- 10. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7.
- 11. ГАКО. Ф. Р-722. Оп. 1. Д. 2.
- 12. Салтык Г.А. Боролась за землю, за волю, за свободу народа». Из воспоминаний «бабушки» курских революционеров Паулины Шавердо // Отечественные архивы. 2002. № 6.
- 13. Салтык Г.А. Неонародники Курского края: люди и судьбы. Курск, 2022.
- 14. Салтык Г.А. В ее жизни были оккупация, концентрационные лагеря и большая любовь (из воспоминаний А. П. Быковой) // Война и судьбы молодежи: опыт осмысления и проблемы сохранения исторической памяти: Сборник научных статей участников Всероссийской научно-практической конференции с международным

участием, посвященной 80-летию начала Великой Отечественной войны. г. Курск, 19—20 июня 2021 г. / ред. кол.: В.В. Коровин (гл. ред.) [и др.]. Курск, 2021.

- 15. Книга памяти жертв политических репрессий Курской области. Курск, 2011. Кн. 5.
- 16. Мы дети репрессированных [публицистика, стихотворения, иллюстрации] / гл. ред. В. Д. Романенко; ред. Г. А. Салтык. Курск, 2014.
- 17. ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 214.

В. В. Раков

кандидат исторических наук Государственный архив Курской области

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Анализируется источниковая база, позволяющая исследовать региональные аспекты формирования, эволюции и краха белой государственности, на примере документов, хранящихся в Государственном архиве Курской области.

Ключевые слова: Курская губерния; Гражданская война; Вооруженные силы на Юге России; гражданское управление; А. И. Деникин; Государственный архив Курской области; источниковая база.

История Гражданской войны в СССР получила достаточно широкое освещение в публикациях советского периода. Вместе с тем, источниковая исследований ограничена была ПО идеологическим соображениям. Значительный массив документов не был включен в оборот. относится, Это прежде всего, документам «небольшевистского» происхождения, находившимся на хранении в спецфондах центральных и местных архивов. В связи с этим особую научную значимость приобретают документы, освещающие вопросы государственного строительства, администрирования, экономической и культурной политики белых режимов, ставшие доступными исследователям лишь в новейшее время.

Такого рода документы имеются на хранении и в Государственном архиве Курской области. Большая часть их сосредоточена в объединенном фонде P-1010 «Учреждения периода оккупации Курской губернии немецко-гайдамацкими войсками и армией Деникина». Фонд не был включен в путеводитель архива, изданный в 1958 г., и почти пол столетия, являвшийся единственным изданием научно-справочного характера по Государственному архиву Курской области.

Объединенный фонд был сформирован ИЗ документов представительных и исполнительных органов местного самоуправления – волостных, уездных земских управ и городских дум и управ – в январе 1982 г. Причиной создания объединённого фонда, как указано в исторической справке к описи фонда, послужила малообъёмность составивших его фондов и их однородность деятельность. Однако эта причина не являлось, на наш взгляд, единственной. По действовавшим в советское время правилам фонд (!), получив гриф «особо ценные» документы, был поставлен в режим ограниченного доступа. Не случайно, что ни один документ, находящийся в этом фонде, не попал в сборники документов 1957 и 1967 гг., изданных архивом [2; 5].

Территория Курской губернии не целиком и не одновременно (июнь – декабрь 1919 г.) находилась под контролем Вооруженных сил на Юге России. В губернском городе белые пребывали в период с 20 сентября по 19 ноября 1919 г. (новый стиль).

Представленные в объединённом фонде P-1010 «Учреждения периода оккупации Курской губернии немецко-гайдамацкими войсками и армией Деникина» документы практические не освещают ход боевых действий в регионе, но достаточно полно характеризуют формирование местного государственного аппарата, его взаимодействие с исполнительными органами местного самоуправления, налоговую и финансовую политику деникинской администрации, состояние народного образования и др.

Эта группа документов общероссийские содержит или государственному строительству, экстерриториальные материалы ПО взаимоотношениям военных гражданско-административных, И вопросу, производства реквизиций национальному порядку гражданского населения и др.

Многие документы по своему происхождению вторичны, поскольку нормативно-правовые дублируют акты администрации. Например, большая часть приказов Курского губернатора (и. д. Курского губернатора) Римского-Корсакова основывалась нормативных актах вышестоящих военно-гражданских органов (Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами на юге России и его управлений), приказов Главнокомандующего Вооруженными силами на юге России генерала А. И. Деникина и Главноначальствующего губерний Екатеринославской, Харьковской, Курской и Полтавской генерала Май-Маевского. В этих приказах определялись меры по налаживанию хозяйственной жизни региона: о борьбе со спекуляцией, о передачи дел по обвинению в спекуляции и всякого рода преступлениях и злоупотреблениях, связанных со снабжением населения продовольствием, в ведение военных судов; о возврате имущества, захваченного по распоряжению советских властей, их юридическим владельцам [3, л. 1–2; 9, π . 19, 20–23, 31–32]

Больший интерес представляют документы, относящиеся к низовым административным уровням: уездам, волостям и селам. Такого рода источники практически не отложились в фондах федеральных архивов, что делает их с научной точки зрения уникальными. Аргументируем данное положение примером о формировании деникинской уездной администрации, которая начала формироваться в южных уездах Курской губернии в конце августа — начале сентября, а в остальных уездах — в середине сентября — начале октября 1919 г.

Организация местного управления при ген. Деникине базировалось на законодательных актах, подготовленных Особым совещанием и им утверждаемым. В частности – «Временным положением о гражданском управлении в местностях, находящихся под верховным управлением Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России» [4, с. 149– 163]. В соответствии с «Временным положением о гражданском управлении в местностях, находящихся под верховным управлением Главнокомандующего Вооруженными Силами Юге на гражданское управление «вверяется: 1) В губерниях главноначальствующим, губернаторам и губернским управлениям; 2) в уездах – начальникам уездов и уездным управлениям и 3) в сельских местностях – органам волостного и сельского управлений» [4, с. 150].

Начальник уезда, действуя в качестве ближайшего помощника губернатора в уезде, осуществляет под его руководством надзор за точным и повсеместным соблюдением законов, постановлений и распоряжений Правительства местными органами управления и подлежащими органами самоуправления. Начальник уезда непосредственно подчинен губернатору. Начальник уезда назначается на должность и увольняется, по представлению губернатора, начальником Управления внутренних дел. На должность начальника уезда назначаются лица, получившие высшее образование или образование не ниже среднего, при наличии надлежащего служебного опыта.

На начальника уезда, действующего в качестве ближайшего помощника губернатора, чрез которого последний осуществляет свою власть в уезде, возлагается: 1) охранение государственного порядка, общественной, личной и имущественной безопасности и спокойствия, а также заботы об общественном благоустройстве и благочинии, в особенности: а) об исправном состоянии водных путей сообщения, шоссейных и грунтовых дорог; б) об охранении народного здравия и в) о первоначальном обучении, поскольку сии дела не отнесены к ведению содействие органов самоуправления; 2) подлежащих властям учреждениям по снабжению населения продовольствием и предметами необходимости, и 3) содействие подлежащих учреждениям и поощрение самодеятельности частных лиц и обществ в деле восстановления государственного и народного хозяйства.

При начальнике уезда состоят: 1) секретарь и 2) чиновник для особых поручений. На секретаря возлагается ведение служебной переписки начальника уезда, требующей тайны или спешности. Чиновник для особых поручений состоит в личном распоряжении начальника уезда. Для содействия начальнику уезда по управлению уездом состоят помощники, которые непосредственно подчинены ему и действуют под его руководством. Помощники начальника уезда назначаются на должность и увольняются начальником Управления внутренних дел по представлению губернатора из лиц, получивших высшее образование или образование не ниже среднего, но при наличии надлежащего служебного опыта.

31 августа, когда деникинцы только приступали к формированию местного аппарата управления, Курский губернатор разослал начальникам уездов опросный лист (в Щигровском уезде циркуляр зарегистрирован 25 сентября 1919 г.) для лиц, определяемых на службу в местные учреждения ведомства внутренних дел. Приведём форму этого опросного листа:

«Ф. И. О.

Вероисповедание.

Возраст.

Отношение к военной повинности.

Образовательный ценз.

Краткое прохождение службы.

Место прохождения и занятия с 1 января 1917 г.

Не служил ли в Советских учреждениях.

Кто может удостоверить правильность показаний и дать аттестацию.

Подпись лица, на которое составлен опросный лист.

Подпись лица, удостоверяющего правильность данных, указанных в опросном листе» [10, л. 1].

Достаточно детально в документах архива отражен процесс мобилизации населения в армию генерала А. И. Деникина. В конце октября 1919 г. на территории Курской губернии была объявлена мобилизация офицеров в возрасте до 50 лет и «...лиц, занимающихся хлебопашеством» 1895–1898 гг. рождения» [8, 5 нояб.]. В соответствии с распоряжением Главнокомандующего ВСЮР и приказом командира 1-го Армейского корпуса от 5(18) октября 1919 года № 283 Курский уездный военный начальник полковник Моисеев объявил о призыве на службу в мобилизованным Добровольческой армии порядком военнообязанных, проживающих в городе Курске и уезде [11, л. 7]. К их числу относились: 1. Штаб-офицеры до 50 лет включительно; 2. Оберофицеры, юнкера, гардемарины, вольноопределяющиеся в возрасте до 43 лет; 3.Состоящие за штатом кадровые военные врачи в возрасте до 50 лет; 4. Ветеринарные врачи и фельдшера (до 43 лет); 5. Все фармацевты и фельдшера в возрасте до 43 лет; 6. Все чиновники военного времени в возрасте от 20 до 34 лет включительно. Аналогичные распоряжения поступили и в другие уезды губернии, занятые деникинцами 6 октября 1919 г. [11, л. 2]. Явка на пункты сбора была назначена для призыва:

1918, 1919 гг. – 15 октября; 1916, 1917 гг. – 16 октября; 1913–1915 гг. – 17 октября.

Для не явившихся по уважительным («законным») причинам призывников определялся единый дополнительный день -18 октября. В волости было сообщено, что всем мобилизованным надлежит прибыть с вещами, так как домой они отпускаться уже не будут [11, л. 3].

В этой связи интересна характеристика настроений крестьянства, которую, с известной поправкой на официоз, можно проследить в сообщениях волостных старшин начальнику Щигровского уезда. На вопрос: «Отношение крестьянского населения к Добровольческой армии» дали ответ десять волостных старшин. Как «хорошее» его характеризовали в четырёх случаях, «удовлетворительное» — в двух, «сочувственное» — в трёх и «неопределённое» — в одном [12, л. 14–15, 20, 30 об., 49 об., 55, 57 об., 59, 61, 78].

Таким образом, общее настроение крестьян квалифицировать как позитивно-настороженное. Однако надо иметь ввиду, что ответы датированы 9–16 октября, то есть через четыре – пять недель после занятия уезда добровольцами и отражали настроения первых недель их пребывания в основном до начала мобилизации: «Мобилизация не проводилась и поэтому отношение населения неизвестны» (Липовская волость), «Мобилизация не объявлена, но отношение населения к мобилизации не сочувственно» (Мелехенская волость) [12, л. 49 об., 78 об.]. В дальнейшем из-за проводимых реквизиций, восстановления прав собственников и призыва в армию общественные настроения сельского населения стали меняться в сторону негативно-выжидательных: «Ввиду усталости мобилизация населения в неблагополучном (Ольховская волость) [12, л. 55].

По распоряжению губернатора кн. Римского-Корсакова в уездах создавались комитеты ПО представлении делам 0 отсрочек военнообязанным. Судя ПО материалам трех уездов Щигровского и Фатежского), которые сохранились в архиве, они были завалены прошениями от освобождения от призыва по буквально семейным обстоятельствам, состоянию здоровья или просьбами о предоставлении временной отсрочки. Но большая часть граждан, подлежащих призыву, попросту не явилась в установленные сроки несмотря на строгие меры, применяемые властями. Так за неявку к призыву без уважительных причин виновные должны были предаваться военно-полевому суду. Вместо уклоняющихся от мобилизации могли быть призваны другие члены семьи годные к воинской службе, не моложе 18 и не старше 43 лет, если они не имели права на какие-либо льготы [11, л. 44–44 об.].

Газетная периодика в годы революции и Гражданской войны в значительной степени способствовала формированию общественных стандартов в оценках происходящих политических процессов. Наряду с неофициальной информацией (слухами), сознательной дезинформацией пресса являлась средством идеологической войны противоборствующих сторон.

Важным, а порой единственным комплексом источников по истории Белого движения является периодическая печать. За короткий срок пребывания белых в Курской губернии выходило пять газет. Две из них («Вечернее время» и «Россия»), хоть и печатались в Курске, считались общероссийскими. Три другие — «Курские вести», «Курские губернские ведомости» и «Курская народная речь» — были местными. В Государственном архиве Курской области хранятся отдельные номера небольшевистских газет [1; 6; 7; 8].

Состав материалов курских газет включал в себя все жанры газетной публицистики: статьи и заметки, корреспонденции, обзоры, комментарии, газетную информацию, очерки, репортажи, фельетоны, а также произведения беллетристики, в основном рассказы и стихотворения. Значительное преобладание имели информационные материалы. Через них газеты восполняли информационный голод общества и формировали общественно-политические настроения людей. На первой странице газет, как правило, помещалась передовица. Фельетон, рассказ или очерк обычно занимали «подвал» газетной страницы. В «шапку», кроме названия газеты, как правило, выносились объявления о работе редакции и условиях подписки. Представлены были в газетах сообщения собственных и специальных корреспондентов газет. Большое число газетных материалов были анонимными или подписывались псевдонимами.

Среди основных отделов и рубрик газет выделялись официальный и неофициальный отделы, а также отдел объявлений. В официальном отделе печатались законы, распоряжения, постановления, приказы и декреты центральных и региональных властей, органов местного самоуправления (земств, городских дум и т. д.), правительственных учреждений, военного командования, руководства политических партий и общественных объединений, правлений кооперативов, оперативные сводки штабов, резолюции собраний биржевых комитетов, торгово-промышленных кругов, союзов предпринимателей.

Совокупность источников, хранящихся в Государственном архиве Курской области, позволяют реконструировать и исследовать различные аспекты политики деникинского правительства в период контроля Курской губернии Вооруженными силами на Юге России, во многом дополняя и уточняя материалы, выявленные историками в центральных архивах.

Источники и литература

- 1. Вечернее время. 1919.
- 2. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии: Сб. документов и материалов. Курск, 1957.
- 3. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 156.
- 4. Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А. И. Деникине. Сентябрь 1918-го декабрь 1919 года. М., 2008.
- 5. Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны: Сб. док-тов. Воронеж, 1967.
- 6. Курская народная речь: Ежедн. общест.-полит. и литературная газета. 1919.
- 7. Курские вести. 1919.
- 8. Россия: Кур. изд.: Общест.-полит., лит. газ. 1919.
- 9. ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 155.
- 10. ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 2. Д. 29.
- 11. ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 152.
- 12. ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 186.

О. С. Суржик

кандидат исторических наук Московский областной архивный центр

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ ТРУДЯЩИХСЯ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА В 1920-е – 1930-е гг. ПО МАТЕРИАЛАМ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО АРХИВНОГО ЦЕНТРА

Аннотация. Статья посвящена работе низовых профессиональных союзов Московского региона по организации труда и досуга рабочих в 1920-е — 1930-е гг. В этот период происходило активное обобществление частной жизни. Стиралась грань между рабочим и личным временем человека. Новая власть, преследуя цели построения нового быта, разрабатывала программу разрушения старых праздников и обрядов. Борьба со старым бытом предполагала изменение праздничной культуры крестьянства, тесно связанного с церковью, и рабочих — вчерашних крестьян. Через насаждения новой культуры праздника власти пытались оторвать людей от религиозного мировосприятия и привить им новые ценности.

Ключевые слова: Профсоюзы; Московский регион; праздничная культура; история повседневности.

«Хорошо увеселение как отдых после труда», [1, с. 3] — писал выдающийся правовед, государственный и церковный деятель, насадитель церковно-приходской школы, наставник великих князей и двух последних

царей К. П. Победоносцев. Такая установка вполне соответствовала православному миропониманию и культурным традициям русского народа [2, с. 17], согласно которым праздничные развлечения ограничивались трудом как будничным, так и праздничным (молитвенным). Новая власть, преследуя цели построения нового быта, разрабатывала программу разрушения старых праздников и обрядов. Борьба со старым бытом предполагала изменение праздничной культуры крестьянства [3, с. 454—455], тесно связанного с церковью, и рабочих — вчерашних крестьян. Облегчению манипуляции сознанием способствовали тяжелые условия труда и быта.

Пропагандисты нередко использовали старые формы досуга для проведения новых идей. Так, учитывая увлечение сезонниц гармонью и частушками, взяв под контроль данный вид развлечения, культкомиссия пыталась «втянуть» их в общественную работу [4, с. 123–124].

«Рука, качающая колыбель, правит миром», поэтому особое внимание уделялось пропаганде новых идей в среде женщин. Под предлогом освобождения от кухонного рабства женщина «втягивалась» не только в трудовой процесс, но и в активную общественную работу, часть забот по воспитанию детей, которым посчастливилось все же появиться на свет у матерей, обязанности которых непомерно расширились, взяло на себя государство, создавая детские учреждения.

Насаждение новых ценностей производилось контексте просветительской работы И ликвидации неграмотности. Отчет организатора по работе среди торфяниц Пушкино-Щелковского района 1924 г. повествует о разъяснении работницам активистками женского движения правовых вопросов, чтении лекций о жизни и деятельности В. И. Ленина, а также беседах о половой гигиене, необходимости ликвидации безграмотности и формировании правильного читательского вкуса, не ограниченного беллетристикой. В списки рекомендованной литературы входили журналы «Работница», «Крестьянка», «Рабочий «Коммунистка», «Делегатка», «Батрачка», «Батрак», «Лесной рабочий», «Беднота», «Лес и лесные работники». Просветителей удручало достижения советской обстоятельство, что все «вытравливались» временем пребывания торфяниц в родной деревне [5, л. 23-241.

С 1924 г. широкое распространение получает празднование «Дня леса», начало которому было положено еще до революции. Кроме посадки деревьев проводились лекции, выпускались сборники, печатались статьи в газетах, сочинялись стихи, частушки на природоохранные темы, что нашло отражение в документах фонда профсоюза «Всеработземлес», хранящемся в МОАЦ [6]. В сборниках, посвященных Дню леса, обнаруженных в фондах Российской государственной библиотеки, присутствуют статьи авторов, чьи рукописи находятся в МОАЦ. Авторами могли быть как неизвестные сельские корреспонденты, писавшие для газеты «Батрак»,

студенты лесных вузов [7, л. 20–23], так и маститые ученые-лесоводы — профессора Михаил Елевферьевич Ткаченко [7, л. 88], Л. Яшнов [8, л. 14–19], Н. П. Кобранов [8, л. 20–22]. В 1930-е гг. празднование «Дня леса» постепенно угасает.

В 1920-е гг. активно практикуется взятие профсоюзами шефства над деревнями, детскими учреждениями, обездоленными детьми, полками. В рамках программы «смычки» города с деревней с целью «переустройства деревни» предполагалась не только культурно-просветительская помощь, но и материальная — например, покупка тракторов. Нередко шефская работа ведется в выходные дни.

Немалую роль в досуговом поле начинают играть стенгазеты, в выпуске которых принимают активное участие профсоюзные организации на предприятиях. Участие в данном виде творческой деятельности носило добровольно-принудительный характер. В стенгазетах часто помещались карикатуры на нерадивых работников, не желающих повышать свой культурный и профессиональный уровень [9, л. 20]. В статьях стенкоров нарушающие подвергались критике лица, трудовую дисциплину: опаздывающие, обсуждающие в рабочее время свои сны, приключения по дороге домой, тонкости добывания дефицитных продуктов, бегающие в ГУМ за сливочным маслом [10, л. 107]. Беспощадный меч сатиры разил начальников, после получения должности требующих от уборщиц подавать им чай в стакане, вместо общепринятой среди рядовых сотрудников кружки [10, л. 110], таксировщиков, которых увлечение фокстротом привело к пренебрежению профкружком, «отвиливанию» от трудной работы, превратив не то в «барина», не то «джентльмена» [11, л. 14-19]. Стенгазеты убеждали трудящихся в необходимости перехода на непрерывную рабочую неделю, что должно благоприятно отозваться на производительности труда и «целесообразно помочь использовать работникам свой отдых» [10, л. 9].

Воспитывая нового человека, власть предпринимала попытки нормализующего вмешательства [12, с. 270] в организацию досуга. Этой цели легче было достичь через обобществление внерабочего времени людей. Так, в заметке стенгазеты, посвященной празднованию Нового года, самым главным недостатком торжества названо то обстоятельство, «что наши остальные товарищи не пришли на вечер для того, чтобы всем вместе встретить Новый год» [10, л. 11]. Среди форм досуга, коллективизирующего свободное время трудящегося [13, с. 110] можно назвать кружки, упоминание о необходимости «втягивания» в которые нередко встречаются на страницах протоколов профсоюзных собраний. Кружки организовывались культкомиссиями при месткомах профсоюза. ревностно следили за посещаемостью, порицая «отлынивающих» [10, л. 10].

Набирают популярность кружки художественной самодеятельности и драмкружки с разнообразным репертуарным диапазоном. Идеологи

новой культуры насаждают направления политической сатиры [14, с. 45] и антирелигиозной пропаганды. «Сознательному рабочему» не нужен Рай Небесный, он трудится над построением рая земного. Строители земного рая насаждали проведение «Комсомольских Рождеств», «Ком-Пасх», воскресников, обещали премии за снятие икон, проводили антирелигиозные лекции. За работу в дни религиозных праздников предоставлялись дополнительные дни к отпуску. Женщина, «как наиболее отсталая», подверженная влиянию «религиозной сивухи», «религиозных предрассудков», не смотря на яростные призывы прекратить «верить обману попов и таскать к нему крестить детей», подвергалась особо агрессивной обработке пропагандистов. Однако атеизм не смог до конца душой даже самых активных его проповедников. Противостояние богоборчеству, завуалировано или открыто, отражено в документах профсоюза. В протоколах содержатся требования о выдаче предоставлении зарплаты к Рождеству, o рабочим совпадающих с восьмью важнейшими церковными праздниками [15]. Новые гражданские праздники являются выходными, наряду с частью церковных праздников. В протоколе Дмитровского районного отделения «Медсантруд» зафиксировано мнение одного из участников обсуждения, что отказ от «религиозных и прочих предрассудков» эффективен лишь тогда, когда станет результатом «напряженной внутренней работы человека», поскольку вера связана с мировоззрением, изменяющимся постепенно под действием «культурного просвещения» [16, л. 102, 122]. В одном из протоколов 1922 г. отражено решение открыто верующих о пожертвовании в пользу голодающих церковных ценностей, не имеющих Богослужебного значения.

Стенгазеты требовали систематической и неустанной работы «по выявлению реакционного значения какой бы то ни было религии, руках являющейся в буржуазных классов орудием угнетения эксплуатации трудящихся», поскольку церковь служит лишь прикрытием антисоветской деятельности «кулацких и капиталистических От трудящих требовалось вступление в ряды элементов страны». «Воинствующего безбожника» [10, л. 129]. Стенкоры осуждали соседство часовни, избушки «куда покойничков кладут», с местом отдыха трудящихся [17, л. 14], и даже намерение успешного взрослого сына заплатить долг отца клеймили позором за соблюдение Пятой Заповеди Христа [11, л. 74–75], тем самым обнаруживая знание Заповедей. Курьезность ситуации автора не смущала.

В качестве досугового мероприятия проводились военизированные экскурсии «с целью закрепления теоретических военных знаний на практике» [10, л. 10–96]. Огромное значение придавалось физкультурным акциям, также несшим пропагандистскую нагрузку необходимости борьбы с внешним и внутренним врагом.

Одним из способов обобществления личного времени трудящегося стали различного рода собрания, непосещение которых приравнивался к дезертирству [10, л. 129], культкомиссии проводили активную работу в библиотеках, среди комсомольцев распространялись политкружки [18, л. 78–79] свою роль в политико-просветительской работе играли радиоточки [19, л. 17]. Постепенно внедрялось санаторно-курортное лечение, в том числе и в Крыму [20, л. 5 об. – 7].

Одним из любимых времяпровождений трудящихся оставались народные гуляния с играми, пением, катанием на лодках. Однако, в результате отвержения церковной традиции праздника и разрешения массовой продажи алкоголя, снижения цен на него и пропаганды идеи «культурного пития» [12, с. 323–351], праздники все более приобретали маргинальный окрас [13, с. 20], это в немалой степени коснулось трудовых будней.

Таким образом, через насаждения новой культуры праздника власти пытались оторвать людей от религиозного мировосприятия и привить им ценности. Отвергнутую триаду «православие-самодержавиенародность» трансформировали в религию атеизма и революционного романтизма, не рассуждающую, основанную на страхе, покорность власти, и обобществление частной жизни. Такое понимание власти гораздо ближе западной концепции абсолютизма, чем идее самодержавной монархии. Понятие личной свободы подменяли иллюзией свободы политической, декларирующей равноправие и участие в выборах. Традиционная русская культура, основанная на Православии, включала в себя признание права социализированного внутренней человека. Это вполне жизни пониманием «соборности». гармонировало Данную c установку трансформировали в идею безликой коллективности. Основной чертой контролируемого властью изменения культуры праздника можно назвать его дехристианизацию при сохранении большинства форм, традиционных для русской культуры.

Источники и литература

- 1. Победоносцев К.П. История Православной Церкви до начала разделения церквей. СПб., 1891.
- 2. Шангина И.И. Русский народ: Будни и праздники. Энциклопедия. СПб., 2003.
- 3. Шангина И.И. Традиционные и новые праздники и обряды в 1920-е годы // Традиционная культура русского народа в период 1920-х 1930-х годов: трансформация и развитие. М., 2016.
- 4. Московский областной архивный центр (далее МОАЦ). Ф. 183. Оп. 1. Д. 804.
- 5. МОАЦ. Ф. 293. Оп. 1. Д. 575.
- 6. МОАЦ. Ф .183. Оп. 1. Д. 10.
- 7. МОАЦ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 601.
- 8. День леса. Московская губернская комиссия «Дня леса». М., 1925.
- 9. МОАЦ. Ф. 183. Оп. 1. Д. 1321.
- 10. МОАЦ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 9.

- 11. МОАЦ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 5.
- 12. Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2018.
- 13. Тарасенко В.Н. Досуг периода нэпа в постсоветской историографии (предварительные итоги исследования) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 4.
- 14. Шалаева Н.В. Становление советской праздничной культуры и особенности ее восприятия в общественном сознании 1917–1920-х гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 4.
- 15. МОАЦ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 957.
- 16. МОАЦ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 154.
- 17. МОАЦ. Ф. 136. Оп. 1. Д.11.
- 18. МОАЦ. Ф. 399. Оп. 1. Д. 4.
- 19. МОАЦ. Ф. 237. Оп. 1. Д. 76.
- 20. МОАЦ. Ф. 150. Оп. 1. Д. 98.

Е. И. Емельянова

кандидат исторических наук Курский Свято-Троицкий женский монастырь

монахиня Иустина (Трофимова)

Курский Свято-Троицкий женский монастырь

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ВОССТАНОВЛЕНИЯ СУДЕБ НАСЕЛЬНИЦ КУРСКОГО СВЯТО-ТРОИЦКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ, ПОСТРАДАВШИХ В ПЕРИОД ГОНЕНИЙ НА ЦЕРКОВЬ В XX ВЕКЕ

Аннотация. Статья посвящена характеристике пяти групп источниковой базы восстановления судеб насельниц Курского Свято-Троицкого женского монастыря, пострадавших в период гонений на Церковь в XX веке. В них вошли научные статьи, документы архивов, материалы интернет-сайтов, воспоминания.

Ключевые слова: монастырь; насельницы; архив; репрессии.

Интерес к теме судеб насельниц курских монастырей, прошедших репрессии, возник еще в 1990-е гг. Он остается актуальным и по сей день. Не известны судьбы многих из тех, кто подвергся репрессиям в советский период, не вернулся из ссылок и лагерей. На базе историко-церковного кабинета при Курском Свято-Троицком монастыре несколько лет ведется работа по поиску информации о его насельницах, пострадавших в период гонений на церковь в XX в. В статье дается характеристика пяти групп

источников по восстановлению их судеб и краткая информация о некоторых монахинях.

Курский Свято-Троицкий женский монастырь был закрыт в 1923 г., как и большинство обителей в стране. На его территории разместились различные организации, в том числе лагерь Губчека. Монахини и послушницы были выселены и оставлены на произвол судьбы, вынужденные искать себе приют и работу для приобретения куска хлеба. Многие монахини большую часть жизни провели в монастыре, и им не под силу было приспособиться к новым жестоким условиям безработицы и нехватки продовольствия в городе. Все монахини с 1930 г. относились к «лишенцы», имели TO есть не гражданских избирательного права. В связи с этим большая часть из них попала под другую экономическую категорию – «неснабжаемые». Они не получали паёк от государства на сахар, муку, макароны, растительное и животное масло, яйца, многие другие продукты питания. Лишенные возможности посещать закрытый монастырский храм, сестры стали прихожанками еще действующих тогда церквей г. Курска, продолжая сохранять традиции обители и крепкие связи между собой. Предположительно, монахини создали тайный женский монастырь, сохранив всю структуру его организации, благодаря чему в период оккупации, в марте 1942 г., они своими силами открыли монастырь, который действовал до 1950 г. [1, c. 54].

Нам удалось восстановить новые факты биографий насельниц Курского Свято-Троицкого женского монастыря, пострадавших в период гонений на Церковь в XX в., проанализировав материалы пяти групп источников.

научные публикации курских Первая группа ученых, занимавшихся темой репрессированного духовенства и мирян. Вторая группа – документы Государственного архива Курской области (ГАКО). Третья группа – рассекреченные судебно-следственные дела 1930-х гг. архива УФСБ РФ по Курской области. Четвертая группа – материалы архива Курского Свято-Троицкого женского монастыря. Пятая группа – интернет-сайтов «Открытый список» И «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.».

Первую группу источников составили научные публикации курских ученых [2–8], занимавшихся темой репрессированного духовенства и мирян с конца 1990-х гг. Именно в них впервые были опубликованы фактические данные из архива Управления ФСБ РФ по Курской области. Благодаря изученным научным публикациям нам стало известно, что многие из монахинь были участницами так называемых

«контрреволюционной организации «Группы освобождения церкви¹ и «церковно-монархической организации «Ревнители церкви»², и других, действовавших на территории г. Курска и Курской области в 1930-е гг. Матушки обвинялись в систематической контрреволюционной агитации против советской власти (ст. 58/10-11 УК РСФСР). Стали известны фамилии, краткие биографические сведения, формулировки обвинений многих монахинь и послушниц, пострадавших в этот период, но насельницами каких монастырей они были, не всегда было известно. Для Курского насельниц Свято-Троицкого идентификации монастыря мы обратились к материалам ГАКО. Сверили имеющуюся информацию (фамилии, имена, отчества, даты и место рождения) с послужными списками монахинь и послушниц за разные годы. В результате выявили сведения о 20 насельницах обители.

Вторая группа – документы Государственного архива Курской Были изучены следующие фонды: «Курская консистория», «Указатель улиц по перерегистрации населения г. Курска и пригорода», «Финансовые инспекторы Курского губернского финансового 1921-1928 $\Gamma\Gamma.$ », «Курский Губернский отдела Курск коммунального хозяйства (Губкоммунотдел)», «Управление милиции и уголовного розыска ЦЧО 1919–1933 гг.», «Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви». Архивные источники помогли восстановить списки насельниц монастыря за 1916, 1947 гг., а также частично за 1923 и 1925 гг. (110 из 440), установить адреса их проживания до ареста, род занятий, имена в постриге, сведения о монахинях после закрытия обители в 1923 г., в том числе и их материальное положение [9– 16].

Рассекреченные в 1990-е годы *судебно-следственные дела* 1930-х гг. архива УФСБ РФ по Курской области составили *третью группу*

_

¹ Дело № 978 «О контрреволюционной церковно-монархической организации «Группа освобождения церкви», ликвидированной на территории Курского, Дмитриевского и Конышевского районов» (По обвинению Шендрикова Сидора Ивановича, Серебрикова Инокентия Ивановича и др.) в 1933г. Группа, как свидетельствуют протоколы следствия, обвинялась в защите церкви от притеснений Советской власти и агитации против вступления в колхозы, «борьбу против Советской власти против восстановления старого строя».

² В июне – июле 1932 г. в западных районах страны прошли массовые антиколхозные выступления под лозунгами: «Отдайте землю и волю, и крестьянскую власть», «Советская власть нас ограбила, нам нужна власть без колхозов», «Долой колхозы, долой Советскую власть – власть бандитов, давайте царя». ОГПУ пришло к выводу, что «контрреволюционные массовые выступления» явились результатом «подготовительной деятельности контрреволюционной церковно-монархической организации «Ревнители церкви», возглавляемой архиепископом Дамианом». Вместе с владыкой было арестовано три епископа, 127 священнослужителей, 106 монахов, монахинь, и мирян. В 1937 г. святитель был расстрелян в лесном урочище Сандармох. В 2000 г. архиепископ Курский Дамиан (Воскресенский) канонизирован в Соборе Новомучеников и Исповедников Российских как священномученик.

источников нашего исследования. В частности, это протоколы обысков и допросов, постановление об обвинении [17–21]. Из них мы узнали адреса и даты арестов, результаты обысков, подробности допросов, окончательный приговор, место ссылки, состояние здоровья некоторых осужденных накануне ссылки, уровень образования, место и даты рождения, фотографии на момент ареста.

Четвертая группа — материалы архива Курского Свято-Троицкого женского монастыря, в частности воспоминания родственников, собранные насельницей обители монахиней Иустиной (Трофимовой) [22]. Они помогли нам установить личностные качества монахинь, их родственные связи, с какого возраста находилась в монастыре, уровень образования, подробности ареста, приговора, судьбы в ссылке, адрес проживания после ссылки, род занятий, дату смерти и место захоронения у некоторых из них.

Пятая группа – сведения интернет-сайтов, таких как «Открытый список» и «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.». Интернет-источники публикуют информацию о людях, репрессированных государством по политическим мотивам в период с октября 1917 по 1991 г. [23; 24]. Здесь содержится следующая информация. О месте и дате рождения, профессии или месте работе (в нашем случае везде запись «монахиня» или «послушница»), месте проживания, где и кем была арестована, дата ареста (арестов), кем вынесен приговор и какой, по какому делу, признание вины или нет, известен или нет приговор (у большинства насельниц приговор неизвестен), месте заключения, известна ли дальнейшая судьба или нет (у большинства формулировка: «Дальнейшая судьба источники данных, ссылка на документы архива УФСБ по Курской области, информация о реабилитации, если таковая есть, и списки других участников, проходивших по этому делу.

В итоге, проанализировав все перечисленные источники, мы восстановили судьбы насельниц Свято-Троицкого монастыря в период массового гонения на Русскую Православную Церковь. Все они обвинялись в систематической контрреволюционной агитации против советской власти. Проходили по нескольким судебно-следственным делам ОГПУ-НКВД-НКГБ (формулировку найти): дело контрреволюционной церковно-монархической организации «Ревнители церкви» 1932 года, дело «О контрреволюционной церковно-монархической организации «Группа освобождения церкви», ликвидированной в 1933 г. на территории Курского, Дмитриевского и Конышевского районов», ряд других дел 1927—1938 гг.

Двенадцати насельницам курского монастыря по делу «**Ревнители церкви**» до вынесения приговора определялось «содержание под стражей в Курском Домзаке (нынешний Курский государственный медицинский университет, ул. К. Маркса, 3) по I категории»: *Ефремова Анастасия*

Матвеевна, Ко(а)синова Стефанида Григорьевна, Непочатых Дарья Марковна, Сопова Екатерина Ивановна, Сопова Анисия Ивановна, Алтухова Анна Евсеевна, Мацнева Анна Григорьевна, Сахарова Наталья Ивановна, Локтионова Анна Стефановна, Локтионова Прасковья Даниловна, Кретова Ольга Сергеевна, Хархардина Наталья Петровна.

Шестеро из них были высланы этапом в Казахстан сроком на три года: Ефремова Анастасия Матвеевна, Ко(а)синова Стефанида Григорьевна, Непочатых Дарья Марковна, Сопова Екатерина Ивановна, Сопова Анисия Ивановна, Хархардина Наталья Петровна.

Две насельницы получили приговор с заключением «в концлагерь сроком на три года» и высылку в Темлаг (Темниковский лагерь) ОГПУ станция (ныне поселок городского типа) Явас Мордовской области: Алтухова Анна Евсеевна, Мацнева Анна Григорьевна.

Четыре матушки были высланы этапом в Западную Сибирь сроком на три года (Кретова Ольга Сергеевна, Локтионова Анна Стефановна, Локтионова Прасковья Даниловна, Сахарова Наталья Ивановна) [18, л. 305–330].

В деле «Группы освобождения церкви» из пятнадцати монахинь, давших показания, пять были насельницами Свято-Троицкого монастыря: Аболмасова Ксения Павловна, Агафонова Анна Ивановна, Алтухова Надежда Петровна, Кретова Мария Ивановна, Фокина Клавдия Николаевна. Агафонова Анна Ивановна получила 8 лет исправительнотрудовых работ в Карлаге (Карагандинский лагерь) Карагандинской области [23; 24]. Приговор остальных нам неизвестен. Аболмасова Ксения Павловна и Алтухова Надежда Петровна после открытия монастыря в 1942 г. стали вновь его насельницами [22, л. 42–47]. Дальнейшую судьбу остальных предстоит установить.

Помимо этого, нами выявлены имена и факты биографий еще трех насельниц обители, репрессированных по ряду других дел ОГПУ 1927—1938 гг. по Курской области. Константинова Акулина Семеновна арестовывалась четыре раза (1927 г., 1931 г., 1932 г., 1938 г.). Известны два приговора: к 3 годам концлагерей условно в 1932 г. и к высылке на 3 года в один из районов Казахстана в 1939 г. Евштокина Евфросиния Даниловна в 1937 г. осуждена на 8 лет. Кондаурова Мелания Севастыновна в 1937 г. приговорена к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, вернулась и была насельницей монастыря после 1942 г. [19–21; 22, л. 110]. Сведений о пребывании в ссылке и о дальнейшей судьбе остальных монахинь нет.

Мы установили биографические данные двадцати насельниц монастыря. Все они были уроженками Курской губернии, происходили в из крестьян. По уровню образования были малограмотными, либо окончили церковно-приходскую школу. После закрытия монастыря в 1923 г. часть сестер уехала в деревню к родственникам, часть расселилась по городу вблизи монастыря. Монахини жили по 2–3 человека на своих, либо на съемных квартирах. Часть из них поселилась в помещениях на

территории монастыря, имущество которого было передано жилфонду (адреса установлены). На жизнь матушки зарабатывали, как могли. Кто-то числился на иждивении или попечении родственников, кто-то получал доход от дома, сдавая комнату в наём или от земельного надела. Работали так же портнихой, кухаркой, чернорабочей, домработницей, дворником, некоторые жили милостыней и подаянием [22; 9–16].

В ходе исследования было установлено, какие храмы посещали сестры после закрытия монастыря, а также имена священников, у которых они окормлялись (о. Павел (Говоров), о. Петр (Григорьев), о. Димитрий (Шкарупов), о. Агапий (Покровский), о. Алексей (Булгаков) [17–21]. О. Павла (Говорова), о. Агапия (Покровского), о. Петра (Григорьева) тоже репрессировали.

Впервые в научный оборот введены данные, о том, с какого возраста насельницы проживали в монастыре (многие с детства), имена в постриге, состояние здоровья на момент вынесения приговора, например, «преждевременная старость, истощение, слабосилие, малокровие» [18]. Многие из-за этого были пригодны только к легкому физическому труду.

После открытия монастыря 21 марта 1942 г. из двадцати репрессированных сестер, тринадцать вновь стали его насельницами. Они расселились вокруг обители и вблизи нее, снимая там жилье. Три матушки (А. И. Сопова, Е. И. Сопова, О. С. Кретова) жили в подвальном помещении под храмом. Нам удалось восстановить их судьбы в лагере и после возвращения [22]. Также выявлены даты смерти и места захоронений у нескольких сестер [22]. Их могилы на Никитском кладбище г. Курска облагорожены силами Курского Свято-Троицкого женского монастыря и за ними сейчас ухаживают монахини обители.

Результаты нашего исследования опубликованы в материалах Всероссийской (национальной) научно-практической конференции «Семнадцатые Дамиановские чтения: Русская православная церковь и общество в истории России и Курского края», проводимой в рамках XVI Международных научно-образовательных Знаменских чтений «Наследие Великой Победы: истоки и будущее» 18 марта 2020 г. В городе Курске [1, с. 53–64].

В настоящее время ведется работа по установлению сведений после ареста еще шести насельниц, а также даты и места пострига всех монахинь. Источниковая база исследования расширяется за счет увеличения объема воспоминаний и сведений архивов. Мы планируем пополнить помянник об упокоении репрессированных за веру в Курской епархии в XX веке (издание Курской епархии), и передать выявленные новые факты биографий на сайты «Открытый список» и «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.».

Источники и литература

- 1. Емельянова Е.И. Судьбы монахинь Курского Свято-Троицкого женского монастыря накануне Великой Отечественной войны // XVII-е Дамиановские чтения: Русская православная церковь и общество в истории России и Курского края. Курск, 2020.
- 2. Беспарточный Б.Д., Ильина З.Д., Карнасевич В.Г. Культура и власть: из рассекреченных архивов ВЧК ОГПУ НКВД. / под общ. ред. Б. Д. Беспарточного. Курск, 1999.
- 3. Бунин А.Ю. Уголовное дело «Ревнители церкви» 1932 года: курские монахини. // XVI-е Дамиановские чтения: Русская православная церковь и общество в истории России и Курского края. Курск, 2019.
- 4. Ильина З.Д. Церковь и власть: Судьбы православных курян (1920–30-е годы) // Из истории монастырей и храмов Курского края. Курск, 1998.
- 5. Ильина З.Д. Женщины из группы «Освобождение церкви»: 1933–1941 гг. // IV-е Дамиановские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2007.
- 6. Ильина З.Д., Бунин А.Ю., Еськова Т.Н. К вопросу об изучении судеб курских верующих, священно- и церковнослужителей жертв необоснованных политических репрессий. // Молодежь. Общество. Религия: современная модель взаимодействия. Курск, 2010.
- 7. Ильина 3.Д., Карнасевич В.Г. Религия и власть: из рассеченных архивов курского ОГПУ // КЛИО. 2000. № 2.
- 8. Карнасевич В.Г., Реутов В.В. Новомученики и исповедники земли Курской. Курск, 2006.
- 9. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 20. Оп. 3. Д. 187.
- 10. ГАКО. Ф. Р-2868. Оп. 1. Д. 67.
- 11. ГАКО. Ф. Р-2868. Оп. 1. Д. 70.
- 12. ГАКО. Ф. Р-2868. Оп. 1. Д. 74.
- 13. ГАКО. Ф. Р-2868. Оп. 1. Д. 76.
- 14. ГАКО. Ф. Р-2868. Оп. 1. Д. 77.
- 15. ГАКО. Ф. Р-2868. Оп. 1. Д. 78.
- 16. ГАКО. Ф. Р-602. Оп 2. Д. 76.
- 17. Архив Управления ФСБ РФ по Курской области (далее АУФСБ КО). АУД № П-11015. Т. 1.
- 18. АУФСБ КО. АУД № П-11015. Т. 2.
- 19. АУФСБ КО. АУД № П-4599.
- 20. АУФСБ КО. АУД № П-11122.
- 21. АУФСБ КО. АУД № П-11751.
- 22. Архив Курского Свято-Троицкого женского монастыря. Дело «Документы по истории монастыря 1923-1950 гг.».
- 23. Открытый список [Электронный ресурс] // URL: https://ru.openlist.wiki (дата обращения: $20.01.2020 \, \Gamma$.).
- 24. Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс] // URL: http://martyrs.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans (дата обращения: $12.01.2020 \, \Gamma$.).

О. А. Черников

кандидат исторических наук Государственный архив Курской области

КУРСКИЙ ШЕЛК: ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНОГО ФОНДА Р-3170 «КУРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ШЕЛКОВОДСТВА» ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье на основе документов Государственного архива Курской области освещено развитие тутоводства и шелководства на территории Курской области в период с 1930-х по 1950-е гг. Сделан вывод о искусственном насаждении данных отраслей сельского хозяйства.

Ключевые слова: шелководство; тутоводство; тутовый шелкопряд; дубовый шелкопряд; шелковица; грена; кокон; червоводня.

Сегодня для многих является открытием, что в свое время Курская область являлась одним из шелководческих регионов Советского Союза.

Фактически она была самым северным регионом страны, где осуществлялась плановая деятельность по шелководству. В тот период (начиная с 1930-х гг.) считалось, что северная линия распространения культуры шелковицы проходила через Воронеж и Курск [5, л. 45 об.].

Исходя из данной точки зрения внедрение шелководства и тутоводства происходило в южных районах области.

Непосредственно всеми мероприятиями по шелководству в нашем регионе первоначально руководила Воронежская межобластная контора Главного управления шелководства (Главшелк) Наркомата земледелия СССР.

Позднее Приказом по Народному комиссариату земледелия СССР от 23 января 1937 г. с 1 января 1937 г. была организована Курская контора Главшелка [2, л. 12].

Начало планового внедрения шелководства и тутоводства в Курской области можно связать с 1931 г., когда согласно выявленных документов Воронежской межобластной конторой Главшелка на территории районов, позднее вошедших в состав Курской области, был заготовлен 331,4 кг коконов тутового шелкопряда (при плане 863 кг) [1, л. 84].

При этом следует указать, что в годы первых двух пятилеток как таковые планы по развитию шелководства не устанавливались. В докладе на совещании районных шелководов от 7 марта 1939 г., сохранившемся в документах фонда Р-3170 «Курское областное управление шелководства» Государственного архива Курской области, отмечалось, что «в новых условиях внедрение проводилось как опыт в успешность которого люди непонимающие не верили, а враги народа этим воспользовались и вредили, вредили в основном в создании кормового фонда» [4, л. 2].

Основными районами тутоводства (разведения шелковицы для корма гусеницы тутового шелкопряда) и шелководства (разведения шелковичных червей для получения шелковичных коконов) в предвоенный период являлись Беловский, Белгородский, Больше-Троицкий, Валуйский, Волоконовский, Грайворонский, Суджанский, Сажновский, Стрелецкий, Уразовский.

Деятельность началась с подготовки кормовой базы. До этого на территории области посадка шелковицы осуществлялась только садоводами любителями и по всей области насчитывалось около 3 000 деревьев. За первые 5 лет (1932–1936 гг.) было посажено 570 га шелковицы [5, л. 45]. Семена шелковицы завозились из южных регионов страны, а посадочный материал выращивался в местных питомниках.

Следует указать, что процесс выращивания посадочного материала занимал не менее 2-х лет и был достаточно сложен из-за местных климатических условий. Так, в 1939 г. из посеянных 45 га сохранилось только 31,6 га [3, л. 23]. И это был очень неплохой результат. В предыдущие годы ситуация была еще хуже. Погибало более 75 % саженцев [3, л. 8].

При подготовке планов на 3-ю пятилетку (1938–1942 гг.) к вновь осваиваемым районам были отнесены Боброво-Дворский, Велико-Михайловский, Корочанский, Мантуровский, Ново-Оскольский, Скороднянский, Старо-Оскольский, Тимский, Чернянский, Ястребовский. Планировалось, что к концу пятилетки плантации кустовой шелковицы в этих районах должны были составлять 3 700 га. С учетом же основных районов – 5 862 га [5, л. 47].

Что же касается заготовки коконов, то на начало третьей пятилетки годовой план составлял около $10~000~\rm kr$, а на конец — более $93~000~\rm kr$ [5, л. 46].

Как свидетельствуют документы, планы остались только «на бумаге».

На начало 1941 г. тутовый кормовой фонд находился в плачевном состоянии. Старые посадки в количестве 610 га кустиковых плантаций, 25 га высокоштамбовых и 9 га школок (то есть питомников по выращиванию саженцев шелковицы) фактически были безнадзорны. Густота насаждений была ниже нормы. Почти у 80 % насаждений не проводилась формовка кроны, что приводило к уменьшению количества листа. Как отмечалось в документах «...на некоторых плантациях сорняки растут выше шелковицы» [7, л. 7].

План посадок кустовых плантаций весной 1940 г. был выполнен только на 58 %, при приживаемости в 71 %, а план посадки высокоштамповых плантаций на 37,5 га при приживаемости 84 %. И это притом, что метеорологические условия для посадок были благоприятны, почва в 1939 г. подготовлена, имелся и необходимый посадочный

материал. Так же был не выполнен план по уходу за посевами, подготовке почвы к посадке и т. д. [7, л. 45].

Главная причина была только в одном — отсутствие заинтересованности у ответственных лиц и необходимого контроля. Плюс сказывалась достаточно запутанная система управления.

Так с 1940 г. шелководство было передано в ведение Наркомтекстиля, а тутоводство оставалось в Наркомземе, который не уделял данному вопросу должного внимания.

О ситуации же на местах говорит следующий пример. В начале 1941 г. на запрос Курской областной конторы шелководства о состоянии тутоводства в Волоконовском районе в одном конверте от одного числа были получены два ответа за подписью заведующего районным земельным отделом, подготовленные местными шелководом и тутоводом. При этом каждый ответ содержал разные данные: в первом сообщалось о 49 га вспаханных междурядий, а во втором о 75 га [7, л. 8].

Не на много лучше была ситуация и с заготовкой коконов.

Например, в 1938 г. урожайность с 1 коробки грены в весеннюю выкормку составляла по Курской области 45 кг, в повторную -26,5 кг. В 1939 г. в весеннюю -51,1 кг, в повторную -38 кг. В 1940 г. урожайность с одной коробки в весеннюю выкормку снизилась до 47,2 кг. Плюс упало качество продукции [7, л. 1].

Одной из причин данного, постоянно озвучиваемой в документах, являлась суровая зима, приведшая к вымерзанию шелковицы и вследствие этого к недостатку корма для гусениц. Основными же причинами были низкий уровень агротехники, слабая организация труда. Сказывалось и неудовлетворительное состояние выкормочных помещений. В области не было специальных червоводен. Под выкормку приспосабливались самые различные помещение вплоть до конюшен. В отдельных случаях выращивание происходило даже на дому.

Сказывался и человеческий фактор. Это подтверждается тем, что при равных климатических условиях колхозы одних районов снизили показали незначительно, а других полностью «провалили» план.

Так, по Валуйскому району в 1940 г. весной с коробки взяли 61,2 кг, повторно -53,6 кг, а по Грайворонскому 53,6 кг и 53,2 кг соответственно. В тоже время Беловский и Суджанский районы дали урожайность в весеннюю 32,2 кг и 34,5 кг с одной коробки и в повторную 22,2 кг и 16,5 кг [7, л. 2–3].

В целом же по области в 1940 г. в весеннюю выкормку было получено 8 887,1 кг коконов тутового шелкопряда. В работах участвовало 368 человек в 69 колхозах 11 районов. В летнюю выкормку было получено 3 238 кг коконов. К работам привлекалось 194 человека [7, л. 42]. Общий план заготовки коконов на 1940 г. составлял 29 870 кг [5, л. 46]. Таким образом, он был выполнен лишь на 40,5 %.

С 1939 г. в Курской области началась работа по освоению китайского дубового шелкопряда. В предвоенные годы этот опыт оказался достаточно успешным, тем более что кормовая база складывалась естественным путем. В 1938—1939 гг. 47 колхозам было выделено 1 150 га дубовых насаждений [7, л. 6].

В 1940 г. решением исполкома Курского областного Совета депутатов трудящихся Облсовета было выделено еще дополнительно 1 000 га, в том числе: из лесов Солнцевского лесхоза 600 га колхозам Солнцевского района; из лесов Обоянского лесхоза 340 га 5 колхозам Обоянского и 10 колхозам Ивнянского районов; из лесов Курского лесхоза – 60 га одному колхозу Медвенского и одному колхозу Стрелецкого районов [6, л. 8].

Значительное выделение дубовых насаждений в Солнцевском районе было связано с тем, что район должен был начать выкормку впервые в 1941 г. [7, л. 6].

В 1939 г. план по заготовке коконов дубового шелкопряда в Курской области был выполнен на 170,3 %, а в 1940 г. на 136,3 %. Урожайность коконов в 1939 г. весной составила 228,1 кг, в повторную выкормку — 110,6 кг с одного килограмма грены. В 1940 г. в весеннюю выкормку было получено 218 кг, в повторную — 217 кг [7, л. 4—5].

В 1939 г. наивысший урожай с одного килограмма грены получили в колхозе им. Молотова Обоянского района: 305 кг в весеннюю и 270 кг в повторную выкормки, то есть в среднем за год 286 кг. В 1940 г. в лидерах были три колхоза: колхоз им. Чкалова Ивнянского района — 367 кг в среднем за год, колхоз «2-й Областной Съезд Советов» Ивнянского района — 352 кг, колхоз «12-й Октябрь» Обоянского района — 318 кг [7, л. 5].

В целом в 1940 г. выкормкой дубового шелкопряда занималось 43 колхоза в 5 районах. За год было сдано 13 633,7 кг коконов. Годовой план был выполнен на 128 % [7, л. 43].

За всеми приведенными цифрами скрывалась главная проблема — низкая доходность от шелководства при большой затратности трудодней. В связи с этим и имело место нежелание колхозов области активно заниматься вопросами шелководства [7, л. 5–6].

Многие колхозы осуществляли данную деятельность только для «галочки». Данное подтверждается тем, что реальная нагрузка на колхозы, занимающиеся выкормками в предвоенные годы, была очень небольшой. Из 69 колхозов, выкармливавших тутового шелкопряда в 1940 г., по одной коробке грены было в 22, по две — в 18. Наибольшее количество грены было выкормлено в следующих колхозах: колхоз имени Стаханова Беловского района — 7 коробок, колхоз «Новая деревня» Валуйского района — 8 коробок, колхоз имени Сталина Больше-Троицкого района — 9 коробок [7, л. 42].

Тем не менее, несмотря на все проблемы, весной 1941 г. к плановой работе по тутовому шелкопряду приступили в 90 колхозах области, а по

дубовому в 65 [7, л. 10]. Но поставленным планам не суждено было быть выполненными.

После освобождения Курской области работа в сфере шелководства возобновилась. Так известен факт, что уже в 1943 г. колхозники Алексеевского района сдавали свою продукцию в Воронежскую межобластную контору шелководства Наркомата текстильной промышленности СССР [17].

Именно данная контора до 1947 г. руководила шелководством Курской области [13, л. 143]. Затем в целях приблизить административное руководство шелководческими колхозами, на основании распоряжения Совета министров РСФСР №13/3 р от 19 августа 1947 г. была организована Курская областная контора шелководства [9, л. 1].

Согласно уставу: «Курская контора шелководства имеет своей задачей всемерное развитие на территории Курской области шелководства и тутоводства в колхозах, совхозах, у колхозников, рабочих и служащих» Она должна была обслуживать 16 шелководческих районов, из них 13 районов тутового и 3 дубового шелкопряда [9, л. 29–30].

Первоначально контора располагалась в г. Валуйки, но уже осенью 1947 г. было принято решение о ее переводе в г. Курск [8, л. 153].

В 1954 г. после создания Белгородской области контора была реорганизована в Курское управление шелководства Курского областного управления сельского хозяйства.

Практическая деятельность в сфере шелководства в послевоенный период во многом напоминала довоенную ситуацию.

Так и семена шелковицы, и грена шелкопряда по-прежнему, в основном, поставлялись из южных регионов страны.

Например, в 1948 г. Курская контора должна была получить 60 кг семян от Узбекшелка. Кроме того планировалась поставка 1 500 черенков сортовой шелковицы от Пятигорской шелкстанции [10, л. 7–7 об.].

Грена тутового шелкопряда для весенней выкормки была предоставлена с Бакинского холодильника, а для повторной выкормки с Астраханского грензавода [11, л. 3].

Исключение составляла грена дубового шелкопряда. Она приготавливалась на Обоянском гренпункте [11, л. 7 об.].

В 1948 г. согласно приказу № 202 по Курскому областному управлению сельского хозяйства к данным работам привлекались Белгородский, Беловский, Больше-Троицкий, следующие районы: Борисовский, Валуйский, Волоконовский, Верхне-Михайловский, Грайворонский, Корочанский, Ново-Оскольский, Ракитянский, Суджанский, Сажновский, Томаровский, Уразовский, Чернянский [10, л. 14].

Документы свидетельствуют, что как и ранее происходило фактическое навязывание (в приказном порядке) работ по тутоводству и шелководств через включение в планы колхозов. На местные МТС

возлагалась обязанность по обработке насаждений шелковицы и подготовку земель под посев и новые посадки.

На 1948 г. работы велись в 180 колхоза (по тутовому - 150, по дубовому - 30) [11, л. 3 об.].

Планировалось провести посадку кустов шелковицы на 50 га, обработать 1 180 га междурядий кустплантаций, осуществить формовку на 200 га и т. д. [11, л. 3].

В целом же, в 1948 г. планировалось осуществить уход за тутовыми насаждениями на 1 230 га. План по заготовке коконов составлял 201 ц (тутового шелкопряда – 126 ц, дубового шелкопряда – 75 ц [10, л. 103].

Кроме того, согласно распоряжения Совета министров РСФСР № 187-Р от 16 февраля 1948 г. постоянные питомники шелковицы должны были быть организованы в колхозах: «Зеленый гай» Корочанского района, «Путь Октября» Грайворонского района, «Красный боец» Волоконовского района, «Ответ интервентам» Белгородского района. В каждом колхозе к 15 мая 1948 г. должно было быть заложены питомники площадью по 12 га [10, л. 28].

В итоге же большинство запланированного так и не было выполнено.

Так, в сфере тутоводства план посадки плантаций был выполнен на 84 %, обработки плантаций на 70 %, ремонта плантаций на 30 %, формовки кустплантаций лишь на 21 %. Главной причиной этого, согласно агротехническому отчету управления шелководства за 1948 г., являлась «недооценка шелководства со стороны местных руководителей, МТС и колхозов. Несмотря на то, что все мероприятия по обработке междурядий и подготовке под новые посевы и посадку шелковицы были включены в план МТС и договоры с колхозами, однако, машинотракторные станции, обслуживающие шелководческие колхозы, не принимают участие в обработке кустовых плантаций. ... Колхозы, имея ограниченное тягло, не в состоянии справиться своими силами с этими заданиями» [11, л. 1 об. – 2].

Сложной была ситуация и с шелководством. Грена тутового шелкопряда для весенней выкормки была завезена достаточно поздно, а для повторной оказалась низкого качества. В итоге, объем реализации грены был выполнен на 94 %. Общий план заготовки коконов тутового шелкопряда был осуществлен лишь на 38 %. При этом 25 % коконов от этой цифры были признаны браком. Урожайность с одной коробки грены составила 40,7 % [11, л. 3об.].

Показатели по дубовому шелкопряду были немного лучше. Реализация грены была выполнена на 122,8 %, а план заготовки коконов — на 68 %. Урожайность с одного килограммы грены составила 54 % [11, л. 6].

Официальные причины невыполнения плана: плохие метеоусловия, болезни гусениц, низкое качество грены. Но через документы все так же прослеживается человеческий фактор.

Тем не менее, несмотря на значительное количество негатива, развитие местного шелководства продолжалось. Так, в 1952 г. им занималось уже 17 основных районов (14 — тутовое, 3 — дубовое). Общее количество колхозов, занимавшихся шелководством составляло 107. Кроме того имелось 13 вновь осваиваемых районов, включенных в 10-летний план развития данной отрасли (1950–1960 гг.) [12, л. 17].

Общая площадь кустовых плантаций шелковицы в 14 основных районах области составляла 1 658 га, из них годных к эксплуатации 635 га. План закладки новых плантаций был выполнен на 82,8 %, обработки междурядий — 52,4 %, ремонта плантаций — 80 %, формовки — 84 % [12, л. 17, 22].

Официальные причины невыполнения озвучивались в отчетах Управления все те же: дождливая погода, ранние морозы и т. д. Но присутствовало и другое. Так, из посеянных 29 га шелковицы погибло 5,45 га вследствие «отсутствия полного полива и неудовлетворительного ухода» [12, л. 22].

Стоит отметить, что выполнение многих показателей происходило за счет отдельных успешных колхозов. Так, план выращивания сеянцев шелковицы был выполнен по области на 83,3 %. И это при том, что, например, колхоз «Путь Октября» Грайворонского района выполнил задание на 478 %. Выходит дело было не только в погоде [12, л. 21–22].

Плановое задание по заготовке коконов тутового шелкопряда для области составляло $15\,000$ кг. Средний объем выкормок на колхоз 6,5 коробок грены. В итоге выполнение плана составило лишь $52,7\,\%$, при урожайности $-47,1\,\%$. Брак $-30,5\,\%$ [12, л. 17].

Выкормка дубового шелкопряда проводилась в колхозах Обоянского, Медвенского, Ивнянского районов. Для обеспечения кормовой базы им было выделено 500 га из лесного фонда. Средний объем выкормок на колхоз составлял 4,4 кг грены. В результате при плане 700 кг было заготовлен лишь 588 кг коконов. Урожайность 82,4 %. Заготовительный брак — 12,9 % [12, л. 17, 20].

При этом ряд районов перевыполнили план: Больше-Троицкий по тутовому шелкопряду на 104 %, а Обоянский и Медвенский по дубовому шелкопрряду на 137 % и 186 % соответственно [12, л. 21]. Эти примеры вновь подтверждает вывод, что дело было не только в плохих погодных условиях.

Многое объясняет следующий факт, содержащийся объяснительной записке к годовому отчету Курской областной конторы за перевыполнившие план 1952 г.: «Отдельные передовые колхозы, заготовок, проводили выкормки тутового шелкопряда в оборудованных помещениях, школах, колхозных клубах и в помещениях правлений колхозов, а в тех колхозах, где не представлялась возможность помещения выкормки использовать такие И размещались неприспособленных для этой цели помещениях. Гусеницы подвергались различным заболеваниям и массовой гибели. Строительство выкормочных помещений (червоводен) в колхозах из года в год не выполняется из-за отсутствия лесоматериалов и денежных средств» [12, л. 21].

В целом же по итогам 1952 г. Курская область показала самые низкие результаты по шелководству по РСФСР [12, л. 27]. Хозяйственный год контора закончила с убытком в сумме 151 384 руб. 31 коп при выполнении плана коконозаготовок (тутового и дубового шелкопрядов) всего на 76,2 % [12, л. 24].

Ситуация с развитием тутоводства и шелководства еще больше усложнилась после раздела Курской области, когда наиболее успешные районы в сфере развитии тутового шелкопряда, имевшие хорошие плантации и сдававшие основную массу коконов, отошли к Белгородской области.

В Курской области осталось только пять районов, ранее занимавшихся данным видом деятельности: Беловский, Медвенский, Обоянский, Стрелецкий, Суджанский.

К середине 1957 г. тутоводством занималось 56 местных колхозов: Обоянский — 19, Суджанский район — 16, Беловский — 15, Стрелецкий — 5, Медвенский — 1 [15, л. 97].

Всего имелось 721 га плантаций кустовой шелковицы, в том числе в Обоянском районе -245 га, Суджанском -148 га, Беловском -139 га, Стрелецком -157 га, Медвенском -32 га $[15, \pi. 97]$.

Развитие плантаций шло медленно. План посадок не выполнялся. Так, в 1956 г. он был выполнен только на 83 %, а план ремонта плантаций на 32,5% [14, л. 21].

Имеющиеся же плантации зачастую просто уничтожались. В агротехническом отчете за 1956 г. отмечается: «Есть и такие руководители колхозов, которые пользуясь правом личного планирования не хотят категорически заниматься тутоводством и под всякими предлогами стараются всячески уничтожить плантации. К таким руководителям относятся председатель колхоза им. Сталина Обоянского района тов. Б., имеющий плантацию 21 га, посадки 1952–1955 гг., он хочет их уничтожить, не обрабатывает, забивает скотом. Председатель колхоза «ХХ съезд КПСС» Суджанского района тов. С. – 10 гектаров плантации уже уничтожила в 1956 г., а оставшиеся еще 9 га посадок 1950–1952 гг. она официально заявила, что и ее уничтожит. Председатель колхоза «Завет Ильича» Суджанского района тов. К. уничтожил молодую плантацию на площади 10 га. Аналогичные случаи имели место и по ряду других колхозов» [14, л. 2].

Непосредственно же шелководством занималось 23 колхоза. Из них разведением тутового шелкопряда -16 колхозов (Суджанский район -6, Беловский -6, Обоянский -3, Стрелецкий -1), дубового шелкопряда -7 (Обоянский район -6, Медвенский -1) [14, л. 29].

Объемы выкормок были незначительны. Например, в 1956 г. на все колхозы области приходилось 48 коробок грены тутового шелкопряда, из них 20 — на два колхоза. Средний объем выкормок на колхоз составил 3,7 кг [14, л. 1–2].

В докладе о состоянии и перспективах развития шелководства по итогам 1956 г. отмечалось: «Курским шелководам особо хвалиться нечем, за исключением выполнения плана заготовки коконов дубового шелкопряда на 135 % и снижения себестоимости затрат на один центнер коконов против плана на 112 руб.». Фактические убытки по итогам 1956 г. составили 26 000 руб. План по закупке коконов тутового шелкопряда был выполнен только на 34,6 % [15, л. 3–4].

В чем причины происходившего? Они четко названы в указанном выше докладе:

«1. Отрасль шелководства и тутоводства в преобладающем большинстве колхозов является новой отраслью с небольшим объемом работ и не дает особой экономической заинтересованности колхозов в настоящее время по сравнению с сахарной свеклой, коноплей, овощеводством и другими высокооплачиваемыми культурами от которых колхозы ежегодно получают миллионные доходы, а колхозники за свою работу получают помимо трудодней — сахар, жом и другие корма.

Если раньше шелководство отоваривалось за сданные коконы шелковыми материалами и пшеницей по льготным ценам, то в настоящее время этого нет, даже не дают тех материалов в которых колхозники имеют повышенный спрос: платки женские теплые и летние, одеяла пикейные, тюль оконная, шерстяные изделия и т.д.

2. Отсутствие специальных червоводен. В случайно приспособленных животноводческих помещениях не получается надлежащего эффекта, так как не везде можно приспособить отопление помещений, помещения в большинстве случаев саманные и сырые, колхозники не охотно сдают свои хаты под выкормки, а под большим нажимом правления колхозов, несмотря на высокую оплату» [15, л. 5–6].

По-прежнему сказывались и метеоусловия. «Необходимо также отметить, что Курская область является в развитии шелководства самой северной областью в республике. Метеорологические условия не всегда благоприятствуют. Так, например, зима в прошлом году была очень холодной, с большими морозами, а весна была поздней с заморозками и резким переходом к высоким температурам, с юго-восточными ветрами. Лето было дождливым и холодным. Осень ранняя. Сырая и холодная, с наличием заморозков. Снег в конце октября и зима началась на раньше н целый месяц» [15, л. 6].

В докладе приводятся и факты, подтверждающие нежелание колхозов заниматься шелководством.

Например, председатель колхоза «Луч» Суджанского района просто выбросила на улицу привезенных гусениц, а их стоимость оплатила средствами колхоза [15, л. 6].

Колхоз им. Шверника Обоянкого района в 1956 г. должен был производить выкормку шелкопряда (был подписал соответствующий договор). Когда же агрономы конторы привезли гусениц председатель колхоза «обругал их нецензурными словами и выгнал из правления, отказался от выкормок» [15, л. 6].

Не лучше была ситуация и с руководителями МТС. «Со стороны некоторых руководителей МТС также совсем мало уделяется внимания шелководству, они больше заняты теми сельхозкультурами за которые с них спрашивают и наказывают — это кукуруза, свекла, конопля и др. Работы по шелководству и тутоводству они относят на последнюю очередь» [15, л. 7].

Дело дошло до обращений в органы прокуратуры.

В июне 1957 г. областное управление сельского хозяйства даже пыталось передать материалы в прокуратуру о возбуждении уголовного дела на руководителей колхоза им. Булганина Стрелецкого района за срыв плана заготовок коконов (вследствие гибели гусениц) и самовольное уничтожение плантации шелковицы на площади 45 га [15, л. 74].

Так же в июне того же года подобная попытка была предпринята в отношении бригадира шелководческого звена колхоза им. Ленина Мокрушанского сельского Совета Беловского района в связи с систематическим невыполнением плана сдачи коконов тутового шелкопряда (в 1957 г. план был выполнен на 13 %) вследствие умышленного уничтожения гусениц [15, л. 157].

Как свидетельствуют документы, прокуратура не усмотрела в этих действиях состава преступления [15, л. 155–155 об.].

На практике же с данного времени начался постепенный процесс свертывания местного шелководства. Колхозы стали окончательно отказываться от него в пользу более рентабельных культур

К этому подталкивали и решения вышестоящих органов, которые не редко противоречили даже плановым заданиям.

Так, на 1957 г. план заготовки коконов составлял по тутовому шелкопряду — 2 000 кг, по дубовому — 4 000 кг [15, л. 97]. Но, в итоге, Курскому управлению было выделено всего 2,3 кг грены тутового шелкопряда. В выделении грены дубового шелкопряда вообще было отказано [16, л. 13]. В результате было заготовлено всего лишь 1 175 кг коконов тутового шелкопряда [16, л. 16, 22].

Одновременно происходило фактическое свертывание управленческих структур в сфере шелководства на различном уровне.

В июле 1957 г. в связи с реорганизацией Министерства сельского хозяйства РСФСР было создано Главное управление садоводства,

питомнических хозяйств, шелководства и пчеловодства в составе которого должен был функционировать отдел шелководства [15, л. 127].

В соответствии с решением исполкома Курского областного Совета депутатов трудящихся от 25 июля 1957 г. № 350 было создано Курское управлении садоводства, пчеловодства и питомнических хозяйств [15, л. 129]. В августе того же года в его структуре был организован отдел шелководства [15, л. 132].

В итоге, в марте 1958 г. произошла ликвидация Курского управления шелководства.

И хотя на последующие годы по-прежнему строились различные планы, о реальной ситуации говорит то, что в июле 1957 г. помещения единственного в области Обоянского гренажного пункта были переданы Обоянскому межрайонному Сельхозснабу [15, л. 163].

Итак, процесс планового внедрения шелководства и тутоводства в сельское хозяйство Курской области, несмотря на серьезную их зависимость от климатических условий, происходил в течении более чем трех десятилетий, начиная с 1930-х гг. При этом имело место применение, в первую очередь, командно-административных методов управления.

Как свидетельствуют архивные документы, значительное количество колхозов как в довоенное время, так и в послевоенный период «формально» относились к данному виду деятельности. В итоге на рассмотренного периода протяжении всего плановые выполнялись. Отсутствовало реальное стимулирование позволяющее увеличить заинтересованность колхозников. Очень низкой была рентабельность производства, носившего, как правило, экстенсивный Имевшиеся успехи ПО отдельным колхозам строились исключительно на энтузиазме людей.

Источники и литература

- 1. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. Р-3170. Оп. 1. Д. 1.
- 2. ГАКО. Ф. Р-3170. Оп. 1. Д. 2.
- 3. ГАКО. Ф. Р-3170. Оп. 1. Д. 5.
- 4. ГАКО. Ф. Р-3170. Оп. 1. Д. 22.
- 5. ГАКО. Ф. Р-3170. Оп. 1. Д. 23.
- 6. ГАКО. Ф. Р-3170. Оп. 1. Д. 49.
- 7. ГАКО. Ф. Р-3170. Оп. 1. Д. 69.
- 8. ГАКО. Ф. Р-3170. Оп. 3. Д. 1.
- 9. ГАКО. Ф. Р-3170. Оп. 3. Д. 6.
- 10. ГАКО. Ф. Р-3170. Оп. 1. Д. 7.
- 11. ГАКО. Ф. Р-3170. Оп. 1. Д. 10.
- 12. ГАКО. Ф. Р-3170. Оп. 1. Д. 26.
- 13. ГАКО. Ф. Р-3170. Оп. 3. Д. 28.
- 14. ГАКО. Ф. Р-3170. Оп. 1. Д. 44.
- 15. ГАКО. Ф. Р-3170. Оп. 1. Д. 46.
- 16. ГАКО. Ф. Р-3170. Оп. 3. Д. 49.

17. Цыбенко Т. Как в нашей области выращивали шелкопрядов [Электронный ресурс] // URL: https://www.belpressa.ru/ekonomics/selskoe-hozyajstvo/13424.html (дата обращения: 10.02.2022).

Е. С. Кравцова

доктор исторических наук Курский государственный медицинский университет

ПЕРВЫЕ ГОДЫ РАБОТЫ КУРСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МАТЕРИАЛОВ ГОСУДАРТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ (1935–1941 гг.)

Аннотация. Курский государственный медицинский университет является одним из успешных вузов не только Курской области, но и Российской Федерации в целом; известен не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Становление вуза происходило в середине 1930-х гг. Особенностью вуза был тот факт, что все процессы проходили параллельно: и строительство учебных корпусов и общежитий, и комплектование штата профессорско-преподавательского состава, и проведение вступительных экзаменов и др. Все эти события нашли отражение в различных архивных документах, которые хранятся в Государственном архиве Курской области.

Ключевые слова: Курск; медицинский институт; студенты; преподавательский состав; учебные корпуса; учебный процесс; архив.

История Курского государственного медицинского университета имеет долгую и славную историю. Институт был основан на основании постановления СНК (Совет народных комиссаров СССР) № 89 от 9 февраля 1935 г. и уже в начале мая того же года был определен план приема на 1935–1936 учебный год — 250 студентов на первый курс лечебного факультета. Деятельность вуза находит интерес среди исследователей [см.: 1, 2, 3, 4].

О первых годах работы университета сохранился разрозненный пласт информации: в Государственном архиве Курской области (далее – ГАКО), архиве Курского государственного медицинского университета, публикациях газет «Курская правда» и «Молодая гвардия», воспоминаниях преподавателей и студентов. Обратимся к коллекции материалов, собранных в фондах ГАКО.

Деятельности КГМУ посвящен фонд Р-4847, который включает дела, начиная с 1935 г и по настоящее время. Однако отметим, что довоенный комплекс дел довольно фрагментарен. Такая ситуация объяснима событиями Великой Отечественной воны, эвакуацией института в

Казахстан (г. Алматы). После завершения война поступления архивных дел имеет стабильный характер. Широк и спектр вопросов, отраженных в них (от приказов по министерству, до деятельности ячейки профсоюзов).

Из довоенных документов представляют интерес небольшое количество сохранившихся довоенных протоколов заседаний Ученого Совета института. Отметим, что в тот период состав Ученого Совета был малочислен (не более 20 человек). Вопросы, которые подлежали рассмотрению, были разноплановы: от анализа успеваемости до кадровых вопросов.

В довоенный период отчет об успеваемости чаще всего представлял заведующий кафедрой биохимии М. И. Равич-Щербо. Так, на заседании Совета 15 марта 1937 г. он отметил, что на первом и втором курсе успеваемость в целом удовлетворительная. Десять человек с первого курса и одиннадцать со второго являются отличниками. Поскольку институт работал только второй год, и количество студентов было небольшое, то профессорско-преподавательский состав и руководство проблемы каждого студента. В частности, в этом же докладе отмечалось, что студентам: Якубо, имеющей задолженности по химии и анатомии, дать срок сдать анатомию до 25 марта, в случае не сдачи – исключить из института; Бурцеву, имеющему задолженности по химии, биологии и физике – дать срок сдачи этих предметов до 10 апреля 1937 г. В случае не сдачи – исключить из числа студентов и т. д. [5, л. 3]. В декабре 1937 г. он же отмечал ухудшение подготовки студентов. Проведенный коллоквиум по биохимии «не дал положительных результатов. Беседа проводилась в присутствии всей группы, удовлетворительных ответов процентов 40, что объясняется близостью экзаменационной сессии» [5, л. 30]. Кроме того, М. И. Равич-Щербо вынес на обсуждение принципы проведения сессии: все студенты сдают экзамены в строго установленные сроки, расписание экзаменов имеется и разослано по кафедрам. Лица, не явившиеся в срок на экзамен или получившие неудовлетворительную отметку, имеют право пересдать только в феврале с разрешения декана. Студенты, получившие два раза неудовлетворительную отметку, сдают экзамен с разрешения ректора в июне. Без зачетных книжек экзамен не может быть принят. Зачетные книжки без отметки о переведении на следующий курс не Ha следующий действительны. день после экзамена предоставляют сведения об отметках в деканат. Рекомендуется кафедрам иметь журнал учета успеваемости и выделить ответственного ассистента по учету успеваемости. Студенты, имеющие задолженность должны погасить ее к 1-му января и не сдавшие задолженность, не будут допускаться к зачетной сессии [5, л. 30].

Важное место на заседаниях Совета занимал вопрос обсуждения учебных программ. Отметим, что этот вопрос вызывал много нареканий и требовал доработок. Целый ряд программ критиковался за чрезмерный объем. Например, при обсуждении программы по физиологии, проф.

Н. К. Верещагин отмечал, что она «чрезвычайно обширна, охватить такую программу студенту не представляется Как пособие для лектора — она пригодна. Кроме всего этого имеется много уклонений в сторону смежных дисциплин» [5, л. 22], «между тем, как исполнительная записка требует и вполне правильно, углубленных знаний» [5, л. 16]. Поэтому, если освещать все предложенные вопросы в 140 лекционных часах, получится весьма поверхностное изложение. Вторил ему и профессор Н. С. Смирнов: «Программу следует срезать. Чересчур перегружена. Программа охватывает много, но это значит не дать ничего. Программа составлена с ненужной полнотой и обширностью, затрудняющей основательное прохождение необходимых основ предмета. Таким образом, учащийся получит только поверхностное, неглубокое представление о предмете. Кроме того, охвачена и такая область относящаяся уже не к пропедевтике, а к следующему курсу по терапии» [5, л. 22]. Н. С. Смирнов делал вывод, что 100 болезненных форм плюс курс пропедевтики в 41 лекции профессионально изложить просто невозможно. При обсуждении программы по латинскому языку отмечался большой объем и сложность учебного материала предлагаемой программы, а также ограниченность времени, отведенного на изучение латинского языка, поэтому предлагалось внести ряд непринципиальных сокращений в в параграфах подключение программе: ПО разделу склонений ограничиться важнейшими подключениями; из предлогов взять только те, которые встречаются в тексте для упражнений [5, л. 16].

Другие программы подвергались пересмотру связи недостаточностью предлагаемого материала. В программе по биохимии отсутствуют принципиально важные определения ацетона, аммиака, креатинина и др., а вместе с тем приведены ряд процессов (например, гидролиз нуклеопротеинов), «которые не имеют большого практического назначения» [5, л. 16]. В программе по фармакологии в разделе «Гормонопрепараты» в препараты половых желез следует включить также препараты, выделенные ИЗ половых гормонов: «андростерон, тефостерон, также следовало внести после калликреина такпазутин» [5, л. 16]. Также для полноты изучения дисциплины «следует также упомянуть о ваготропных влияниях кофеина, морфия, а также о влиянии атропина на дыхательный аппарат» [5, л. 16].

Успешная работа вуза была напрямую связана с поступлением подготовленных абитуриентов, привлечением успешных выпускников школ к обучению в КМИ. Этот вопрос специальным блоком был выделен на заседании Ученого Совета в мае 1938 г., более того Народный комиссариат здравоохранения также был заинтересован в этой работе. О планах осуществления приемной кампании выступил профессор Н. К. Верещагин. Он сообщил, что необходимо организовать приемную комиссию, куда должны войти: директор, заведующий учебной частью, декан, 2–3 профессора и секретарь института. Следовало активизировать

работу по продвижению имиджа вуза для привлечения абитуриентов через рекламу в газетах и радио. Предлагалось внедрить систему посещений 10-леток для ознакомления школьников с вузом, а также организовать экскурсии в институт, для чего «выбрать ответственное лицо, которое и ведало бы экскурсиями», при чем, из числа тех, кто окончил 10-летку и продолжил обучение в медицинском институте. Кроме этого было решено щиты с фотографиями вуза и правилами приема и разослать в районы, выбрать ответственное лицо для охвата районных школ с целью их посещения и проведения профессионально-ориентированных бесед. Привлечь к агитационной работе врачей на местах и «организовать велопробег студенчества в районы» [5, л. 24].

Поднимались и вопросы строительства института, его приведения в надлежащий учебный вид при постоянном дефиците средств. Так, на заседании Ученого Совета в 1937 г. в качестве решений по строительно-козяйственной деятельности были приняты: «привести в порядок в кратчайший срок все уборные института. Привести столовую в санитарногигиенический вид. Организовать централизованное снабжение кафедр хозинвентарем. Выделить особое помещение с несгораемым шкафом для хранения ядовитых веществ по особому списку. Устроить затемнение в новой аудитории. Вентиляция в читальном зале! Витрины для кафедр анатомии. Организовать вечерний надзор за студентами в стенах института, обязав коридорных следить, чтобы студенты не разносили мебель из комнат и не закрывались парочками в комнатах. Обязать швейцара проверять и давать пропуска» [5, л. 24].

К сожалению, до наших дней дошел небольшой пласт архивных материалов об истории Курского медицинского института в начале его становления. Сохранились и другие интересные данные: о государственном распределении выпускников после пятилетнего срока обучения в 1940 [6] и 1941 гг. [7]; о проведении государственных выпускных экзаменов [8], об участии сотрудников вуза на различных всесоюзных совещаниях [9], что дает широкие перспективы для проведения разноплановых исследований.

Источники и литература

- 1. Губарев В.М., Кравцова Е.С., Степашов Н.С., Шульгина Т.А. Отражение студенческого стройотрядовского движения в коллекции и материалах фонда музея истории Курского медуниверситета // Материалы I Всероссийского молодежного Форума студенческих отрядов медицинских и фармацевтических вузов России. Курск, 2016.
- 2. Кравцова Е.С. Участие студентов и сотрудников Курского медицинского института в Великой отечественной войне // Проблемы изучения военной истории: сб. ст. Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. уч. Самара, 2015.
- 3. Михайлова Е.Д., Солодухина Д.П. Об изучении истории медицины Курска // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 3 (55).

- 4. Сечная Е.В. Деятельность медицинских работников в годы Великой Отечественной войны (на примере выпускников Курского медицинского института) // Журнал исторических исследований. 2021. Т. 6. № 2.
- 5. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. Р-4847. Оп. 1. Д. 1.
- 6. ГАКО. Ф. Р-4847. Оп. 1. Д. 2.
- 7. ГАКО. Ф. Р-4847. Оп. 1. Д. 4.
- 8. ГАКО. Ф. Р-4847. Оп. 1. Д. 5.
- 9. ГАКО. Ф. Р-4847. Оп. 1. Д. 3.

А. А. Пчелинов-Образумов

кандидат исторических наук Государственный архив Белгородской области

Т. В. Крылова

Государственный архив Белгородской области

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ПЕРВОГО ГОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИЮНЬ 1941 – ИЮНЬ 1942 гг.) В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В статье представлен обзор имеющихся на хранении в ОГКУ «ГАБО» документов за первый год Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – июнь 1942 г.) – с момента ее начала до полной оккупации территории современной Белгородской области войсками гитлеровской Германии и ее союзников. Рассматриваются различные виды письменных источников, дается их источниковедческий анализ относительно содержащейся в них информации о начальном этапе Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг.; Белгородская область; гитлеровская оккупация; архивные документы; ОГКУ «ГАБО».

Как известно, 22 июня 1941 года ознаменовало начало нового этапа крупнейшего в истории человечества вооруженного конфликта — Второй мировой войны: нацистская Германия и ее союзники напали на СССР. Для народов нашей страны началась Великая Отечественная война, прямо или косвенно затронувшая все уголки огромного Советского Союза. Не стала исключением и территория Белгородчины. События того трагического, но вместе с тем и героического, времени нашли свое отражение в документах. Особый интерес представляют источники по истории первого года военного конфликта — наиболее тяжелого периода Великой Отечественной войны. Актуальным представляется рассмотрение хранящихся в областном

государственном казенном учреждении «Государственный архив Белгородской области» (далее – ОГКУ «ГАБО») документальных материалов за период с июня 1941 по июнь 1942 г.

В период Великой Отечественной войны Белгородской области не существовало (она была образована в 1954 г.). Ее современная территория входила в состав двух областей: 23 района в Курскую (Белгородский, Беленихинский. Боброводворский, Большетроицкий, Борисовский, Валуйский, Великомихайловский, Волоконовский, Грайворонский, Ивнянский. Микояновский, Корочанский, Краснояружский, Новооскольский, Прохоровский, Ракитянский, Саженский, Скороднянский, Старооскольский, Томаровский, Уразовский, Чернянский и Шебекинский), 8 районов в Воронежскую (Алексеевский, Будённовский, Вейделевский, Ладомировский, Никитовский, Ровеньский, Уколовский, Шаталовский).

Необходимо отметить, что во время Великой Отечественной войны большая часть документов за 1931—1942 гг. погибла, поскольку районные, городские и ведомственные архивы, нередко, не имея возможности эвакуировать материалы, уничтожали их, многое также было утрачено в результате бомбардировок и пожаров [1, с. 3–4].

Имеющиеся на хранении документальные материалы первого года Великой Отечественной войны можно разделить на следующие группы: 1) документы государственных учреждений и предприятий; 2) материалы региональной периодической печати; 3) фотодокументы.

Среди первой группы выделяются документы органов (районных и сельских исполнительной власти Советов трудящихся). Подобные материалы сохранились лишь по 3 районам: Старооскольскому, Будённовскому и Никитовскому. Это документы Будённовского (Р-199) и Старооскольского (Р-88) районных Советов депутатов трудящихся (райисполкомов), а также Арнаутовского сельского Совета Никитовского района (Р-894) [2]. Протоколы заседаний исполкома Арнаутовского сельсовета незначительны ПО объему малоинформативны, вопросы, связанные с военной обстановкой в них непосредственно не затрагиваются.

Документы Старооскольского райсовета (имеются за период с июня по сентябрь 1941 г.) и Будённовского райисполкома (за июнь 1941 – июнь 1942 гг.) позволяют составить представление о деятельности органов власти на местах условиях военного времени. В протоколах Старооскольского райсовета имеются решения об обязательной подготовке населения к противовоздушной и противохимической обороне, создании на железнодорожной станции в Старом Осколе базы по реализации эвакуированных товаров, размещении породистых лошадей, вывезенных из колхоза имени Ленина Кагарлыкского района Киевской области, заготовке топлива, древесины и другим вопросам [3, л. 3–4; 4, л. 1, 3].

В фонде Будённовского райисполкома содержатся копии указов Президиума Верховного Совета РСФСР, решений и постановлений Воронежских облисполкома и обкома ВКП(б). К их числу относятся: совместное постановление Воронежского обкома ВКП(б) и Воронежского облисполкома от 7 октября 1941 года об обеспечении картофелем и овощами воинских гарнизонов в Воронежской области, предписание Воронежского облисполкома от 29 октября 1941 года об эвакуации имущества и техники Будённовского сельхозтехникума, указания о мобилизации граждан на сельхозработы (май – июнь 1942 г.), обучении населения противовоздушной и противохимической обороне (январь – март 1942 г.) [5, л. 1–3, 8–9; 6; 7]. В протоколах заседаний Будённовского райисполкома имеются решения об отпуске продовольствия и фуража частям Красной Армии, выполнении военных заказов, сборе новогодних подарков для красноармейцев [8, л. 6, 7; 9, л. 12]. Имеются также списки служащих по учреждениям и организациям, и рабочих трудоспособных неработающих граждан, проживавших в районе эвакуированных, переселяющихся из Воронежской области в Саратовскую [10]. Особо следует выделить дело, в котором собрана переписка райсовета с военнослужащими по розыску их семей, эвакуированных и проживающих в Будённовском районе [11].

ряде фондов государственных хозяйственных учреждений имеются документы, иллюстрирующие их деятельность в начале войны. В фонде городской плановой комиссии Белгородского городского Совета хранится сводный народнохозяйственный план на 1941 г., в отделе Волоконовского райисполкома – отчеты хозяйства сельского земельным угодьям и землепользователям Волоконовского района, в дорожном отделе Будённовского района – проект дороги от слободы Будённый до станции Бирюч, в плановом отделе Никитовского района – годовые отчеты и приходно-расчетные сметы колхозов, в фонде старшего землеустроителя Ровеньского райисполкома – земельная шнуровая книга колхоза «Серп и молот» Барсучанского сельсовета [12; 13; 14; 15; 16]. В райздравотдела P-240 Будённовского имеются постановлений Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) [17].

Документы по основной деятельности промышленных предприятий (месячные балансы по основной деятельности, приказы, акты) за 1941—1942 гг. представлены в фондах: Шебекинского кожевенного завода «Красный Октябрь» (Р-130), Веселолопанского спиртзавода (Р-563), Логовского мелкомбината (Р-122), Чернянской машинно-тракторной станции (Р-1182), Управления по строительству шахт Курской магнитной аномалии (КМАстрой) (Р-1167). Однако, в целом, данные документы крайне немногочисленны и малоинформативны.

Отдельного упоминания заслуживают документы органов военного управления на местах — районных военных комиссариатов (РВК). Как известно, райвоенкоматы осуществляли учет и призыв военнообязанных,

подготовку допризывников, организовывали учебные сборы и обучение командного состава запаса, обеспечивали войсковые части транспортными средствами, продовольствием, были ответственны за медико-санитарное обслуживание в период мобилизации и военное время, несли ответственность за политико-моральное состояние призываемых, а также за оперативную, мобилизационную готовность и военную дисциплину.

Документов РВК по 8 районам Курской области: Борисовскому, Волоконовскому, Грайворонскому, Краснояружскому, Старооскольскому, Томаровскому, Уразовскому, Чернянскому и 8 районам Воронежской области: Алексеевскому, Будённовскому, Вейделевскому, Ладомировскому, Никитовскому, Ровеньскому, Уколовскому, Шаталовскому на хранении в архиве не имеется.

В ОГКУ «ГАБО» хранятся документы 15 райвоенкоматов Курской Белгородского, Беленихинского, Боброводворского, области: Большетроицкого, Валуйского, Великомихайловского, Ивнянского. Корочанского, Микояновского, Новооскольского, Прохоровского, Ракитянского, Шебекинского. Саженского, Скороднянского Вышеперечисленные райвоенкоматы подчинялись Курскому областном комиссариату (ОВК), который относился к Орловскому военному округу (позже, после захвата Орла немецкими войсками 3 октября 1941 г., к Московскому военному округу). По 3 райвоенкоматам (Ивнянскому (Р-952), Ракитянскому (Р-956) и Саженскому (Р-957) документальных материалов периода Великой Отечественной войны не сохранилось. Документы остальных 12 РВК, в целом, охватывают временной отрезок с 22 июня 1941 г. до начала июля 1942 г. По мере гитлеровских войск ПО территории современной продвижения Белгородской области (с октября 1941 г.) останавливалась работа райвоенкоматов. В июле 1942 г. в связи с полной оккупацией Белгородчины деятельность всех РВК была прекращена.

Наиболее представлены Боброводворского полно документы Скороднянского (30 единиц хранения), (26 единиц хранения) Шебекинского (19 единиц хранения) районных военных комиссариатов. малочисленными являются документы Великомихайловского (1 единица хранения) и Белгородского (3 единицы хранения) райвоенкоматов.

В 4 фондах райвоенкоматов (Беленихинского, Боброводворского, Новооскольского, Прохоровского) содержатся копии директив и приказов Народного комиссариата обороны (НКО) об укреплении воинской дисциплины и улучшении боевой и партийно-политической подготовки в войсковых частях, военных учреждениях, райвоенкоматах в связи с переходом от мирного времени к военному, о формировании армейских сборно-пересылочных пунктов, порядке передвижения военнообязанных в военное время, борьбе с дезертирством, сдаче трофейных ценностей [18; 19; 20].

PBK фонде Боброводворского имеются копии приказов войсками Орловского военного округа о командующего порядке назначения фондов и отпуске продовольствия и фуража войсковым частям и соединениям округа; борьбе с авариями автотранспорта и другие за июнь – октябрь 1941 г. [21]. В фонде Новооскольского райвоенкомата хранятся копии приказов командующего войсками Московского военного округа о формировании армейских сборно-пересылочных пунктов, передвижения военнообязанных, укреплении воинской дисциплины за февраль – май 1942 г. [22].

Широко представлены В фондах райвоенкоматов документы Курского областного военного комиссариата. Они содержатся в 8 фондах (Беленихинского, Боброводворского, Микояновского, Новооскольского, Прохоровского, Скороднянского, Шебекинского, Корочанского РВК) и охватывают период с июня 1941 по июнь 1942 г. [23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30]. Это приказы, распоряжения, указания, директивы. В первую очередь, они касаются подготовки и проведения призыва в ряды Красной Армии и войска отборе Военно-морского флота, НКВД, кандидатов укомплектования военных училищ, отправке рядового и начальствующего запаса. В фондах РВК имеются предписания облвоенкомата о приеме заявлений от добровольцев – поляков, чехов, латышей о поступлении в ряды Красной Армии (однако такого рода заявлений не имеется), хранятся документы, посвященные вопросам борьбы с дезертирством, переписка с органами НКВД и военными об военнообязанных. отправке на фронт осужденных Так, райвоенкомата Корочанского имеются военнослужащих, списки осужденных военным трибуналом 21-й Армии с 20 февраля по 23 апреля 1942 г. [31].

В документах райвоенкоматов содержатся предписания Курского ОВК об эвакуации семей начальствующего состава, оказании помощи семьям военнослужащих, социальной поддержке и трудоустройстве инвалидов Отечественной войны, укомплектовании войсковых частей автотранспортом и лошадьми, учете повозок и упряжи, механического транспорта, создании фонда «Лошадь Красной Армии», сдаче трофейного имущества. Отдельно стоит выделить документы о численности и составе штатов райвоенкоматов, поднятии дисциплины в РВК и наказании работников за ее нарушение, об устранении недостатков в работе районных военных комиссариатов, уничтожении мобилизационных документов, корректировке и составлению плана медико-санитарного обслуживания гражданского населения в военное время [32; 33; 34].

Представлены в фондах районных военных комиссариатов документы, отражающие финансовую и хозяйственную деятельность РВК в период мобилизации: отчеты, сведения об учете обозно-хозяйственного имущества, ведомости, заявки. Подобная документация сосредоточена в фондах Боброводворского, Скороднянского, Шебекинского

райвоенкоматов [35; 36; 37]. В фонде Скороднянского райвоенкомата имеются директивы и указания Курского областного отдела социального обеспечения по мобилизационной работе райотделам соцобеспечения, а также приказы, указания Курского областного финансового отдела и переписка со Скороднянским райфинотделом о финансировании из местного бюджета чрезвычайных расходов райвоенкомата на мобилизационный период за июнь – август 1941 г. [38].

В фондах 11-и районных военных комиссариатов (Беленихинского, Боброводворского, Большетроицкого, Валуйского, Великомихайловского, Корочанского, Микояновского, Новооскольского, Прохоровского, Скороднянского, Шебекинского) имеются списки военнообязанных, призванных по мобилизации и отправленных на фронт [39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49].

В фондах 4 райвоенкоматов (Большетроицкого, Валуйского, Корочанского, Шебекинского) встречаются списки военнослужащих, прибывших из плена, вышедших из окружения, отставших от своих частей, принятых от спецлагерей НКВД [50; 51; 52; 53].

В фондах 4-х райвоенкоматов (Большетроицкого, Валуйского, Скороднянского, Шебекинского) хранятся списки погибших, извещения о военнослужащих, убитых и пропавших без вести на фронтах Великой Отечественной войны в 1941–1942 гг. В фонде Шебекинского райвоенкомата содержится переписка с Курским облвоенкоматом о назначении пенсий семьям погибших за декабрь 1941 г. – май 1942 г. [54; 55; 56; 57].

В фондах 3-х районных военных комиссариатов (Боброводворского, Микояновского, Прохоровского) содержатся документы, отражающие работу партийных органов (протоколы собраний первичных партийных организаций, протоколы собраний парторганизации райвоенкомата, планы партийной работы, докладные записки райкома ВКП(б) по проверке военнообязанных по сельским Советам) [58; 59; 60].

Документы по личному составу районных военных комиссариатов (ведомости на выдачу заработной платы, списки сотрудников) представлены в фондах Белгородского, Боброводворского, Шебекинского военкоматов [61; 62; 63].

На хранении в Государственном архиве Белгородской области имеются комплекты 23-х газет за второе полугодие 1941 года (в целом, июнь — сентябрь), издававшихся в 21-м районе, территории которых позднее вошли в состав Белгородской области:

- «Белгородская правда» и «Сигнал» Белгородского района,
- «Сталинское знамя» Беленихинского района,
- «Победа социализма» Большетроицкого района,
- «Борисовский коммунист» Борисовского района,
- «Знамя коммуны» и «Новый путь» Валуйского района,
- «Путь к социализму» Великомихайловского района,

- «Колхозная правда» Волоконовского района,
- «Знамя коммунизма» Грайворонского района,
- «Большевистское знамя» Ивнянского района,
- «Колхозная жизнь» Корочанского района,
- «За сталинский урожай» Краснояружского района,
- «Красное знамя» Новооскольского района,
- «Сталинец» Прохоровского района,
- «Ракитянская правда» Ракитянского района,
- «Коммунист» Саженского района,
- «Социалистическая Родина» Скороднянского района,
- «Путь Октября» Старооскольского района,
- «Сталинский призыв» Томаровского района,
- «Путь Ленина» Уразовского района,
- «Власть Советов» Чернянского района,
- «Пламя» Шебекинского района.

Материалы периодической печати представляют значительный интерес. Несмотря на известную долю субъективизма, тенденциозности и предвзятости в подаче информации, региональная пресса является ценным источником. В районных газетах публиковалась официальная хроника боевых действий, помещались сообщения о помощи фронту, мерах организации противовоздушной обороны, зверствах оккупантов. Традиционно освещались общественная и культурная жизнь районов.

Отдельного упоминания заслуживает газета «Восход». 24 октября 1941 г. Белгород был захвачен гитлеровскими войсками. Стремясь укрепить свою власть, оккупационные власти использовали для этого средства массовой информации. Уже 9 ноября ими был выпущен первый одностраничный номер «Белгородской правды» – «для города Белгорода и окрестностей». Газета вышла под лозунгом «Конец большевизма – означает начало освобождения русского народа». Вскоре периодическое издание сменило название и стало именоваться «Восход». На хранении в ОГКУ «ГАБО» имеются номера «Восхода» по 8 января 1943 г. В газете печатались сообщения о ходе военных действий, в которых сообщалось лишь о победах Германии и ее союзников: «Поспешное отступление Красной Армии в Крыму», «Разбито 389 советских дивизий», «Германские войска в Ростове», «Тихоокеанский флот США почти полностью уничтожен» [64, с. 1; 65, с. 1]. Всячески подчеркивалась неизбежность поражения СССР: «Советский Союз обречен на голод», «Невыносимое положение в Москве и Ленинграде» [65, с. 2; 66, с. 2]. В «Восходе» также публиковались распоряжения созданных захватчиками Белгородской городской управы и немецкой комендатуры.

В фонде-коллекции фотодокументов Государственного архива Белгородской области (на традиционных носителях) — P-1948 — хранятся свыше 40 фотографий 1941—1942 гг. На большей их части запечатлены участники боевых действий на Белгородчине (П. А. Белов,

И. Н. Руссиянов), партизаны (Т. П. Говоров, А. Ф. Андросов), белгородцы – Герои Советского Союза (Н. Ф. Ватутин, А. И. Цыбулев, И. Г. Вдовытченко).

Таким образом, несмотря на малочисленность, документальные материалы, хранящиеся в фондах Государственного архива Белгородской области, содержат ценные сведения по истории Белгородчины в первый год Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июнь 1942 гг.). Они позволяют составить представление об общественной, хозяйственной и культурной жизни нашего края, особенностях работы государственного аппарата и органов военного управления в период крупномасштабного военного конфликта. Имеющиеся на хранении документы военных комиссариатов содержат сведения о механизмах пополнения вооруженных проведении мобилизации отдельном регионе РСФСР. В основную характеризуют деятельность (военно-учетную, мобилизационную, партийно-политическую работу) райвоенкоматов, а также дают возможность судить об их численном составе и материальном обеспечении сотрудников.

Источники и литература

- 1. Государственный архив Белгородской области: путеводитель. Белгород, 2005.
- 2. Государственный архив Белгородской области (далее ГАБО). Ф. Р-175. Оп. 2. Д. 1.
- 3. ГАБО. Ф. Р-88.Оп. 3. Д. 99.
- 4. ГАБО. Ф. Р-88. Оп. 3. Д. 104.
- 5. ГАБО. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 2.
- 6. ГАБО. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 23.
- 7. ГАБО. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 25.
- 8. ГАБО. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 3.
- 9. ГАБО. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
- 10. ГАБО. Ф. Р-199. Оп. 1. Д. 36.
- 11. ГАБО. Ф. Р-199. Оп. 1.Д. 19.
- 12. ГАБО. Ф. Р-1105. Оп. 1. Д. 1.
- 13. ГАБО. Ф. Р-1124. Оп. 1. Д. 2.
- 14. ГАБО. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 1.
- 15. ГАБО. Ф. Р-1354. Оп. 1. Д. 1.
- 16. ГАБО. Ф. Р-1784. Оп. 1. Д. 1.
- 17. ГАБО. Ф. Р-240. Оп. 2. Д. 1.
- 18. ГАБО. Ф. Р-947. Оп. 1. Д. 53.
- 19. ГАБО. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 18.
- 19. ГАБО. Ф. Р-954. Оп. 1. Д. 2. 20. ГАБО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 49.
- 21. ГАБО. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 12.
- 22. ГАБО. Ф. Р-954. Оп. 1. Д. 5.
- 23. ГАБО. Ф. Р-947. Оп. 1. Д. 54.
- 24. ГАБО. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 19.
- 25. ГАБО. Ф. Р-953. Оп. 1. Д. 10.
- 26. ГАБО. Ф. Р-954. Оп. 1. Д. 3.
- 27. ГАБО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 40.

- 28. ГАБО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 16.
- 29. ГАБО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 106.
- 30. ГАБО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 2.
- 31. ГАБО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 8.
- 32. ГАБО. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 35.
- 33. ГАБО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 29.
- 34. ГАБО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 108.
- 35. ГАБО. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 37.
- 36. ГАБО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 28.
- 37. ГАБО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 109.
- 38. ГАБО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 13.
- 39. ГАБО. Ф. Р-947. Оп. 2. Д. 5.
- 40. ГАБО. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 57.
- 41. ГАБО. Ф. Р-949. Оп. 1. Д. 7.
- 42. ГАБО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 4.
- 43. ГАБО. Ф. Р-951. Оп. 1. Д. 1.
- 44. ГАБО. Ф. Р-953. Оп. 1. Д. 11.
- 45. ГАБО. Ф. Р-954. Оп. 1. Д. 9.
- 46. ГАБО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 57.
- 47. ГАБО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 10.
- 48. ГАБО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 127.
- 49. ГАБО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 7.
- 50. ГАБО. Ф. Р-949. Оп. 1. Д. 2.
- 51. ГАБО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 10.
- 52. ГАБО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 124.
- 53. ГАБО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 6.
- 54. ГАБО. Ф. Р-949. Оп. 1. Д. 5.
- 55. ГАБО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 9.
- 56. ГАБО. Ф. Р-958. Оп. 1. Д. 47.
- 57. ГАБО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 123.
- 58. ГАБО. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 49.
- 59. ГАБО. Ф. Р-953. Оп. 1. Д. 3.
- 60. ГАБО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 56.
- 61. ГАБО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 5.
- 62. ГАБО. Ф. Р-948. Оп. 1. Д. 23.
- 63. ГАБО. Ф. Р-959. Оп. 2. Д. 6.
- 64. «Белгородская правда». 1941. 9 нояб.
- 65. «Белгородская правда». 1941. 23 нояб.
- 66. «Восход». 1941. 21 дек.

Э. Э. Абрамова

Государственный архив Курской области

ПАРТИЗАНСКИЙ ДНЕВНИК КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ДНЕВНИКА И. С. МАКАРОВА)

Аннотация. В последнее время наблюдается всплеск интереса к истории Великой отечественной войны. Во многом это связано с новыми подходами к изучению военной тематики. Возрастающая значимость таких исследовательских направлений как социальная история, история повседневности, военно-историческая антропология, требует введения в оборот дополнительных источников. В настоящей статье предпринимается попытка анализа партизанского дневника Макарова Ивана Степановича, а также выявление его особенностей и ценности как источника по исследованию войны.

Ключевые слова: источниковедение; источники личного происхождения; дневниковые записи; Великая Отечественная война.

В последние десятилетия заметно возросла роль источников личного происхождения для реконструкции событий военной истории, поскольку основной спектр историко-психологических проблем вооруженных конфликтов XX в., в том числе и Второй мировой войны, целесообразно рассматривать на индивидуально-личностном уровне их участников [1, с. 377]. «Эго-документы» — мемуары, дневники и письма позволяют воссоздавать те аспекты Великой Отечественной войны, которые нельзя встретить в официальных бумагах или в военных сводках. В настоящей статье, ввиду обширности проблемы, рассматривается только потенциал партизанского дневника как источника по истории Великой Отечественной войны.

В отличие от других источников личного происхождения, таких как воспоминания, письма и т. д., фронтовой дневник наиболее полно отражает окружающую автора действительность, так как записи ведутся каждый день, что позволяет исключить ошибки памяти. Сведения, которые автор приводит на страницах, имеют некоторую эмоциональную окраску, реакцию человека на вызов времени, что необходимо учитывать при использовании этого источника для исследования. На страницах дневников фиксировалось то, что представлялось интересным и важным, то, что могло бы в мирное время наиболее полно представить период фронтовой жизни.

В данной статье предпринята попытка анализа фронтового дневника партизана И. С. Макарова и степень его полезности для изучения разных аспектов быта партизан. Партизанские дневники, являясь одним из

первичных источников, по изучению этого явления, позволяют более детально рассмотреть вопросы снабжения, отношения с местными жителями, координации действий с Советской армии и др.

дневников Наиболее часто авторами время Отечественной войны являлись представители творческих профессий, которые попали на фронт – это поэты, журналисты, писатели. встречаются и исключения, таким исключением и является дневник партизана И. С. Макарова, профессиональная деятельность которого до была войны преимущественно сельскохозяйственной связана c деятельностью.

Окончив московскую сельскохозяйственную академию им. Тимирязева, Иван Степанович занялся педагогической деятельностью. Война застала его преподавателем химии в Долгопрудненской средней школе. Армия, в которую он был мобилизован, в октябре 1941 года, попала в окружение немецких войск. Под Дмитровском-Орловским окружение было прорвано, почти вся техника и большая часть личного состава потеряна. Считалось, что И. С. Макаров из окружения не вышел. Первое время он скрывался у местного населения, а потом вступил в Дмитровский партизанский отряд, вошедший в Курскую партизанскую бригаду, с этого времени и стал вести дневник [3, л. 3–6].

Если говорить о технической составляющей дневника, то ввел его Иван Степанович в основном карандашом, старался делать записи каждый день, хотя есть и пропуски некоторых дат. Иногда это было всего лишь несколько дней, а иногда и недели. Все это зависело от активности ведения партизанской войны. Изменение почерка от эмоционального настроя автора или просто от необходимости быстро отметить наиболее важные события, может стать отдельным предметом для исследования. Автор изучаемого документа личного происхождения, судя по записям достаточно грамотный и образованный человек, подтверждением чему могут служить страницы его автобиографии.

Интересным является тот факт, что на страницах партизанского дневника И. С. Макарова можно найти обоснование автора для ведения записей. Он пишет: «Я не писатель, ни поэт, ни историк. Я просто любитель. Моя задача очень скромная — собрать материал из жизни и деятельности партизанского отряда во 2-ю отечественную войну. Найдутся же талантливые люди, которые сумеют найти из данного материала достойную тему нашего боевого времени для прозы, поэзии, истории и социологии. Буду стараться эту задачу выполнить» [4, л. 163]. Этот тезис является одной из возможных причин ведения записей участниками войны. Другой существенной причиной можно отметить и необходимость выразить свои мысли на бумаге, чтобы ненадолго отвлечься от войны. «Ведение дневников в годы Великой Отечественной войны выполняло множество функций, главными из которых являлись фиксация важных для

автора событий, впечатлений, фактов, а также его эмоциональная разрядка» [2, с. 334].

При анализе дневника партизана И. С. Макарова, можно констатировать разноплановые записи. Обычно фронтовые дневники содержат информацию по широкому кругу проблем: от описания ежедневных военных действий и до вопросов снабжения или проведения праздников. Все это можно встретить и в дневнике партизана Макарова.

В частности, большое внимание партизаном уделялось вопросу питания, который наиболее часто решался в основном с помощью самоснабжения. Не редко на страницах дневника фигурировали местные жители, которые помогали продуктами питания партизанам: «Я был в селе Брянцево по хлеб... Население очень любезно нас встречает. Меня угощали лепешкой в одной хате» [4, л. 20 об.]. Исследуя записи данной тематики, можно сделать вывод о качестве питания, о проблемах снабжения и др. В записи от 8 сентября 1942 г. можно встретить следующее размышление, которое затрагивает вопрос продовольствия в войсках: «Питание в армии играет большую роль. Не даром считают – ложка второе оружие бойца» [4, л. 18 об.]

На страницах также освещаются вопросы здоровья, гигиены. Целые записи Макаров посвятил только описанию деятельности партизанского наиболее Затрагивались темы частных болезней, содержания больных, используемые лекарственные средства. О самом партизанском враче Иван Степанович пишет: «Несмотря на внешнюю небрежность В костюме, И В обращении, врач высококультурным человеком с большой эрудицией в области медицины» [4, л. 159 об.]. Большую ценность эти записи имеют при изучении социальной стороны военного времени.

Важными для воссоздания быта партизан являются записи, в которых рассказывается об устройстве землянок, о том, как их копали. Иван Степанович пишет: «Землянка не отапливалась, а потому в ней было холодно. В потолке капала холодная вода» [4, л. 51, 177]. Эти сведения, выявленные в дневнике, необходимы для составления полноценной картины быта партизан.

Затрагиваются Макаровым и вопросы личных взаимоотношений. На страницах дневника можно встретить описания командиров или просто рядовых сослуживцев. Часто Макаров давал свою моральную оценку характеру или поступку того или иного человека [4, л. 15–18, 163, 128 об.]. Описания самих взаимоотношений между автором и его товарищами тоже встречаются [4, л. 31a, 129 об.].

Интерес у исследователя может вызвать характеристика отношения солдат Советской армии к партизанам. Оно характеризуется подозрительными и негативными настроениями в отношении партизан, это можно увидеть на страницах дневника. Когда партизанский отряд был объединен с Советской армией, Макаров писал следующее: «Многие из

военных не понимают, что из себя представляют полицейские. Они смешивают полицейских и партизан» [4, л. 9 об.]. Данная оценка создавала очень напряженные отношения между партизанами и солдатами, включая советских командиров.

Очень часто дневник использовался как возможность эмоциональной разгрузки или способ для проведения саморефлексии. На страницах дневника Макарова мы можем встретить его размышления о будущем, которое ждет мир после войны, о том, как будет построен новый, счастливый мир, подобный садам Эдема [4, л. 9 об.]. Встречаются и размышления о русском характере [4, л. 3, 127 об.], о самой войне как явлении: «Конечно, много погибает в этой ужасной войне невинных, незаслуженных и это оправдывается нашим временем и историей» [4, л. 23 об.].

Дневниковые записи И. С. Макарова могут помочь в воссоздании образа врага в сознании советских граждан в Великую Отечественную войну. В записи 21 августа 1942 года читаем: «Возмездия, возмездия! – вопит русская земля. Мщению, мщению – взывает русский народ. Если это так, то значить враг будет без пощады уничтожен за свое вероломство и насилие он заплатит» [4, л. 6]. Подобное восприятие противника соответствует настроениям большинства солдат Советской армии.

Автор дневника неоднократно в начале своих записей обращается к теме природы. И. С. Макарова описывает окружающий его мир очень поэтично, он старается подобрать подходящие эпитеты, что также может вызывать интерес у исследователя. Солдаты пытались отвлечься на сторонние темы, и тема природы была одной из таких [4, л. 9, 20, 41, 65 об.].

Важным для исследователя повседневности представляется описание партизанского досуга. Несмотря на немногочисленность записей, по причине ограниченного времени на отдых в условиях военного времени, в записях Макарова можно увидеть, что у партизан была возможность слушать патефон, вокруг которого всегда собиралось много любителей музыки. Была у партизан и гармонь, упоминание которой несколько раз встречается в записях Макарова [4, л. 8, 133]. Репертуар музыкальных произведений был разносторонним: «Кукарача» [4, л. 8], «Рекрутская песня Тверской губернии — Жуков и Орлов», под гармонь часто пели частушки [4, л. 133].

Другим видом партизанского досуга автор называет карты: «Карты – действительно азартная игра. Люди увлекаются этой игрой и играют в каты от зари до зари. Играют в свой козырь, в дамки, в козла и в др. игры, имеющие странные названия» [4, л. 9]. Имела место быть в партизанском быте и игра в шахматы и домино, которые были сделаны самостоятельно, из подручных материалов. Несмотря на немногочисленность доступных развлечений, партизаны старались по возможности отвлекаться на подобные вещи, для эмоциональной разгрузки.

Подводя итог, стоит отметить, что фронтовые записи Макарова Ивана Степановича являются ценным источником для изучения разных Великой аспектов истории Отечественной войны. Информация, приведенная в дневнике, касается боевых действий, погодных условий, затрагиваются вопросы солдатского быта досуга. вышеперечисленное дает возможность исследователям значительно расширить сформированное представление о войне, посмотреть на происходившие события глазами их участников. Как итог, стоит отметить, что изучение Великой Отечественной войны без использования всех видов исторических источников, включая документы личного происхождения, нельзя считать исчерпывающим.

Источники и литература

- 1. Люцай И.А. Исторические источники личного происхождения и их информационная ценность // Молодой ученый. 2017. № 6 (140). [Электронный ресурс] // URL: https://moluch.ru/archive/140/39375/ (дата обращения: 15.03.2022 г.).
- 2. Кузнецов А.С. Фронтовые дневники: содержание, особенности и потенциал источника (на примере источников периода Великой Отечественной войны) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22 (2). [Электронный ресурс] // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frontovye-dnevniki-soderzhanie-osobennosti-i-potentsial-istochnika-na-primere-istochnikov-perioda-velikoy-otechestvennoy-voyny (дата обращения: 15.03.2022 г.).
- 3. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. Р-185. Оп. 1 Д. 2.
- 4. ГАКО Ф. Р-185. Оп. 1 Д. 1.

Н. Г. Кононов

кандидат исторических наук Заслуженный работник культуры РСФСР

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ: 1943–1945 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ГОСАРХИВА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье дается краткий анализ документов, посвященных восстановлению жилищно-коммунального хозяйства Курской области в 1943—1945 гг. на материалах Государственного архива общественно-политической истории Курской области.

Ключевые слова: восстановление; жилищно-коммунальное хозяйство; облкоммунхоз; Облстройтрест; облисполком; обком ВКП(б); ремконторы.

Жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) — одно из важных отраслей народного хозяйства, от благополучия которого зависит очень многое в жизни людей: наличие жилья, его отопление, освещение, водоснабжение, канализация, санитарное состояние территории двора и в целом города, обеспеченность населения транспортом и т. п.

В 1943—1945 гг. в состав жилищно-коммунального хозяйства Курской области входили: коммунальный жилищный фонд, гостиницы, баннопрачечный трест (бани, прачечные и парикмахерские), Облжилснаб, Облстройтрест, Облпроекттрест, ремстройконторы, электростанции, водопроводы, дорожно-мостовое хозяйство (Дормосттрест), трамвайный трест (Курск), Зелентрест, трест саночистки, похоронное бюро.

Несмотря на важность, прежде всего, в жизни горожан этой отрасли, она не нашла должного исследования в нашей краеведческой литературе, хотя в курских архивах отложилось значительное количество материала, отражающего многие аспекты деятельности трудовых коллективов жилищно-коммунального хозяйства городов и области в целом.

Архивные документы, посвященные жилищно-коммунальному хозяйству в годы Великой Отечественной войны, мы можем найти как в фонде Курского обкома ВКП(б), так и в фондах городских и районных комитетов партии.

Автор же статьи решил остановиться на краткой характеристике материалов одного из фондов, а именно фонда Курского обкома ВКП(б) (Ф. П-1), который находится на хранении в Государственном архиве общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО).

Наибольшее количество документов отражает деятельность Курского обкома ВКП(б) по восстановлению жилищного фонда городов и районных центров области. Они содержаться в решениях пленумов Курского обкома партии. бюро обкома ВКП(б), в различных справках, отчётах, обследованиях организаций ЖКХ и др., представляемых в Курский обком партии для их изучения и принятия соответствующих решений.

В фонде Курского обкома ВКП(б) имеется много конкретного материала о состоянии жилищного фонда тех или иных городов в довоенный период и после освобождения области от фашистов, об ущербе, нанесённом гитлеровскими оккупантами населенным пунктам области как в денежном, так и в материальном выражении. Эти сведения, можно сказать, собирались по горячим следам, сразу же после освобождения Красной Армией тех или иных населенных пунктов. Впоследствии они уточнялись и были сведены в таблицы, анализируя которые мы можем узнать, что представлял собой жилищный фонд Курской области. Например, один из документов свидетельствует о том, что накануне войны жилищный фонд города Курска составлял 630 тыс. кв. м, в том числе муниципальный – 215 тыс., ведомственный (административный) – 35 тыс., частный – 380 тыс. кв.

Из этого документа мы узнаем, что наиболее разрушенным в годы оккупации оказался коммунальный жилищный фонд, в который входило немало больших кирпичный зданий. Например, всего в Курске было разрушено полностью 68 тыс. кв. м жилья, или 10.8%. ко всему жилфонду и 20.0% — к коммунальному. Ведомственного фонда было разрушено 6 тыс. кв., частного — 19.0 тыс. кв. м [1, л. 1].

В другом документе находим сведения о наличии жилищного коммунального фонда в городах Курской области, включая жилфонд наркоматов. Кстати, до лета 1944 г. в области насчитывалось 17 городов. Потом 2 города — Малоархангельск и Дмитровск — были переданы Орловской области. Из данного документа узнаем, что в городах Курской области до оккупации насчитывалось 5 076 домов с общей жилой площадью в 587,2 тыс. кв. м. В период оккупации оказались уничтоженными 1 573 дома (31,0 %) с общей жилплощадью в 224,0 тыс. кв. м (38,2 %).

Из данного документа, подготовленного Курским облкомхозом для обкома партии и облисполкома, узнаем, что в 1943 г. подлежало восстановить 608 домов с жилплощадью в 82,4 тыс. кв. м и общей стоимостью в 3880 тыс. рублей.

Кроме того, по городам Курской области до войны числилось 39 323 частных домовладений с жилой площадью в 1 966,2 тыс. кв. м. Из них разрушено было 4 084 домовладения (10,4%) с площадью в 204,2 тыс. кв. м (10,4%). В 1943 г. подлежало восстановлению 848 частных домовладений с жилой площадью в 26,7 тыс. кв. м. Объем работ оценивался в 1400 тыс. рублей.

В 51 районном центре было 1 703 домовладений с жилой площадью в 101 532 кв. м общей стоимостью в 23 250,2 тыс. рублей, из них разрушено 379 домовладений (22,3 %) с жилплощадью в 23 081 кв. м (22,8 %). В 1943 г. подлежало восстановлению 218 домов с жилплощадью в 15 242 кв. м стоимостью в 1 882,0 тыс. рублей [2, л. 22].

Указанные выше сведения важны были для руководящих органов области, чтобы определить примерную сумму денежных средств, строительных материалов и рабочей силы, необходимых для восстановительных работ. Естественно, ни средств, ни стройматериалов, ни рабочей силы для восстановления ущерба, нанесённого гитлеровцами, в Курской области не было. Тогда ей на помощь пришло Советское правительство.

19 мая 1943 г. принимаются постановления СНК СССР за № 554 и СНК РСФСР за № 522 от 23 мая 1943 г. «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства гор. Курска и Курской области». В области городского хозяйства СНК СССР обязал СНК РСФСР (Наркомхоз РСФСР) и Курский облисполком провести в 1943 г. работы по восстановлению в городе Курске части жилфонда с вводом 5 тыс. кв. м жилой площади, а также другие работы по городам области. Только на восстановление

жилищно-коммунального хозяйства области выделялось 8 100 тыс. рублей и, кроме того, 500 тыс. рублей — на долгосрочное кредитование для восстановления частновладельческого жилищного фонда. Помимо этого, из местного бюджета, за счет внелимитных средств, на восстановление жилищно-коммунального хозяйства в районных центрах направлялось 1 370 тыс. рублей, а всего — 9 970 тыс. рублей. Из 8 100 тыс. рублей Курску на жилищно-административное строительство выделялся 1 млн рублей, а на область — 3 млн рублей. Общий же объем затрат по восстановлению хозяйства Курской области на 1943 г. определялся в сумме 44,93 млн рублей [3, с. 192–197; 1, л. 11].

Указанные постановления СНК СССР от 19 мая и СНК РСФСР от 23 мая 1943 г. были рассмотрены 17–18 июня на VII сессии Курского областного Совета депутатов трудящихся и легли в основу деятельности партийных и советских органов Курской области по ее хозяйственному возрождению.

В фонде исследуемом архивном имеется документ, VII-й характеризующий распределение сессией областного Совета восстановительных правительственных средств по городам и районным центрам Курской области. Из него следует, что из 8 100 тыс. рублей, выделенных на восстановление жилищно-коммунального области, для возрождения жилфонда было ассигновано 3 млн рублей, в том числе городу Курску – 1 млн рублей, Облстройтресту – 500 тыс. рублей и т. д. Белгороду, Грайворону, Рыльску и Дмитровску не планировалось выделение средств, так как они еще находились под оккупацией [1, л. 11].

21 августа 1943 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимают постановление «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации», в котором определялся целый комплекс задач по возрождению мирной жизни в указанных районах, в том числе и в Курской области.

26 августа 1943 г. Курский облисполком и обком ВКП(б) обсудили вышеуказанное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) и выработали комплекс мероприятий по его реализации [3, с. 353–356; 4, л. 195–205].

Указанное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 августа 1943 г. было положено и в основу решений XII пленума Курского обкома ВКП(б), который работал 5–6 сентября 1943 г. Пленум обкома ВКП(б) обязал горкомы и райкомы партии и исполкомы городских и районных Советов разработать конкретные мероприятия по реализации постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) и обеспечить в установленный партией и правительством срок восстановление и строительство жилищ для трудящихся [3, с. 211–214; 5, л. 45–49].

Несмотря на то, что в мае – июне 1943 г. десятки тысяч горожан трудились на строительстве оборонительных рубежей, многие мужчины были призваны в Красную Армию, идущие военные действия и бесконечные бомбардировки городов вражеской авиацией, жители

городов, как свидетельствуют документы, а в основном это были женщины, старики и подростки, многое сделали для восстановления жилищно-коммунального хозяйства Курской области.

Из-за небольшого объема статьи автор не может рассказать о деятельности Курского обкома ВКП(б), городских и районных комитетов партии, добровольческо-строительных бригад по восстановлению объектов ЖКХ. Хотелось бы только отметить, что труженики городов Курской области действительно совершили подвиг по восстановлению народного хозяйства и жилищно-коммунальной сферы.

Достаточно сказать, что по состоянию на 1 января 1944 г. всего по городам и рабочим поселкам области труженики восстановили 6 968 домов с общей площадью в 387 883 кв. м., в том числе вновь построено 87 домов площадью в 3 010 кв. м. В них вселили 51 698 человек [6, л. 10, 12].

В строй вступили, хотя и не на полную мощность, электростанции, водопроводы, бани, курский трамвай.

Темпы восстановления жилищного коммунального хозяйства могли бы быть большими. Но в 1943 г. в значительной степени ремонтностроительными конторами и горжилуправлениями, призванными заниматься восстановлением жилья, восстанавливались административный фонд и здания других ведомств, что сказывалось на объемах выполненных работ по восстановлению собственно жилфонда [7, л. 8–9]. Курский областной строительный трест в 1943 г. переживал организационный период и в значительной мере не смог выполнить установленную для него строительную программу [7, л. 12, 36–37].

В 1944–1945 гг. темпы восстановления жилья в Курской области были значительно снижены. Это объяснялось тем, что в 1943 г. восстанавливали в первую очередь индивидуальный жилфонд и мало разрушенные здания коммунального и административного фондов. В 1944–1945 большие ΓΓ. пришлось восстанавливать кирпичные основательно разрушенные здания, которые требовали значительных материальных затрат, фондируемого материала, который не всегда производился в области, квалифицированную рабочую силу. Основными строительно-ремонтными организациями на местах, которые проводили весь объем восстановительных работ, являлись ремконторы в городах и ремгруппы в районных центрах. В 1944 г. было организовано 15 ремонтностроительных контор.

В 1944 г. горремстройконторами планировалось освоить 8 013,4 тыс. рублей капиталовложений [8, л. 74]. Наиболее крупные жилищные и административные здания призван был восстанавливать и строить Облстройтрест. Большой вклад в восстановление жилья, o чем свидетельствуют документы изученного архивного фонда, добровольческо-строительные бригады, созданные повсеместно инициативе населения, прежде всего, женщинами-домохозяйками.

30 июня 1944 г. бюро Курского обкома ВКП(б) заслушало вопрос «О состоянии строительства и ремонта по коммунальному хозяйству области», протокол № 268/6. Бюро обкома партии признало работу по восстановлению и строительству жилищного и административного фондов неудовлетворительной и наметило систему мер по устранению выявленных недостатков [9, л. 65–66]. Однако, несмотря на принимаемые меры, строители не выдерживали темпов восстановления жилищно-коммунального хозяйства. К тому же, как и в 1943 г., горремконторы продолжали заниматься не своими делами. Они восстанавливали и строили здания горисполкомов, горкомов партии, УНКВД, детских садов, яслей и т. п.

Из рук вон плохо работал Облстройтрест (руководитель Домашев). Из-за своей не оперативности и др. причин строительные организации даже не смогли освоить выделенные государством ИМ значительные денежные средства. Так, один из документов фонда позволяет уяснить, как в 1944 г. распределялись и осваивались денежные средства на восстановление тех или иных отраслей ЖКХ. Например, на жилищный фонд ассигновывалось 9 404 тыс. рублей, освоено же было 5 687,6 тыс. рублей (60,0 %), на административный фонд – соответственно 6 040 тыс. и 4 666 тыс. (77,2 %), на коммунальные предприятия – 5 910 тыс. и 2 814,3 тыс. (47,6 %), на благоустройство городов – 2 862 тыс. и 1.989,7 тыс. (70,0.%), на благоустройство райцентров -2.778 тыс. и 1.648,3 тыс. (60,0%), а всего на коммунальные нужды -26.995 тыс. и 16 805,9 тыс. рублей (60,0 %). Приведенные данные свидетельствуют о том, что ни по одному виду деятельности не были освоены выделенные государством капиталовложения.

Из этого же документа узнаем, как в 1944 г. распределялись и использовались лимитные (государственные) средства по 15 городам Курской области. Данный документ свидетельствует, что из 21 355 тыс. рублей, выделенных для восстановления ЖКХ, было освоено только 11 565,9 тыс. рублей (54,2 %) и что из 15 городов области ни один город не освоил ассигнованные ему капиталовложения. Город Курск, которому выделялось 14 149 тыс. рублей, освоил их только на 56,2 % [8, л. 38, 39].

В архивном фонде Курского обкома ВКП(б) имеются сведения о том, как в 1944 г. в натуральном выражении были освоены местными Советами направленные государством средства на восстановление жилищного фонда городов Курской области. Так, в 1944 г. по административному строительству планировалось восстановить 95,9 тыс. кубических м, а восстановлено 41,4 тыс. кубических м (43,1 %), по жилищному фонду — соответственно 41 439 кв. м и 37 371 кв. м (90,2 %). Из 15 городов области только 6 города выполнили свою программу по восстановлению жилья: Курск, Белгород, Дмитриев, Короча, Суджа и Фатеж.

Что касалось капитального ремонта жилфонда городов Курской области, то на него ассигновывалось 1 921,6 тыс. рублей, освоено же было

1 692,3 тыс. рублей (88,0 %). На эти средства планировалось капитально отремонтировать 16 270 кв. м жилья, отремонтировано же было 15 038 кв. м (92,5 %). Только 7 городов области выполнили свою производственную программу: Валуйки, Дмитриев, Короча, Обоянь, Старый Оскол, Суджа. Рыльск ее выполнил на 339,0%.

В полном объеме не были выполнены программы и по вводу мошностей производственными предприятиям ЖКХ. Причины невыполнения плановых заданий на 1944 г. были те же, что и в 1943 г.: отсутствие стройматериалов, низкая квалифицированной рабочей силы, недостаточная организация труда и др. На местах горремконторы не изготовлением строительного материала, где производился (Грайворон), руководством его производства никто не занимался, то есть дела шли самотеком. Облжилснаб не только не подсобных производств, организовал не НО занимался децентрализованными заготовками [8, л. 85–86, 174].

В целях создания в каждом городе крепкого и устойчивого ядра рабочих в 1944 г. Облкомхозом были приняты меры к организации в городах ремконтор, вокруг которых можно было бы организовать подготовку кадров. К началу 1945 г. такие конторы были созданы во всех городах, за исключением Курска, Валуек, Старого Оскола, Белгорода и Рыльска. Но и они в 1944 г. не смогли должным образом наладить эту работу. Не был укреплен аппарат в низовом и среднем звеньях коммунального хозяйства. Достаточно сказать, что по состоянию на 1 июля 1944 г. из 47 районов области райкомхозы имелись только в 15. И, несмотря на это, Госштаткомиссия провела сокращение сети райкомхозов, частично сменился и их руководящий состав в городах.

Благодаря усилиям Курского обкома ВКП(б) и облисполкома, к 1945 г. сеть райкомхозов была целиком восстановлена [8, л. 41–44].

фонд Курского обкома ВКП(б) содержит Архивный материалов о восстановительных процессах, происходящих в жилищнокоммунальном хозяйстве Курской области. Именно в этих документах большое фактов находится количество o состоянии коммунального хозяйства накануне Великой Отечественной войны, об ущербе, нанесенным немецкими оккупантами, о ходе восстановления ЖКХ. Здесь же имеются квартальные, полугодовые, годовые отчеты Курского облкоммунхоза о восстановлении хозяйства, справки об итогах обследования, докладные записки в обком партии и т. п.

Они свидетельствуют о том, что, несмотря на многие трудности, и в 1945 г. шел процесс дальнейшего восстановления жилищно-коммунальной отрасли Курской области.

Советское государство, несмотря на идущую войну, изыскивало возможности оказывать значительную помощь области в восстановлении ее народного хозяйства. В 1945 г. только на возрождение жилищно-коммунального хозяйства области было ассигновано 18 975 тыс. рублей, в

тои числе на восстановление жилищного фонда — 6 600 тыс. рублей, административного — 2 390 тыс., гостиницы — 400 тыс., на коммунальные предприятия — 3 900 тыс. рублей. На восстановление административного фонда в райцентрах области ассигновывалось 310 тыс. рублей. На внелимитные затраты в городах направлялось 2 400 тыс. рублей, на операционные — 1 550 тыс. рублей, на внелимитные затраты в райцентрах — 1 425 тыс. рублей.

Из 6 600 тыс. рублей средств жилфонда на восстановление города Курска выделялось 4 500 тыс. рублей, или 70 % всех средств. Остальные города области финансировались в сумме 2 100 тыс. рублей [8, л. 118].

работы восстановлению активизации ПО коммунального хозяйства в области в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и XV-го пленума Курского обкома в декабре 1944 г. при обкоме был создан строительный отдел. В апреле – мае 1945 г. строительные отделы были организованы при Курском и Белгородском райкомах партии [10, л. 10, 22]. Основные строительные работы в Курске должны были вести горремконтора и Курскстройтрест. Однако, как документы, свидетельствуют ЭТИ органы, несмотря 28 февраля 1945 г. за № 381 постановление СНК СССР «О мерах по восстановлению гор. Курска», в соответствии с которым на возрождение направлялись десятки города миллионов рублей, выполняли поставленные перед ними задачи [8, л. 118].

Примерно такая же ситуация, касающаяся восстановления ЖКХ, была и в др. районах области. Об этом свидетельствует решение бюро Курского обкома ВКП(б) от 15 июня 1945 г., которое рассмотрело вопрос о ходе восстановления городского хозяйства в Старооскольском и Щигровском районах [10, л. 102–103].

XVII-й пленум Курского обкома партии (9–11 июля 1945 г.) также отметил совершенно неудовлетворительную работу по восстановлению городов и районных центров области и в особенности города Курска [11, л. 196, 201]. 19 и 30–31 июля 1945 г. бюро Курского обкома ВКП(б) вновь возвращается к обсуждению вопроса о восстановлении города Курска в свете выполнения решения СНК СССР от 8 февраля 1945 г. и констатирует неудовлетворительную работу Курского горкома партии и горисполкома по возрождению городского жилищно-коммунального хозяйства. В постановлении бюро были определены сроки восстановительных работ и объекты, указано на необходимость укрепить строительные организации рабочими кадрами, закрепления добровольческих строительных бригад за конкретными стройками и др. [13, л. 93–96].

Решения Курского обкома ВКП(б), оказываемая им помощь городам и районным центрам в восстановлении ЖКХ давала определенные положительные результаты. Например, на 1945 г. по городам планировалось капитально отремонтировать 23 789 кв. м жилья, а было отремонтировано 26 367 кв. м, или 110,8 % к плановому заданию [8,

л. 218]. На 117,9 % были освоены средства по текущему ремонту жилья [8, л. 217, 218].

Однако денежные средства, выделенные в 1945 г. государством на восстановление жилищного фонда Курской области, были освоены на 84,6 %, на которые в натуральном выражении было введено в эксплуатацию 11 102 кв. м жилья, или 89,1 % к плану (планировалось ввести 12 450 кв. м). Из 15 городов успешно выполнили план семи городов, в их числе Курск, Грайворон, Дмитриев, Короча, Фатеж. Шебекино и Щигры [10, л. 91].

По жилищно-коммунальному хозяйству средства были освоены всего на 69,3 % [8, л. 220], а по восстановлению и ремонту жилищного фонда и коммунальных предприятий Курской области — на 76,4 %. Ни один город не смог освоить выделенные ему средства на восстановления ЖКХ в целом [13, л. 91].

Из рук вон плохо работал «Курскстрой», который был подчинен Наркомгражданстрою. Трест не обеспечил выполнение государственных заданий по строительству, не ввел эксплуатацию ни одного объекта [14, л. 184].

Новым этапом в восстановлении города Курска явилось постановление СНК СССР от 1 ноября 1945 г. за № 2722 «О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками 15 городов РСФСР», в число которых вошел и Курск. Архивные документы свидетельствуют о том, какие мероприятия уже в конце 1945 г. провели горисполком и горком ВКП(б) для скорейшего восстановления города [8, л. 231]. Но это уже выходить за хронологические рамки нашего исследования.

Итак, материалы архивного фонда Курского обкома ВКП(б) Государственного архива общественно-политической истории Курской области наглядно свидетельствуют о той огромной помощи, которую оказывали ЦК ВКП(б) и Советское государство для восстановления народного хозяйства Курской области в целом и для возрождения жилищно-коммунальной отрасли в частности. Но, несмотря на все усилия партии и государства, местных партийных и советских органов Курской области к концу 1945 г. эту задачу полностью решить так и не удалось.

Источники и литература

- 1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3389.
- 2. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3062.
- 3. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Сб. док и материалов. Курск, 1962. Т. 2.
- 4. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2924.
- 5. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1006.
- 6. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2953.

- 7. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2967.
- 8. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3692.
- 9. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3201.
- 10. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3694.
- 11. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2897.
- 12. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3537.
- 13. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3696.
- 14. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3688.

О. Н. Аргунов

кандидат исторических наук Государственный архив Курской области

МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЗАСУХИ И ГОЛОДА 1946—1947 гг. В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. В настоящей работе рассматривается проблема источникового потенциала изучения проблемы засухи и голода 1946—1947 гг. За основу берется рассмотрение информационной составляющей массовых региональных источников, изучение которых во много опровергает концепцию В. Ф. Зимы, изложенную в книге «Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия».

Ключевые слова: массовые источники; Курская область; засуха; голод.

Изучение истории нашей страны в послевоенные годы в последние стало одной из магистральных тем развития отечественной исторической науки. Безусловно, работы по данной проблематике выходили и в предыдущие десятилетия, но они по большей своей части носили политизированный характер. Ключевые концепции, тенденциозный, положения, выводы, озвученные в этих работах, к настоящему времени появлением новых связи c источников устарели, методологических подходов при изучении исторических источников. При ЭТОМ достаточно большой пласт исторических сведений, вписывавшихся в официальную историю страны, осталась «за бортом» внимания историков. Тема засухи и голода в первые послевоенные годы была одной из таких.

Проблемы засухи и голода 1946—1947 гг. только начинают получать первые исторические оценки у современных историков, о чем говорит немногочисленность опубликованных работ, посвященных данной проблеме [1; 2, с. 9–19; 3, с. 45–49; 4, с. 120–123; 5, с. 37–60; 6, с. 520–539]. Табуированность темы, отмеченная выше, закрытость архивных фондов в

советский период привели к тому, что в современной отечественной науке едва ли найдется два десятка работ, посвященных этой проблематике.

Не менее серьезным при рассмотрении данных проблем является вопрос политизации этой проблематики. Некоторые исследователи на волне «моды» на критику советской власти и ее конкретных действий описывали голод как не просто катастрофу, а как сознательные действия властей по уничтожению и «усмирению» колхозного крестьянства, что, как мы можем увидеть при анализе документов, не выдерживает никакой критики. Такой «людоедский» подход в большей степени характерен для работ В. Ф. Зимы [7] и М. А. Вылцана [8, с. 69–80], и объяснить его ничем другим, кроме как погоней за историческими «ноу-хау» невозможно.

Но, наверное, наиболее сложной проблемой при изучении указанной в заглавии темы является ее источниковое обеспечение. Как отмечает тот же В. Ф. Зима слово «голод» в источниках не упоминалось [9, с. 36–37], что заставляет историков ориентироваться в первую очередь на косвенные сведения о нем. Однако, в своих работах Вениамин Федорович использует центральных государственных только источники архивов Российской Федерации Российского (Государственного архива И государственного архива экономики), при этом распространяя свои выводы на территорию всей страны.

Автор настоящей работы обратился к проблеме послевоенной засухи и голода в Курской области еще в 2014 г. [10, с. 146–153], и уже в тот период времени мы обратили внимание, что все свои выводы В. Ф. Зима основывал не на совокупности информации, полученной из разнообразных источников, а на «вырывании» из общего контекста определенных источников наиболее «жареных» фактов. При этом подбор материалов нам видится весьма тенденциозным, не отвечающим принципам историзма и объективности. Ограниченность источниковой базы исследования только материалами центральных архивов уже вызывает большие вопросы к выводам работ.

В этой связи нам бы хотелось посвятить настоящую работу анализу массовых источников, в которых в той или иной степени нашли отражение вопросы, связанные с засухой и голодом 1946–1947 гг.

Прежде чем приступить к освещению данной проблемы необходимо оговорить, что мы понимаем под категорией «массовые источники», применительно к источникам советского периода. Во многом наше видение массовых источников совпадает со взглядами М. Ф. Румянцевой. В учебном пособие по источниковедению она пишет, что «отнесение тех или иных исторических источников к массовым является их качественной, а не количественной характеристикой» [11, с. 334], то есть данные источники близки по своему содержанию при фиксации исторической действительности.

На основании вышеизложенных фактов среди массовых документов, посвященных истории засухи и голода 1946–1947 гг., можно выделить

следующие группы: организационно-распорядительная (протоколы, решения, постановления, приказы, директивы); планово-отчетная (планы, отчеты, доклады, рапорты, сводки, документы итогового характера); справочно-информационная документация (переписка различных органов, справки, обзоры).

Итак, начнем ПО порядку. Организационно-распорядительные документы наиболее распространенными материалами. являются сосредоточено фондах Наибольшее количество В советских ИХ (облисполкома и райисполкомов) и партийных (обкома и райкомов) Наиболее репрезентабельными власти. являются решения Курского облисполкома, а также решения бюро Курского обкома ВКП(б).

Решения исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся, а также исполнительных комитетов районных Советов депутатов трудящихся представляют собой нормативные акты локального характера, основной задачей которых была регламентация действий, направленных на решение определенной проблемы. При этом в решениях не только указывались конкретные меры, необходимые для решения конкретной задачи, также были отражены возможные результаты, но и, что для нас наиболее интересно, указывались изначальные условия или же обозначалась проблема, требовавшая решения, с указанием конкретных фактов. Довольно часто решения райисполкомов копировали решения облисполкома применительно к местным условиям.

В ходе исследования нами были изучены протоколы заседаний облисполкома и 36-и райисполкомов из 62-х бывших в тот период времени в Курской области. Действительно, как указывает В. Ф. Зима, ни в одном решении слово «голод» не встречается. Вместе с тем множество решений отсылают нас к этой проблеме. В первую очередь это относится к нормативно-правовым актам, посвященным вопросам снабжения.

О серьезных проблемах со снабжением хлебом говорят некоторые решения Курского облисполкома, датированные первой половиной 1946 г. К таким решениям можно отнести решение Курского облисполкома от 28 мая 1946 г. № 679 [12, л. 113–114], согласно которому области отпускался определенный лимит хлеба для продажи населению. К концу 1946 г., когда данная проблема приобрела еще большую остроту, решения облисполкома стали отражать не только лимиты продажи, но количество людей, которые имели право на снабжение хлебом в рамках этих лимитов (решения от 29 октября 1946 г. № 1244, от 5 ноября 1946 г. № 1255, от 26 декабря 1946 г. № 1434 [13, л. 155–164, 188; 14, л. 119–129] и др.). Практически повсеместно данные решения дублировались на районном уровне местными райисполкомами. При этом, если мы посмотрим на динамику, то к концу 1946 г. количество людей, которым были положены хлебные карточки, действительно снижается. Это видно из анализа данных, приведенных в решениях Рыльского райисполкома: в феврале в сельской местности по карточкам снабжались около 2 400 чел., а к январю 1947 г. уменьшилось до 800 чел. [15, л. 2–2 об.; 16, л. 2 об.]. Подобная мера была регламентирована Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 28 сентября 1946 г. «Об экономии в расходовании хлеба», что также нашло отражение в документах облисполкома [17, л. 119].

Также имеется значительное количество решений о ходе заготовок сельскохозяйственных продуктов (в первую очередь зерна), которые дают нам ценнейшую информацию о количестве собранного урожая и о возможности прокормиться им до будущего года. Только за июль и август 1946 г. подобные решения были приняты в отношении Валуйского [18, л. 219], Микояновского [19, л. 50], Скороднянского [19, л. 169] и др. районов.

Определенный интерес представляют также серия решений, посвященных выдаче государственной продовольственной ссуды в колхозах, которая получила название «Сталинской помощи». Данный вопрос в монографии В. Ф. Зимы рассматривается в части, которая носит странное для нас название «Запоздалая помощь» [7, л. 129–179]. Однако для курского региона выделение «Сталинской помощи» имело не только важнейший политический, но и моральный характер: колхозники были поддержаны правительством, что позволило отодвинуть пик голода на несколько месяцев ближе к весне 1947 г., тем самым уменьшив количество его жертв. К вопросу о масштабах этой помощи мы еще вернемся.

В основном, данные решения фиксировали извращения при выдаче продссуды. В большинстве подобных случаев неправильное распределение происходило за счет незаконного присвоения выделенного зерна представителями управленческого аппарата колхозов (председателями, счетоводами, кладовщиками и пр.), а также советским и партийным активом районов, как это было в Свободинском районе [19, л. 48–49].

Однако подобные случаи нельзя рассматривать как типичные, они были скорее исключением, нежели устоявшимся правилом. При этом выделение и распределение помощи в большей степени нашло отражение в партийный документах. Стоит отметить, что и массовые источники исследуемого периода двух других групп (планово-отчетные документы и информационная документация) в большей степени отложились в архивных фондах госархива общественно-политической истории Курской области.

Как уже отмечалось, в решениях и постановлениях бюро областного комитета ВКП(б) и райкомов ВКП(б) нашли отражение вопросы, связанные с выделением и распределением продовольственной помощи в колхозах. Райкомы чаще всего дублировали и в незначительной степени адаптировали под собственные реалии совместное постановление Курского облисполкома и обкома ВКП(б) от 26 июня 1946 г. «Постановление Совета Министров СССР № 1318 от 23 июня 1946 г. "О мерах помощи колхозам, колхозникам и совхозам Курской области, в связи с неблагоприятными видами на урожай"» [20, л. 220–230]. Райкомы,

в свою очередь, издавали подобные постановления или решения [21, л. 58; 22, л. 143–145; 23, л. 197], а потом присылали в обком отчеты об их исполнении, которые имели стандартную форму: в ней фиксировалось количество выданного зерна по району в разрезе отдельных колхозов, с указанием, какое количество зерна еще предстоит выдать [24, л. 8–10].

В целом же планово-отчетная документация имеет для исследования 1946–1947 ГГ. важное значение: ней засухи голода систематизированном виде отражена информация не только о проделанной работе и конкретных мерах, направленных на реализацию определенных мер помощи колхозникам или же на решения сельскохозяйственных проблем. Такие отчеты были не многочисленными в областном разрезе [25, л. 215-219; 26, л. 46-50], чего нельзя сказать о районных: по всей видимости, их составление и обком направление партии систематическим [27, л. 79–100, 105–113].

Значительная часть информации о положении населения отражена в различного рода переписках, справках, обзорах. В большинстве случаев они носили точечный характер и отражали положение в определенном колхозе или же сельсовете, реже – в районе в целом. Наибольший интерес для изучения выбранной тематики представляют сводки и справки (имеющие четко установленную структуру) о состоянии населения районов [28; 29], которые отложились в двух делах архивного фонда областной ВКП(б)» госархива обшественнокомитет политической истории Курской области. Они содержат информацию о числе голодающих в области на январь-март 1947 г., о числе больных дистрофией и инфекционными заболеваниями, о моральном состоянии населения. Такие же справки-обследования имеются в фондах и некоторых райисполкомов, например, Иванинского [30, л. 1–7 об.]. Это ценнейшие первоисточники, значение которых трудно переоценить, которые говорят о тяжелых, а порой и вовсе ужасающих условиях жизни курских селян зимой-весной 1946-1947 гг.

В ряде случаев подобные источники фиксировали информацию о делинкветном поведении людей в условиях крайней нужды: убийства на почве голода [29, л. 18–19; 31, л. 6], массовые кражах хлеба, других продуктов питания [32, л. 6; 33, л. 139–140] и пр. Это также весьма важно для нас при рассмотрении последствий массовой голодовки.

Хочется отметить, что массовые региональные источники по истории засухи и голода 1946—1947 гг. отражают широкий спектр проблем и содержат достаточно обширный пласт информации, не нашедшей отражения в источниках федеральных архивов, которыми преимущественно пользовался В. Ф. Зима при написании своей работы. Из-за этого некоторые его выводы просто не соотносятся с историческими реалиями курской деревни, например, вывод о «запоздалой помощи».

В этой связи интересным представляется вопрос непосредственного распределения продовольственной помощи, упоминаемый нами ранее. Он

несколько выходит за рамки рассматриваемой нами проблемы, но мы считаем необходимым обратиться к нему, чтобы развеять миф В. Ф. Зимы относительно запоздалости помощи и ее количества. Как известно, продовольственная помощь Курской области была выделена в июне 1946 г. Уже в конце июля – начале августа колхозы начали составлять списки на распределение данной помощи и подавать их на рассмотрение в райисполкомы. Несколько таких списков сохранились в материалах архивного фонда «Золотухинский Совета депутатов трудящихся и его исполнительный комитет» госархива Курской области. Для примера проанализируем ведомость на выдачу продовольственной ссуды в колхозе «Красная звезда» Революционного сельсовета. Ее формуляр имеет 8 граф: порядковый номер, фамилия, имя, отчество получателя, состав семьи, количество трудоспособных в семье, количество полученного хлеба на трудодни в 1945 г., количество выработанных трудодней в 1946 г. и выдача продовольственной ссуды. Всего по колхозу была выдана помощь 73-м семьям, при этом практически во всех случаях колхозники получили в качестве помощи гораздо больше зерна, чем на трудодни в 1945 г. [34, л. 14–14 об.]. Но при этом в 1945 г. и в первой половине 1946 г., в отличие от второй половины 1946–1947 гг. голода не было.

Причина такого «парадокса» раскрывается через анализ писем населения с просьбами о продовольственной помощи в органы власти. Например, в своем письме колхозница Пристенского района Курской области К.Ф. Зеленина пишет следующее: «Я имею состав семьи 11 душ, из которых девять детей моих, воспитанные мной и [в] настоящее время все находятся при мне. Живу в чужой хате, своей нет у меня. В момент немцы забрали корову, сама [B]данное трудоспособная, в 1945 году на трудодни дали 150 гр. С таким составом моего семейства я переживаю большие и невыносимые трудности. Усадьба 50 соток также не обеспечивает мой состав семейства даже картофелем» [35, л. 160–160 об.]. И похожих по содержанию писем в разных архивных фондах курских областных архивов не одна сотня. Сами колхозники видели причины голода не столько в малой оплате трудодней, а в том, что урожая не дали приусадебные участки. Уже эти несколько фактов ставят крест на концепции «запоздалой помощи» применительно к реалиям Курской области.

В связи с этим хотелось бы сделать, на наш взгляд, весьма важный региональных использование массовых источников рассмотрении практически любой исторической темы регионального или же общегосударственного масштаба не просто желательно, а весьма необходимо. Во-первых, это кладезь ценных первичных данных. А вовторых, без учета специфики каждого региона, по нашему мнению, невозможно выстраивание глобальной картины определенного исторического события. Это может привести к тому, что региональная специфика будет по многим позициям противоречить выдвигаемой

концепции, как мы видим на примере анализа источников курских областных архивов, отразивших события засухи и голода 1946—1947 гг., в сравнении с идеями, изложенными в монографии В. Ф. Зимы «Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия».

Источники и литература

- 1. Аргунов О.Н. Социально-хозяйственная жизнь курской деревни в послевоенный период. Проблема голода // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3 [Электронный ресурс] // URL: http://www.scientific-notes.ru/pdf/044-007.pdf.
- 2. Волков И.М. Засуха, голод 1946–1947 годов // История СССР. 1991. № 4.
- 3. Зима В.Ф. Послевоенное общество: голод и преступность (1946–1947 гг.) // Отечественная история. 1995. № 5.
- 4. Лосева И.В. Кризис продовольственного снабжения 1946–1947 годов в Горьковской области // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 37.
- 5. Попов В.П. Голод и государственная политика // Отечественные архивы. 1992. № 6.
- 6. Хисамутдинова Р.Р. Голод в уральской деревни в годы Великой Отечественной войны // Знать, чтобы не забыть: Тоталитарная власть и народ в 20 начале 50-х годов XX века: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 2014.
- 7. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
- 8. Вылцан М.А. Приказ и проповедь: Способы мобилизации ресурсов деревни в годы войны // Отечественная история. 1995. № 3.
- 9. Зима В.Ф. Голод в России 1946–1947 годов // Отечественная история. 1993. № 1.
- 10. Аргунов О.Н. Проблема голода 1946—1947 гг. в Курской области // Белгородский диалог 2014. Сб. избр. науч. тр. междунар. молодежн. научн. форума / отв. ред. Д. Е. Богданов (г. Белгород, 27—29 марта 2014 г.). Белгород, 2014.
- 11. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998.
- 12. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 30.
- 13. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 58.
- 14. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 72.
- 15. ГАКО. Ф. Р-3941. Оп. 1. Д. 14.
- 16. ГАКО. Ф. Р-3941. Оп. 1. Д. 23.
- 17. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 58.
- 18. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 37.
- 19. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 42.
- 20. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 29.
- 21. ГАОПИКО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 205. Л. 58.
- 22. ГАОПИКО. Ф. П-100. Оп. 1. Д. 133.
- 23. ГАОПИКО. Ф. П-30. Оп. 1. Д. 267.
- 24. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 46.
- 25. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 64.
- 26. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 73.
- 27. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 265.
- 28. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 422.
- 29. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 423.
- 30. ГАКО. Ф. Р-3925. Оп. 2. Д. 5.

- 31. ГАОПИКО. Ф. П-69. Оп. 1. Д. 933.
- 32. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 432.
- 33. ГАОПИКО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 603.
- 34. ГАКО. Ф. Р-4272. Оп. 3. Д. 30.
- 35. ГАКО. Ф. Р-4366. Оп. 1. Д. 71.

Е. И. Челышева

Государственный историко-мемориальный Музей-заповедник «Сталинградская битва»

А. И. Авдюшкин

Государственный историко-мемориальный Музей-заповедник «Сталинградская битва»

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В АРХИВ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА – ФОНД ДОКУМЕНТАЦИИ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА «ГЕРОЯМ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ» НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

Аннотация. В статье дается обзор архивного фонда № 5 научного архива музея-заповедника «Сталинградская битва», созданного на основе новых поступлений в декабре 2021 г. Приводится анализ документов, история их появления, а также значимость для сохранения и использования коллективом музея.

Ключевые слова: Сталинградская битва; потери; захоронения; памятник-ансамбль.

После окончания строительства И официального открытия Памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане сотрудниками научно-исследовательского отдела (с 2010 г. – отдел поисковой работы) был накоплен обширный фактологический материал, касающийся судеб погибших и пропавших без вести защитников Сталинграда. В декабре 2021 г. его передали в отдел научно-исторической документации и библиотечных фондов и музейной экспертной комиссией фонда откнисп решение 0 создании нового «Документация, образовавшаяся в процессе деятельности Историкомемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане». Первое поступление в книгу учета внесено 3 февраля 2022 г. Систематизация единиц хранения В пределах данного фонда производилась с учетом хронологического, тематического, предметновопросного и географического признаков.

В настоящий период реестр описей фонда включил семь разделов:

- опись № 1 «Сведения о потерях в период Сталинградской битвы и увековечении памяти погибших воинов»;
- опись № 2 «Документы об авторском коллективе и истории строительства Историко-мемориального комплекса "Героям Сталинградской битвы" на Мамаевом кургане;
- опись № 3 «Тематические справки и методическая документация авторства сотрудников Историко-мемориального комплекса "Героям Сталинградской битвы" и других исследователей»;
- опись № 4 «Книги отзывов и предложений посетителей Историко-мемориального комплекса "Героям Сталинградской битвы" на Мамаевом кургане»;
- опись № 5 «Переписка по профильной тематике Историкомемориального комплекса "Героям Сталинградской битвы" на Мамаевом кургане»;
- опись № 6 «Отчеты о деятельности администрации Памятникаансамбля "Героям Сталинградской битвы" на Мамаевом кургане»;
- опись № 7 «Материалы об истории 46-й отдельной стрелковой роты Почетного караула (стрелковой роты Почетного караула в/ч 22220)».

Всего было сформировано 81 дело. Самый большой объем документации включила опись N 1 - 59 дел / 473 документа на 3 846 лл. о военнослужащих, погибших или умерших от ран в период Великой Отечественной войны И захороненных различных В Волгоградской области, а также в Кировском и Советском районах г. Волгограда. Информация представлена с указанием фамилии, имени и воинского наименования звания, части, даты захоронения, сведений о родственниках, в некоторых списках – только отдельные из перечисленных атрибутов. Большая часть поступлений – машинописные копии учетных данных, сделанные в 1960-х – 1970-х гг., переплетены, имеются ссылки, они документы ЧТО первоисточниками и подписи составителей – инспекторов Областного управления культуры – А. Рогаткиной и М. Карнуты. Некоторые документы подписаны райвоенкомами и служащими городских и районных военкоматов, которые вместе \mathbf{c} органами самоуправления и занимались систематизацией сведений о потерях и передачей их в администрацию Памятника-ансамбля на Мамаев курган.

Интересно и то, что часть именных списков кроме боевых потерь в период Великой Отечественной войны включает данные о погибших во время Гражданской войны — по Клетскому [1], Котельниковскому [2], Руднянскому [3], Жирновскому [4], Старополтавскому [5] районам Волгоградской области.

Учтены также и санитарные потери — воины, умершие от ран и болезней, захороненные в Кировском районе г. Волгограда [6], в г. Камышине [7], в населенных пунктах Дубовского [8], Калачевского [9], Суровикинского [10], Среднеахтубинского [11], Фроловского [12],

Котельниковского [13], Серафимовичского [14], Урюпинского [15] районов; умершие в военном госпитале № 415 в селе Эльтон Палласовского района [16], в инфекционном госпитале № 303 и сортировочно-эвакуационном госпитале № 1431 в хуторе Катасонов и селе Отрадном Михайловского района [17], в эвакуационном госпитале № 3238 и захороненные в рабочем поселке Елань [18]. Семь томов дел сформированы по Ленинскому району, бывшему в период Сталинградской битвы в Заволжье госпитальной базой — умершие и захороненные в г. Ленинск, селах Заплавное, Колобовка, Маляевка [19].

Среди переданных материалов к описи № 1 фонда № 5 отнесены списки воинов, погибших во время Сталинградской битвы, чьи имена увековечены на 34 символических мозаичных знаменах в Зале Воинской Славы на Мамаевом кургане [20]. Очень ветхий переплет, многочисленные порывы и замятости, страницы проклеены по мере износа бумажного носителя. Кроме того, сотрудники мемориала много усилий прикладывали, чтобы уточнять эти списки, в них вносились правки и дополнения. Датировку документов мы можем установить лишь приблизительно. По всей видимости, в процессе работы к середине 1970-х гг. из-за неудовлетворительного физического состояния возникла необходимость их обновления и, сверив существующий перечень с фамилиями на траурных знаменах, в 1979 г. его в том же порядке вновь воспроизвели на пишущей после директор Памятника-ансамбля машинке. чего Т. Дюндиков их заверил. Оба экземпляра объединены в архивное дело на 205 лл.

Во время строительства Памятника-ансамбля было принято решение о перезахоронении останков погибших воинов из братских могил на территории города на Мамаевом кургане. Вскрытие захоронений военного времени производилось рабочими конторы похоронного обслуживания в присутствии представителей Городского отдела Культпросветработы, Облвоенкомата и врача Горсанэпидстанции. Работы актировались, в наш архив поступили 32 акта, оригиналы этих документов датированы 1953-1965 гг. [21] Самый ранний по времени – от 30 апреля 1953 г., в этот день извлекли останки 65 погибших воинов в Тракторозаводском районе г. Сталинграда и перезахоронили в братскую могилу № 2 на Мамаевом кургане [21, л. 1]. Таким же порядком производились работы в Краснооктябрьском, Сталинском (ныне – Центральном) и Ворошиловском районах города. Отношение к памяти ушедших было очень уважительное – останки укладывали в отдельный гроб и препровождали к месту перезахоронения. 16 апреля 1959 г. заактировано вскрытие самых многочисленных братских могил вблизи Мамаева кургана: «На основании решения ГК КПСС и исполкома горсовета конторой похоронного обслуживания вскрыта братская могила, размером 17х25 м, расположенная у завода тракторных деталей и нормалей, из которой было извлечено 1 453 останков воинов Советской Армии, погибших в период Сталинградской битвы Комиссия проверила, что из вскрытой могилы шириной 17х25 м и глубиной 3–4 метра все останки погибших воинов извлечены» [21, л. 8]. Общий объем выполненных в эти годы работ был весьма существенным. В акте, составленном 30 ноября 1962 г., есть информация, что при производстве работ на проспекте Металлургов в Краснооктябрьском районе оказалось, что останки захоронены на большой глубине. Было вынуто 94 кубических м земли ручным способом [21, л. 18]. А в зимний период извлечение производить было еще сложнее, так как почва промерзала.

Представленные документы не теряют своей актуальности и в текущий период – как справочная база они востребованы для определения места захоронения, перезахоронения, а также выполнения необходимого алгоритма исследования по каждой персоналии. Ведь родственники погибших защитников Родины задавали и до сих пор задают вопросы о том, где покоятся их близкие, погибшие в годы Великой Отечественной войны.

Интересны датированные 1979 г. справочные материалы об авторах мемориального комплекса — Народном художнике СССР, скульпторе Евгении Викторовиче Вучетиче; Заслуженном архитекторе РСФСР Федоре Максимовиче Лысове; Заслуженном строителе РСФСР, Якове Борисовиче Белопольском [22].

В 1959 г. был утвержден «Генеральный план памятника-монумента на Мамаевом кургане». Проект представлен на фотографиях, оригиналы подписаны Е. В. Вучетичем и Я. Б. Белопольским [23]. Вид главного монумента — на высоком подиуме фигура женщины со знаменем в правой руке и коленопреклоненный воин [23, л. 3]. Площадь Героев названа Площадью павших бойцов [23, л. 9], на ней планировалось возведение мемориальной стены с именами павших [23, л. 11]. И терраса со зданием панорамы с Памятным залом [23, л. 12] — нынешним Залом Воинской Славы, в котором предполагалось разместить живописное полотно панорамы.

Среди новых поступлений в наш архив «Генеральная схема создания парков на Мамаевом кургане в г. Волгограде, 1962 г.» (копия). Главлесхозом РСФСР. Главный инженер Л. Е. Розенберг. В основу положены материалы проведенного почвенного, ландшафтного агролесомелиоративного обследования, территории. Важно, что в проекте сделан акцент на то, что зеленые массивы должны чередоваться в определенном ритме – для того, чтобы фокусировать восприятие скульптуры и создать необходимое укрытие посетителей от солнечных лучей и обеспечить для этого необходимую тень [24, л. 12]. Ландшафтные дизайнеры включили в проект оформление мемориала на Мамаевом кургане живописными группами из хвойных и краснолиственных форм деревьев и кустарников, а также цветочное оформление сальвией, геранью, бегонией, для весеннего периода - тюльпанами. На площадках перед скульптурами на площади Героев предлагалось высадить цветы, гармонирующие с серебристой гладью бассейна (незабудки, анютины глазки), на площади Скорби – плакучие ивы и красные полиантовые розы, холм у главного монумента оформить можжевельником казацким. Нижний парк «является мемориальным парком, отзвуком основной идеи комплекса в окружающем ландшафте. Парк состоит из серии взаимно увязанных между собой и зрительно нацеленных на главный монумент мемориальных участков, отражающих роль добровольцев, волжских водников и военных частей сухопутных и воздушных армий» [24, л. 14]. Проектом прописано и создание лесопарковой зоны (вплоть до нынешнего поселка Разгуляевка) с дорожнотропиночной сетью, которая бы объединила интересные видовые точки в единую композицию. Лесопарк задумывался как место тихого отдыха населения. Поэтому растения группировались таким образом, чтобы создать удобные и приятные места отдыха – лесные поляны и лужайки, оборудованные пикниковые и видовые площадки и т. д. К северу от телецентра предполагалось создать цепную серию водоемов [24, л. 16]. Проект прописывал рекомендации по подготовке почв, высадке растений и уходу за ними с расчетом поливной нормы.

Музейный архив пополнился и тематическими разработками авторства сотрудников Памятника-ансамбля – справочными материалами о персоналиях, увековеченных на мемориальных плитах [25]; о Героях Советского Союза за Сталинградскую битву [26]; биографическим очерками о военачальниках Сталинграда [27]; текстовыми материалами экскурсий по мемориальному комплексу и лекций о его создании [28, 29].

В настоящее время ведется описание вновь поступивших архивных дел, предстоит их каталогизация. Музей-заповедник «Сталинградская битва» предоставляет открытый доступ к архивным источникам и информационным базам данных для сотрудников и всех, кто обращается к нам с поисковыми запросами.

Источники и литература

- 1. Архив федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва» (далее Архив МЗСБ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 13.
- 2. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 19.
- 3. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 33.
- 4. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35.
- 5. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 37.
- 6. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1.
- 7. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 46.
- 8. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5.
- 9. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6–12.
- 10. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 14–16.
- 11. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 17.

- 12. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18.
- 13. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 19–20.
- 14. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 23.
- 15. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 38.
- 16. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 45.
- 17. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 49.
- 18. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 50.
- 19. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 52–58.
- 20. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1.
- 21. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 59.
- 22. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1.
- 23. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 2.
- 24. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 3.
- 25. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 10.
- 26. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 14.
- 27. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 15.
- 28. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 12.
- 29. Архив МЗСБ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 13.

О. В. Пигарева

доктор исторических наук Курская государственная сельскохозяйственная академия им. И. И. Иванова

И. А. Долженков

кандидат исторических наук Курская государственная сельскохозяйственная академия им. И. И. Иванова

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КУРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ

Аннотация. В статье проанализирована источниковая база Государственного архива Курской области, содержащая документы по истории Курской государственной сельскохозяйственной академии имени И. И. Иванова.

Ключевые слова: Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Иванова; Курский сельскохозяйственный институт; архивные фонды; исторические источники; история вуза.

Исследование истории высших учебных заведений становится все более востребованным в условиях актуализации проблемы сохранения исторической памяти и развития локальной истории, интеллигентоведения

как научных направлений. Вузы, создавая вокруг себя корпорацию поколений выпускников и преподавателей, способствуют консолидации общества и формированию коллективной исторической памяти. Особое внимание к истории вузов возникает в связи с юбилейными датами.

Прошедший 2021 г. стал юбилейным для одного из старейших вузов Центрального Черноземья — Курской государственной сельскохозяйственной академии имени И. И. Иванова (Курская ГСХА), которая отметила свое 70-летие. Вуз внес значительный вклад в подготовку кадров для агропромышленного комплекса страны и региона, в развитие научного знания, воспитание студенческой молодежи. Изучение и сохранение истории Курской ГСХА как центра образования, науки, культуры, обобщение информации о достижениях ее сотрудников, введение в научный оборот сведений биографического характера об ученых академии представляется актуальной задачей.

К юбилею вуза опубликован ряд научных статей, раскрывающих как историю академии в целом, так и судьбы отдельных сотрудников, внесших значительный вклад в развитие вуза [1, с. 173–184; 2, с. 263–279; 3, с. 140–150]. Подобная работа предполагает расширение источниковой базы, в том числе посредством введения в научный оборот новых исторических источников. Особый интерес представляют архивные материалы фонда Р-723 «Курский сельскохозяйственный институт» Государственного архива Курской области (далее – ГАКО).

Фонд Р-723 включает 5 709 ед. хр. Архивные дела содержат документы за 1954—2005 гг. Корпус источников представлен комплексом документов, которые можно разделить на несколько групп.

группу включены документы распорядительного характера и деловой переписки с министерствами и ведомствами (Министерство сельского хозяйства СССР – Министерство сельского Российской Федерации, хозяйства Главное управление сельскохозяйственных вузов – Главное управление высшего и среднего сельскохозяйственного образования, Министерство высшего и среднего специального образования СССР и др.), а также с областными и городскими партийными и исполнительными органами. Документальные источники данной группы включают постановления, приказы, решения, инструкции, протокольную документацию, относящуюся к деятельности вуза, письма, финансовую отчетность. Все указанные документальные источники позволяют провести анализ государственной политики в сфере кадров, аграрных начиная с периода послевоенного подготовки восстановления народного хозяйства, и оценить вклад Курской ГСХА в развитие сельского хозяйства страны и региона.

Вторая группа включает протокольные документы заседаний Ученого Совета вуза, приказы ректора, финансовую отчетность. Документы данной группы отражают внутреннюю политику вуза,

приоритеты руководства, позволяя оценить стратегию развития учебного заведения на различных исторических этапах.

В третью группу включены распорядительные документы учебного управления, годовые планы работы, отчеты, протоколы заседаний кафедр и других структурных подразделений и др. Документы обладают большой исторической ценностью, поскольку полно отражают работу факультетов, кафедр, деятельность конкретных преподавателей; анализ документов данной группы позволяет изучить учебно-методическую работу вуза.

Четвертую группу составляет комплекс документов, раскрывающих научную работу вуза в целом, в том числе его роль в решении сельскохозяйственных проблем страны и региона, а также научно-исследовательскую деятельность конкретных преподавателей. Исторические источники представлены тематическими планами научно-исследовательской работы вуза, кафедр, отчетами и др. Достаточное число документов этой группы представлено рукописями статей ученых и материалами, раскрывающими обсуждение новых научных направлений, разрабатываемых учеными вуза.

К **пятой группе** отнесены документы, освещающие деятельность вуза по воспитанию студенческой молодежи, работе факультета общественных профессий, культурно-массовым мероприятиям и спортивной жизни академии.

ГАКО отложилась обширная материалах информация становлении высшего сельскохозяйственного образования в Курской области. В первую очередь необходимо выделить материалы деловой Министерством высшего И среднего переписки специального образования СССР, Министерством сельского хозяйства СССР, Главным управлением сельскохозяйственных вузов, раскрывающие факторы, детерминировавшие создание сельскохозяйственного института в Курской сельскохозяйственного Открытие регионе обусловлено потребностями страны и Центрально-Черноземного региона, в частности, в восстановлении разрушенного в ГОДЫ Отечественной войны сельского хозяйства.

Ситуация с квалифицированными аграрными кадрами в Курской области была сложной. Из документов узнаем, что в 1949 г. в районных отделах сельского хозяйства и МТС из 1 754 агрономов только 166 имели высшее образование; из 4 977 колхозов лишь в 64 были агрономы; из 624 зоотехников районных отделов сельского хозяйства и зооветучастков с высшим образованием было 58 человек. Из 1079 механиков, работавших на МТС, высшее образование имели только 3 человека [7, л. 2–3]. Помимо обеспечения потребности в квалифицированных специалистах для сельского хозяйства Курской области, как свидетельствуют архивные материалы, Курский сельскохозяйственный институт был «призван обслуживать... также Белгородскую, Орловскую, Липецкую, Тамбовскую, Брянскую» [7, л. 9].

Длительное время отсчет истории Курской ГСХА вели с 1956 г. Благодаря изучению архивных документов ГАКО только на рубеже 1990-х -2000-х гг. была восстановлена историческая справедливость: датой 1951 создания вуза стали считать Γ. Так, традиционно «основообразующим» документом считался изданный 29 февраля 1956 г. Министерством высшего образования СССР приказ № 200 об открытии в городе Курске сельскохозяйственного института в 1956–1957 учебном году. Свой первый юбилей – десятилетие создания – вуз отметил в 1966 г., о чем свидетельствуют находящиеся на хранении в материалах фонда Р-723 документы (поздравительные телеграммы, материалы заседаний Ученого Совета вуза и др.) [11; 12]. Постановление парткома вуза от 22 июля 1971 г. «О подготовке к 15-летию института» датой проведения юбилея мероприятий честь праздничных В сельскохозяйственного института определило 31 августа 1971 года, что также отсылает нас к 1956 г. как времени основания вуза [7, л. 1].

В конце 1990-х гг. в процессе работы по подготовке к публикации очерков по истории академии, проводившейся под руководством ректора профессора Владимира Дмитриевича Мухи, в ходе работы с архивными документами в ГАКО кандидат исторических наук, доцент Николай Григорьевич Кононов обратил внимание на документ об открытии вуза в Курске, подписанный И. В. Сталиным 15 мая 1951 г. Это было Постановление № 1618 Совета Министров СССР «Об организации сельскохозяйственного института в Курской области».

Дальнейшая работа с документами позволила выяснить, институт был открыт на территории дома отдыха «Марьино» в Рыльском Курской области. Директором назначен сельскохозяйственных наук Николай Иванович Солодовников. В состав Курского сельскохозяйственного института тогда входили три факультета: агрономический, гидромелиоративный и механизации сельского хозяйства, на которые было принято 275 студентов. Однако в 1951 году занятия в Курском сельскохозяйственном институте не были начаты, поскольку посчитали целесообразным приблизить институт к административнохозяйственному центру области. Соответствующее распоряжение № 15826-р было издано 30 августа 1951 г. Советом Министров СССР, переведены в Воронежский сельскохозяйственный студенты были институт.

Как следствие, в 2001 г. Курская государственная сельскохозяйственная академия отметила свое 50-летие.

Отметим, что в 1971 г. была подготовлена подробная «Историческая справка Курского сельскохозяйственного института им. профессора И. И. Иванова», в которой обобщен материал с момента инициативы организации вуза до июля 1971 г., представлены как обобщающие тексты по истории института, так и подлинники многих документов [7, л. 1–9].

Научный интерес вызывают представленные в фондах ГАКО первый Устав Курского сельскохозяйственного института [4, л. 37–54], отчет преподавателей Главсельхозвузов по проверке и изучению опыта организации научно-исследовательской работы института за 1959 год [5, л. 1–8], справка об истории кафедры акушерства и основ ветеринарии за 10 лет, составленная в 1967 году [6, л. 1–2], и комплекс других документов, анализ которых способствует изучению истории вуза в целом и его подразделений в частности, позволяет существенно дополнять достоверными историческими фактами материалы, выполняемые в жанре биографии ученого.

Архивные документы позволяют восстановить историю формирования профессорско-преподавательского состава вуза, развитие факультетов и кафедр. Изначально профессорско-преподавательский состав Курского СХИ был создан в Москве. Результаты конкурсного оформлены приказом Главному отбора были ПО **управлению** сельскохозяйственных вузов Министерства высшего образования СССР от 16 июля 1956 г., приказом по Министерству сельского хозяйства от 3 августа 1956 г. Первые решения Ученого Совета Курского сельскохозяйственного института по результатам конкурсного отбора были приняты в сентябре 1956 года. В целом штатное расписание на 1956-1957 учебный год определило 11 преподавателей. [7, л. 7, 10]. Изучение материалов фонда Р-723 свидетельствует о ежегодных (что отражено в распоряжениях учредителя) изменениях в количественном составе и наименованиях кафедр. Так, в 1957 г. в связи с открытием второго курса в соответствии с приказом Министерства высшего образования СССР № 560 от 16 мая 1957 г. были созданы новые кафедры: высшей математики и физики с курсом метеорологии; ботаники, растениеводства, физиологии микробиологии; растений курсом анатомии физиологии сельскохозяйственных животных c курсом зоологии; земледелия, почвоведения, агрохимии [7, л. 11]. Постоянная реструктуризация связана с расширением подготовки в вузе по конкретным специальностям, переименованием, наоборот, разукрупнением И, объединением малочисленных кафедр.

Документы ГАКО позволили уточнить дату начала подготовки в вузе кадров высшей квалификации. Долгое время датой открытия аспирантуры в Курской ГСХА считался 1970 г. Однако изучение архивных документов позволило сделать вывод, что подготовка аспирантов в Курском сельскохозяйственном институте велась с 1960 г. Находящиеся на хранении в ГАКО протоколы заседаний приемной комиссии института по допуску к экзаменам в очную аспирантуру, датированные 5 января 1960 - 14 ноября 1962 гг., отчеты свидетельствуют, что в 1961 году по очной форме обучались 2 человека, по заочной -4 [8; 9, л. 4, 8].

Утвердившиеся приемы изучения и анализа архивных источников в сочетании с современными методиками, используемыми в истории

локальной истории, повседневности, значительно повышают историческую значимость документов, раскрывающих научную деятельность ученых вуза. В частности, архивные документы расширяют сведения о научной деятельности Сергей Ксенофонтовича Цыганкова – одного один из первых преподавателей Курского сельскохозяйственного института, основателя энтомологической науки в Курской области, первого декана факультета защиты растений как всесоюзного флагмана подготовки специалистов такого профиля. Научный интерес представляют «Заметки доцента Цыганкова С. К. по биоэкологии некоторых вредителей черной смородины и меры борьбы с ними» [10, л.18].

Анализ материалов позволил всесторонне изучить весь спектр деятельности Курской ГСХА. Многообразие документальной базы представленных в фонде Р-723 архивных материалов, их видовое разнообразие позволяют говорить о полноте информации по истории Курской ГСХА. Детальное изучение архивных документов значительно расширило источниковое поле по истории академии, позволив дополнить историографию темы.

Источники и литература

- 1. Харченко Е.В., Пигорева О.В., Никитина С.В. История академии в лицах: 1962—1973 годы (70-летию Курской ГСХА посвящается) // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2021. № 3.
- 2. Пигорева О.В., Зайцев Ю.Е. Диалог ректоров: 70-летию Курской ГСХА посвящается // Славянский форум. 2021. № 3.
- 3. Пигорева О.В., Зайцев Ю.Е. Сотрудники Курской ГСХА ветераны Великой Отечественной войны и труженики тыла: проект «Аллея Славы» // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2021. № 4.
- 4. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 14.
- 5. ГАКО. Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 125.
- 6. ГАКО. Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 642.
- 7. ГАКО. Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 1374.
- 8. ГАКО. Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 217.
- 9. ГАКО. Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 348.
- 10. ГАКО. Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 75.
- 11. ГАКО. Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 588.
- 12. ГАКО. Ф. Р-723. Оп. 1. Д. 589.

Р. А. Никуленкова

Оренбургский государственный педагогический университет

РОЛЬ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ГБУ «ОБЪЕДИНЕННЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ» В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА 1960-х — 1970-х ГОДОВ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ

Аннотация. Актуальность данной статьи обусловлена тем, что роль историческом документов исследовании В основополагающей и не утратила своей значимости. В работе уделяется внимание понятиям «архив», «социальная политика». Документальной базой статьи являются архивные источники. Автор останавливается на специфике использования материалов относящихся К политике, проводимой в Оренбургской области в годы политического лидерства Л. И. Брежнева. Уделяется внимание таким компонентам образование, социальной политики как здравоохранение, социальное страхование. Делается вывод о том, что исследователю важно использовать и критически относиться к данным документам, а также, уметь анализировать и сопоставлять каждый источник.

Ключевые слова: архив; Оренбургская область; социальная политика; образование; здравоохранение; социальное обеспечение; источники.

Одна из отличительных черт общественного сознания и научной культуры современного мира – интерес к архивам и ретроспективным информационного общества Формат не препятствует сохранению традиционных функций архива, а наоборот позволяет их при соответствующем участии человека. соблюдать Здесь важна идентификация человека не только через функцию пользователя, но и как личность, как живое начало культуры, – тогда архив будет ему необходим и в традиционном своем виде и будет выступать не только как объект человеческой деятельности по самоидентификации, но и как инструмент. Выдающийся историк, ученый С. О. Шмидт в одной из своих работ пишет, что «возрастающий интерес к богатствам архивов – это залог возрастания роли архивов в формировании общественного сознания, исторической памяти народа» [8, с. 93]. Исторические документы всегда являются основополагающим элементом в исследовании и показывают то, что ученый подошел к изучению своей темы серьезно и основательно. Такие известные историки XVIII в., как В. Н. Татищев, М. Н. Щербатов, М. В. Ломоносов активно использовали своих др. В первоисточники по каждой отдельной теме. Архив - это

бесценными источниками, которое должен посетить любой исследователь, ведь большинство уникальных материалов общественно-политической деятельности известных людей и факты исторических событий хранятся именно здесь. В этом и заключается значение архива как источника научного познания и социально-философского осмысления исторических событий, достижения материальной и духовной культуры, преемственность связей поколений у каждого народа и социального прогресса общественной жизни.

Социальная политика — важный элемент внутренней политики государства, при котором обеспечивается связь государства и населения, направленная на защиту всех элементов структуры общества, а также, содержит стратегические установки на удовлетворение потребностей граждан. В основу проводимого в социальной сфере курса в конце 1960-х — начале 1980-х гг. была положена задача повышения материального уровня советских граждан. Общепринято считать, что сферами социальной политики считаются следующие: образование, здравоохранение, жильё и социальное страхование (включая пенсионное обеспечение и индивидуальные социальные услуги).

Важнейшим источником по данной теме является официальная документация партии и органов государственной власти. Речь в данном случае идет как об анализе материалов партийных съездов, партийных конференций и протоколов заседаний Пленумов ЦК КПСС в изучаемый период, так и документации государственных органов власти: материалов, касающихся работы Верховного Совета CCCP, постановлений Совета Министров и т. д. Также при изучении данной темы важно обращаться и к фондам архивных хранилищ. В данном случае, интерес представляет информационно насыщенный фонд 371 Оренбургского областного комитета. Следует отметить, что данный фонд включает в свой состав 98 описей и 71 769 дел по всем направлениям деятельности областной партийной организации с 1934 года по 1991 год [1, с. 43]. Каждый из документов отражает роль партийных организаций во всех сферах жизни Оренбургской области, одним из которых является социальное и бытовое положение населения.

Рассмотрим каждое из направлений социальной политики. Начнем с одного из важнейших — образование. Л. И. Брежнев отмечал о том, что в образовании важен комплексный подход к вопросам обучения и воспитания. Это теоретическое положение получило конкретное воплощение в постановлении ЦК КПСС по Орскому горкому партии, которое является, по существу, программой практической деятельности органов народного образования и всех педагогических коллективов [2, л. 1].

В рассматриваемых документах отмечается, что главный труд для ученика — это его учеба. Поэтому первостепенная задача педагогических коллективов, комсомольских и пионерских организаций — воспитание у

школьников ответственного и сознательного отношения к учебе и труду. Ведущая роль принадлежит уроку, однако, важно качество преподавания того или иного предмета, так как от этого будет зависеть глубина знаний учащихся. Каждый урок должен способствовать развитию познавательных способностей школьников, воспитывать любовь к труду, глубокое уважение к людям труда, а также готовность трудиться в сфере материального производства. Данные аспекты будут зависеть от того, насколько подготовлен учитель, так как только он может научить тому, что сам знает. Сильные, хорошие учителя воспитывают умных и хороших ребят.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР подчеркивается о важности подготовки молодежи к труду в сфере материального производства, к обоснованному выбору профессии. И начинать следует со школьной скамьи. Задача должна быть осознана учителями, учащимися и их родителями. Многие школы накопили богатый опыт трудового воспитания учащихся. К примеру, педагогический коллектив Дедуровской школы — лауреат премии Ленинского комсомола и правление колхоза имени Кирова совместными усилиями проводят продуманную систему трудового воспитания, начиная с дошкольного возраста.

По итогам 1976—1977 учебного года свыше 80 % старшеклассников сельских школ (почти 9 тыс.) вместе с аттестатом о среднем образовании получили документ на право вождения трактора, автомобиля и комбайна [2, л. 4]. Далее, в справке отмечается, что благодаря постоянной помощи партийных органов, исполкомов местных Советов народных депутатов достигнуты некоторые результаты в укреплении учебно-материальной базы школ и иных учреждений народного образования, выполнении закона о всеобуче, в повышении уровня учебно-воспитательной работы и работы с кадрами. Хорошо сохраняется контингент учащихся 1—8 и 9—10 классов в г. Медногорске, Бугуруслане, Бузулукском, Ташлинском, Шарлыкском районах.

Анализируя архивные источники относительно образовательной политики, напрашивается вывод о том, что данному компоненту социальной политики в период с конца 1960-х по начало 1980-х гг. действительно уделялось особое внимание. Одна из важнейших проблем в школьном образовании — проблема в педагогических кадрах, так как область ощущала нехватку учителей физики, математики, иностранного языка, в особенности в сельских школах. Более 200 студентовпрактикантов работали учителями в 1967 г. в области. В документе высказывается причина, почему так плохо обстоят дела с педагогическими кадрами в школах — «учителей, как правило, не хватает там, где о них не заботятся». Это замечание высказано в адрес Беляевского и Соль-Илецкого районов. Партийные, советские и профсоюзные органы, руководители школ должны постоянно проявлять заботу о создании каждому учителю

нормальных жилищно-бытовых условий, предоставления льгот тем, кто работает в сельской школе. Примечателен тот факт, что в 1965 г. из школ Гайского района выбыли 103 учителя, в том числе из п. Гай 14 учителей [2, л. 25]. Объясняется это тем, что на территории Гайского районе имеются воинская часть и геологическая экспедиция. Выбыли по причине перевода мужа или переезда к мужу 30 жен военнослужащих и геологов. Перешли на работу в горно-обогатительный комбинат и сельское хозяйство Освобождены временно работавшие 18 человек. преимущественно бывшие десятиклассницы. Выбыли по болезни 7, ушли на пенсию 4 человека. Однако проверка показала, что ни райком, ни районный отдел народного образования не анализировали причины текучести учительских кадров. Состояние образования зависело территории, от того, насколько отдел образования региона заинтересован в педагогических кадрах.

Таким образом, это позволяет сделать вывод о том, что образованию уделялось должное внимание, так как школьникам создавались условия и для образования, и для культурного воспитания в период с 1965–1985 гг., но спорным оставался вопрос обеспечения школ педагогическими кадрами. Но, несмотря на все это, был сделан скачок вперед для благосостояния и улучшения жизни советского общества, а также разработанные меры были нацелены на строительство в СССР «государства благоденствия».

Следующий компонент в изучении социальной политики советского государства в период политического лидерства Л. И. Брежнева здравоохранение. О том, как дело обстояло с медицинскими кадрами в Оренбургской области, мы можем увидеть исходя из данных справки о ходе выполнения постановления бюро обкома КПСС от 11 июля 1974 г. «О работе областного отдела здравоохранения по подбору, расстановке и воспитанию руководящих кадров в свете требований КПСС» [3, л. 2]. В справке отмечается, что в области к 1974 г. работает 4 558 (4 341) врачей, 14 794 (14 852) средних медицинских работника, среди работников здравоохранения – 40 заслуженных врачей РСФСР, 3 363 награждены орденами и медалями СССР, 257 награждены значком «Отличнику здравоохранения». Обеспеченность врачами по области составляет 21,1 на $10\,000$ человек, в том числе в городах -23, в селе -10.5 (средняя обеспеченность в РСФСР – 31,6 на 10 000 человек). Однако наблюдалась низкая укомплектованность врачебными кадрами к 1975 г. в г. Бузулуке, Орске, Александровском, Асекеевском, Абдулинском, Шарлыкском районах [3, л. 3].

Внимание привлекает и то, что облздравотдел совместно с мединститутом разработали план работы по внедрению новейших достижений медицинской науки и передового опыта в практику здравоохранения. В документе отмечается, что в целях обмена опытом работы проведено 36 научно-практических конференций, семинаров.

Совершенствование материально-технической базы учреждений здравоохранения, количественный и качественный рост медицинских совершенствование организационных форм медицинского обслуживания населения способствовали улучшению ряда качественных показателей здоровья граждан. За 1970-1974 гг. в Оренбургской области снизилась заболеваемость с временной утратой трудоспособности на предприятиях всех отраслей промышленности, кроме автотранспортной и строительной. Наметилась тенденция к снижению заболеваемости и в металлургической промышленности за 1970–1975 гг. Снижены дни среди работников совхозов. Выход на первичную инвалидность уменьшился с 5 % в 1971 г. до 4 % в 1975 г. [4, л. 5].

Однако, со второй половины 1970-х гг. в области финансирования происходят изменения, которые предполагали, по остаточному принципу выделять деньги на социальные программы – выделялось то, финансирования тяжелой ОТ индустрии, обороны социальные нужды. Следовательно, не было экономической основы для решения социальных проблем, в результате, становлению социально ориентированной экономической политики мешала осторожность нововведений, боязнь ущемить интересы ведомств растущим самоуправлением трудовых коллективов. Важным элементом реализации курса на совершенствование развитого социализма явились попытки экономическую составляющую В стране путем научнотехнического прогресса.

Однако, к 1981 г. ситуация немного изменяется в Оренбургской области относительно врачей-стоматологов. В области их уже не хватало. Это подтверждает письмо-прошение секретаря обкома КПСС министру здравоохранения РСФСР, в котором отмечается, что в Оренбургской области недостает 476 врачей, в том числе в сельской местности – 160. Область всего на 30 % укомплектована врачами-стоматологами [5, л. 1]. За десятую пятилетку облздравотдел просил направить в область 350 врачей-стоматологов. Министерство здравоохранения включило в план распределения 132, а закрепилось в области всего 75 врачей. В 1981 г. заявка была оформлена на 70 врачей-стоматологов, по плану Министерства распределено 35, доехало лишь 16 человек [6, л. 29]. Это говорит о том, что открытие своего факультета в Оренбургском медицинском институте было необходимым для обеспечения области высококвалифицированными медицинскими работниками области стоматологии.

Большое количество документов посвящено и социальному страхованию (включая пенсионное обеспечение и индивидуальные социальные услуги). В Оренбургской области в партийных отчетах указывается, как решался вопрос социальной обеспеченности инвалидов войны. В отчете бюро Оренбургского обкома КПСС и исполкома областного Совета депутатов трудящихся от 27 августа 1974 г. «О ходе

выполнения постановления партии и правительства об улучшении материально-бытового обеспечения инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих» отмечается, что выполняя данное постановление бюро райисполкомов организовали обследование инвалидов войны и их семей, то есть посещали их на дому, выявляли их нужды [6, л. 31].

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1973 г. были повышены размеры государственных пенсий более 600 инвалидам войны рядового и сержантского состава и 500 семьям погибших воинов. Всем инвалидам войны выданы удостоверения для бесплатного проезда на транспорте, 336 инвалидам первой и второй группы вручены книжки талонов на право получения проездного билета со скидкой 50 % по железной дороге в летнее время и предоставлена льгота, предусмотренная решением Совета Министров СССР. На базе лагеря «Геолог» отдохнули 75 человек. Обеспечены жильем и получили благоустроенные квартиры 60 семей войны и 31 семья погибших воинов. В поликлиниках Оренбургской области инвалиды Отечественной войны обслуживались очереди. Bce вне они охвачены диспансерным наблюдением, проводилась их первоочередная госпитализация [7, л. 1–2].

В другом постановлении бюро Оренбургского обкома КПСС 1974 года говорится о том, что на 1 января 1974 года в очереди на получение квартир стояло инвалидов Великой Отечественной войны — 315 и семей погибших военнослужащих — 646. За истекший год было выделено — 339 квартир инвалидам, семьям погибших военнослужащих — 287 квартир, также были улучшены жилищные условия 85 инвалидам и 135 семьям погибших военнослужащих. Таким образом, на 1 января 1975 г. оставались в очереди на получение квартир и улучшение жилищных условий — 657 инвалидов и семей погибших военнослужащих. Отделами социального обеспечения, колхозами, совхозами и предприятиями инвалидам и семьям погибших воинов оказывалась материальная денежная помощь. За истекший год было выделено денежных средств инвалидам 43 370 рублей и семьям погибших — 12 521 рублей [7, л. 6].

Государство всячески старалось гарантировать социальную защищенность инвалидам и семьям Великой Отечественной войны. Для Советского государства это было одной из целей — обеспечить всем необходимым данную категорию граждан.

Таким образом, в изучении социальной политики, проводимой в Оренбургской области, большую роль для исследователя играет использование архивных документов фонда 371, представленный в ГБУ «Объединенный Государственный Архив Оренбургской области», который содержит огромное количество документов, позволяющих объективно подходить к данной теме. Архивные источники создают полную картину о рассматриваемой проблеме и показывают, на сколько был важен тот или иной вопрос в политике государства в рассматриваемый

период. Также, данные документы являются памятью истории и совокупностью фактов, событий прошлого. Поэтому, при объективном и внимательном подходе к данным источникам, исследователь может получить ценную информацию по изучаемой теме, в особенности по социальной политике.

Источники и литература

- 1. Оренбургский государственный архив социально-политической истории. Путеводитель. Оренбург, 2018.
- 2. Объединенный архив Оренбургской области (далее ОГАОО). Ф. 371. Оп. 67. Д. 109.
- 3. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 65. Д. 109.
- 4. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 65. Д. 119.
- 5. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 80. Д. 97.
- 6. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 38. Д. 176.
- 7. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 65. Д. 105.
- 8. Шмидт С.О. Архивы и историки-любители // Памятники письменности в культуре познания истории России. В 2 т. М., 2009. Т. 2. От Карамзина до «арбатства» Окуджавы. Кн. 1.

Д. М. Носов

Юго-Западный государственный университет

СЛУЖБА ТАКСИ В ГОРОДЕ КУРСКЕ: СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ (1960-е – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1980-х гг.)

Аннотация. Настоящее исследование впервые в краеведческой литературе освещает вопросы, связанные функционирование службы такси в городе Курске и области. Показаны основные направления развития, а также формирование службы.

Ключевые слова: такси; таксомоторный парк; Курск; исторические источники.

В отличие от автобусного сообщения и электротранспорта такси хоть и относится к общественному транспорту, но никогда не играло принципиально важного и принципиального значения для перевозок населения. В массовом сознании советских людей пользование услугами такси могло быть оправданным только определенной, непреодолимой необходимостью. Подтверждением данному факту являются различные отсылки в художественных произведениях, в частности, в кинематографе. Например, в комедии Л. Гайдая «Бриллиантовая рука» героиня Нонны

Мордюковой Варвара Сергеевна Плющ произносит в адрес Семена Семеновича Горбункова (Юрий Никулин), пользовавшегося услугами таксомотора, следующую фразу: «Наши люди в булочную на такси не ездят». По мнению некоторых ученых, занимающихся исследованием советской повседневности 1960-х гг., данная модель восприятия услуг такси была характерна для массового сознания советских граждан [1, с. 181–190].

Тем не менее, в течение исследуемого нами периода отношение к услугам такси постепенно менялось. Появившись на территории России впервые в Санкт-Петербурге в 1906 г. [2, с. 117–124], легковой таксомотор в массовом сознании воспринимался как элитный вид транспорта, но пользовавшийся большой популярностью у респектабельной части столичного социума. Однако в провинциальных городах такси начали появляться уже в советский период и преимущественно в послевоенные годы.

Такси в городе Курске начало свою работу в марте 1960 г. [3, 31 марта]. Обслуживало таксомоторный парк Курское пассажирское автопредприятие № 1 (ПАТП № 1). Изначально таксомоторы в Курске работали исключительно подбором пассажиров на улицах города и на специально разрешенных площадках города. Таковых было немного:

- Привокзальная площадь;
- площадь Перекальского;
- площадь у Северной автостанции;
- площадь у Южной автостанции;
- стоянка в районе Центрального рынка [4, 3 апр.].

Данные площадки были выбраны не случайно: это были точки в городе, где концентрировался наибольший пассажиропоток, что позволяло существенно экономить горючее; таксисту не требовалось разъезжать по городу в поисках клиентов, клиенты сами подходили к шоферам и Олнако такой способ договаривались поездке. организации пассажироперевозок вызывал множество нареканий не только со стороны потребителей услуги (многие таксисты существенно завышали цены поездок, особенно для иногородних клиентов), но и со стороны ПАТП № 1, которое занималось обслуживанием машин: многие водители, ссылаясь на отсутствие пассажиров, оставляли часть выручки себе. Поэтому уже в 1961 г. была организована диспетчерская служба такси, которая должна была контролировать работу таксопарка города, принимая заказы на перевозки и отслеживая перемещения автомобилей по Курску [5, Услуга вызова и предварительного заказа такси стала пользоваться большой популярностью у горожан и гостей города, что середине 1960-х гг. организации круглосуточной диспетчерской службы. Такая появилась в городе в 1964 г.

Она стала сразу пользоваться большим спросом у курян. Однако довольно быстро стало понятно, что круглосуточная служба такси в городе

была не настолько востребована, как того требовала общественность: в ночное время такси никто не заказывал, были ночи, когда не поступало вообще никаких заказов, поэтому, начиная с 8 ноября 1964 г. служба такси в городе работала с 6 утра до 24 часов ночи. Но после того, как она была ликвидирована, в «Курскую правду» стали поступать жалобы: куряне не могли попасть к ночным поездам [6, 4 февр.].

Во многом эти факты объясняют низкое качество обслуживания пассажиров, которое явно не соответствовало непрерывно возрастающим потребностям населения города в перевозках. Так, К коэффициент использования таксомоторного парка за І-й квартал 1965 г. составил 98,5 %. В ходе проверки, организованной в связи с выявлением вышеизложенного факта, контролирующие органы установили, что по вызову клиентов за начало 1965 г. не явились 45 таксомоторов и данные клиенты не были обслужены, причем в книге учета заказов выезда автомобилей к клиентам графа о выполнении заказов не заполнялась, поэтому точно установить невыполнение заказов не представлялось возможным. Единственным показателем халатного отношения со стороны водителей к своей работе могли служить жалобы, которых за первые месяцы 1965 г. было зарегистрировано восемь. Все жалобы контролерами были признаны справедливыми и обоснованными, и большая их часть касалась неудовлетворительного состояния автомобильного парка. Только за 1964 г. имели место 970 заездов и возвратов таксомоторов с линии в гараж по техническим неисправностям с общей затратой времени на их устранение в 3 248 часов, от чего чистый убыток автохозяйства составил 7 229 рублей. За два месяца 1965 г. произошло 124 заезда, из-за которых были потеряны 453 часа, а чистый убыток составил 953 рубля.

Но и устранение поломок оставляло желать лучшего: только в ходе одной проверки, проведенной 26 марта 1965 г. из 40-а осмотренных таксомоторов 25 оказались технически неисправными, в том числе 16 машин с дефектами, угрожающими безопасности движения.

Не менее серьезной проблемой для таксомоторов являлась низкая производственная дисциплина водителей. За 1964 г. работниками контрольно-ревизионной службы было выявлено 244 нарушения пассажирских перевозок и присвоения денег шоферами таксомоторов. Среди них особенно злоупотребляли водители Хальзиев, Алтухов, Реутов, Коробкин, Ключко и др. [7, л. 27–30].

Помимо этого, вызывала большие нарекания подготовка водителей такси, которая оставалась на довольно низком уровне. Только за 1965 г. по вине таксистов в городе были совершены 15 автотранспортных происшествия, в том числе четыре крупные аварии, повлекшие за собой гибель людей [7, л. 35]. Имела место практика приема на работу неопытных шоферов без водительского стажа или же имевших административные наказания за вождение автомобилем в нетрезвом состоянии.

Однако переломить ситуацию у руководства ПАТП № 1 не было возможности: зарплаты водителей на предприятии в середине 1960-х гг. составляли в среднем около 100 рублей. Не был организован быт водителей: отсутствовали комнаты отдыха, столовая, душевые, гаражи и мастерские не отапливались в зимнее время. Подобные условия в совокупности с низкими заработными платами не могли привлечь на работу на предприятие опытных водителей со стажем. И это при том, что официально в ПАТП № 1 все вакансии на середину 1965 г. были заняты. Всего в парке работали рабочих и служащих 314 человек, водителей такси – 140 человек, водителей служебного парка – 61 человек, ремонтных рабочих – 72 человека. При этом водителей первого класса работало 106 человек, второго класса – 79, третьего – 16 [8, л. 75–76]. Как отмечалось составителями данного кадрового отчета, большая часть сотрудников ПАТП № 1 работала на предприятии менее года, что создавало серьезные проблемы для его функционирования: начиная от некачественного ремонта подвижного состава, заканчивая незнанием водителями городских улиц, что создавало серьезные проблемы во время некоторых поездок.

Поэтому кардинально улучшить ситуацию во второй половине 1960-х гг. у руководства предприятия, по нашему мнению, не было возможности даже несмотря на постоянное пополнение парка такси новыми автомобилями.

В марте 1965 г. в таксомоторный парк Курска поступили новые пять автомашин для службы такси [6, 11 марта]. Однако в целом во второй половине 1960-х гг. состояние таксомоторного парка было очень плохим. Так, в сентябре 1966 г. таксомоторный парк города Курска подвергся сплошной проверке, в ходе которой было установлено, что из 75 проверенных автомобилей 36 имели дефекты, а 27 % таксомоторов вообще была запрещена эксплуатация, так как выявленные дефекты угрожали безопасности движения [9, л. 159]. Согласно выявленным сведениям, на 1 мая 1966 г. в распоряжении курского таксомоторного парка было 180 автомашин, из которых самих такси 114 автомашин (108 марки М-21 и 6 ГАЗ-12), остальные — это служебный парк и хозмашины. Поэтому стоит рассматривать проблему плохой технической оснащенности курского таксопарка как основную в начале исследуемого нами периода.

Однако, несмотря на плохую техническую оснащенность и проблемы с кадрами, рентабельность работы таксомоторного парка в Курке была достаточно высокой. Это было связано с несовершенством сети общественного транспорта города, когда значительные по площади районы были удалены от основных транспортных магистралей, поэтому жителям приходилось пользоваться услугами такси, чтобы добраться до дома, особенно в вечернее и ночное время. Для примера, за период с 1963 по 1967 г. по техническим причинам из парка были выведены 17 единиц

таксомоторов, которые в обозначенный период не были заменены новыми автомобилями, но при этом платный километраж увеличился за тот же период на 104,5 %, что позволило перевозчику дополнительно ежегодно получать по 16 тыс. рублей [10, л. 74]. Достигались такие показатели в том числе и за счет интенсивного использования автопарка, который работал в шесть смен: первая начинала работу в 5 утра, последняя в 23 часа [8, л. 75–76].

В целом же, отмечая работу таксомоторного парка в годы VIII-й пятилетки (1965–1970 гг.), стоит обратить внимание, что за этот период значительно были увеличены объемы работы такси: так, план по платным перевозкам за пятилетку был выполнен на 115,8 %. В основном план выполнялся за счет ночных перевозок, поэтому за данный период количество таксомоторов, работавших в ночную смену, увеличилось вдвое: с 15 до 30 машин [11, л. 57]. При этом, за эти годы таксопарк пополнился 33 новыми более комфортными таксомоторами, при том, что они так и не смогли в полной мере компенсировать списание отработавших свой срок эксплуатации такси [12, л. 89]. Однако автомобилей, обслуживающих областной центр не хватало: по меньшей мере требовалось не менее 300 машин, а имелось только 125. Для того чтобы компенсировать недостаток таксомоторов автомобили работали в две смены, что, в свою очередь, приводило к более быстрому изнашиванию автомобилей [11, л. 155–156; 13, л. 82].

Для улучшения обслуживания населения Курска легковыми таксомоторами на 34-х из 125-и имевшихся такси были установлены рации. Это позволило более оперативно и своевременно выполнять заказы населения на перевозки: подача таксомоторов по срочным заказам происходила в течение 15–20 минут. Данный опыт получил достаточно широкое распространение: уже за 1970 г. из 43 043 заказов такси 23 239 были выполнены радированными таксомоторами, что говорит об успешности опыта [13, л. 83].

Определенная работа была проделана по расширению старых и созданию новых стоянок таксомоторов. Только за 1970 г. были организованы дополнительные места стоянки такси на Центральном рынке, а новая появилась по улице Рышковской в Промышленном районе города [14, л. 42].

Здесь же стоит отметить, что произошли определенные изменения и в структуре таксомоторного парка. К концу 1970 г., как отмечается в ряде архивных документов, основным автомобилем, используемым для таксомоторных перевозок, становится ГАЗ-24 «Волга» [15, 18 окт.], которые практически полностью заменили автомобили марки М-21. А уже с 1971 г. в городской таксопарк стали поступать первые «Москвичи» [16, 15 янв.], которые в первую очередь были ориентированы на перевозки пассажиров внутри города, с то время как «Волги» чаще использовались для загородных поездок. И здесь стоит обратить внимание на следующий

факт. Курская служба такси работала не только в пределах областного центра. Курские таксисты работали также и в других городах региона: Дмитриеве, Фатеже, Рыльске и др. Схема работы была следующей.

Водитель курского такси брал утренний заказ на поездку в другой город области, куда доставлял пассажира. После чего в течение дня выполнял свою работу в пределах данного населенного пункта и его ближайшей округи. За определенное время до окончания смены, требовавшееся на обратную дорогу, он или находил пассажира, которому необходимо было доехать до Курска, или же ехал пустым. Руководством автопредприятия было отмечено, что средняя выручка таких смен была на 10-15 % выше, чем если бы водитель выполнял только внутригородские и пригородные поездки. Однако за прибылью стояла и другая проблема: уезжавшие работать в районные центры таксомоторы, возможности заменить другими машинами, что создавало определенные трудности для курян. Тем не менее, за пределами Курска в конце 1960-х гг. ежедневно работали не менее пяти – шести таксомоторов. Позднее, чтобы не отвлекать от курских маршрутов таксомоторы, в ряде районов области были организованы собственные службы такси [17, л. 85], которые пользовались не меньшей востребованностью

К сожалению, отсутствие на хранении в Государственном архиве Курской области документов ПАТП № 1 создало определенные трудности в изучении работы таксомоторного парка в первой половине 1970-х гг. Однако выявленные документы позволяют в некоторой степени реконструировать ряд происходивших в тот период времени процессов.

Во-первых, при сопоставлении ряда разновидовых источников удалось установить, что к 1974 г. возможности обслуживания населения таксомоторами сильно расширились: за 1973 г. автопарк пополнился 50-ю новыми машинами, а 27 старых автомашин были списаны. Всего курский таксомоторный парк к этому времени имел 240 моторов, что позволило увеличить на 27 % число выполняемых заказов. Так, в день в среднем на одну машину приходилось не менее шести заказов, а отдельные водители выполняли десять — пятнадцать рейсов. Наиболее востребованным такси было у железнодорожного вокзала города: за 1973 г. только от пассажиров поезда «Москва — Курск» поступило свыше 5 тыс. вызовов [18, л. 93—94].

Во-вторых, в своей работе таксисты стали использовать практику параллельных перевозок пассажиров. Суть ее была в следующем: шоферы брали заказ на перевозку клиента на большое расстояние, чаще всего из одного района города в другой, при этом по дороге подбирали еще несколько попутчиков, которым было по дороге, тем самым за одну поезду, по сути, выполнялось несколько заказов, каждый из которых оплачивался отдельно. Данный метод перевозок был незаконным, так как в итоге пассажир, который ехал дольше всех, оплачивал весь проделанный путь, в том числе и заезды по адресам других пассажиров. Приведем один случай: водитель такси В. М. Давыдов весной 1976 г. в два часа ночи на

площади Перекальского принял «на борт» пассажира В. К. Иванова. В машине к тому моменту уже сидели двое пассажиров. Как указано в статье «колесило оно [такси. $- \mathcal{L}H$.] по городу долго. Одни пассажиры выходили, другие садились. Рассчитывался каждый. А когда очередь дошла до Иванова, водитель указал ему пальцем на счетчик и сказал: "Гражданин, платите за проезд". Пришлось гражданину уменьшать содержимое своего кошелька. За этот ночной грабеж Давыдов получил выговор». Подобным методом также пользовался водитель Н. П. Лыченко. В наказание его на один месяц перевели на другую работу [19, 4 апр.].

В-третьих, несмотря на создание служб такси в районах и крупных районных городах Курской области, практика выезда на работу за пределы областного центра у курских таксистов не только сохранилась, но и продолжала непрерывно расширяться на протяжении 1970-х гг., чему способствовало практически регулярное увеличение числа единиц подвижного состава таксопарка (за 1974 г. автопарк такси пополнился семьюдесятью новыми машинами [20, 21 янв.], а всего к 1976 г. в городе работали 280 таксомоторов [19, 10 февр.]). При этом все чаще руководством ПАТП № 1 стали фиксироваться случаи недобросовестного выполнения водителями такси своих должностных обязанностей. Как отмечают газетные источники, случаи добросовестной работы водителей становились все более редкими. Приведем примеры.

Так, в газете «Курская правда» от 5 января 1974 г. описан следующий случай: автобус, следующий по маршруту Щигры — завод «Авангард» сломался, пройдя половину пути. Инженер Б. Кочетов, опаздывавший на работу, решил ехать на такси. Он подходил к трем водителям: двум курским и щигровскому. Первый курский водитель за поездку на расстояние в 3 км запросил три рубля, что было явно завышенной стоимостью. Второй отказал, сославшись на запрет начальства не «ездить на короткие расстояния». Щигровский таксист аргументировал свой отказ тем, что по Щиграм такси пассажиров не развозит: короткие поездки не приносят прибыли [21, 5 янв.].

Некоторые водители, чтобы заработать больше денег сознательно увеличивали время в пути и удлиняли маршруты. Так, водитель В. И. Чернышев, чтобы заработать «левые рубли» решил поехать от площади Перекальского до площади Добролюбова «через Рыльск», посадив в служебную «Волгу» пять человек. За такой маршрут он запросил по 5 рублей с человека, а с женщины, которая опаздывала на похороны 10 рублей. Половину этой «выручки» водителем было «положено в карман». На обратном пути ситуация повторилась [19, 4 апр.].

Зачастую водители такси, выезжавшие работать за город, взимали плату не по счетчику, а с каждого пассажира. Так, в мае 1976 г. четыре человека ехали на такси из Курчатова в Курск. Водитель сразу предупредил, чтобы пассажиры готовили по 2 рубля за проезд. Когда

автомобиль доехал до конечной остановки — Льговский поворот — на счетчике едва набежало 4 рубля [19, 16 мая].

В-четвертых, оставляла желать лучшего культура обслуживания пассажиров водителями таксомоторов. Только за 1975 г. в Курске 35 водителей таксомоторов получили выговоры за грубости, вымогательство и беспричинный отказ пассажирам в обслуживании. Четверых руководство автотранспортного предприятия было вынуждено перевести на менее оплачиваемые должности, однако данные меры не помогли исправить ситуации, те же водители продолжали грубить пассажирам, зачастую высказывая необоснованные претензии пассажирам.

Так, к примеру, пассажир Кириленко получил «выговор» от водителя такси И. Абраменко за то, что подъезд к дому, где проживал Кириленко, не был заасфальтирован, и водитель был вынужден испачкать помытую Необычные были машину. претензии высказаны шофером С. Москальковым в адрес пассажирки Трифоновой, которая поставила дамскую сумочку на кресло, в то время как, по мнению водителя, она должна была ее всю поездку держать на коленях. За подобное нарушение собственных «правил» пользования такси Москальков «выписал штраф» пассажирке в виде дополнительной оплаты за поездку в размере одного рубля [22, л. 79, 81]. Эти случаи и подобные им неоднократно разбирались на партсобраниях и собраниях актива ПАТП № 1, но каких-либо серьезных последствий для «провинившихся» водителей такси не было.

Ввиду плохой сохранности документов, в которых бы освещались подобные вопросы, трудно судить о распространенности данных практик среди абсолютного большинства водителей таксомоторов, подобные факты, несомненно, имели место быть в повседневной практике таксомоторных перевозок пассажиров.

Тем не менее, несмотря на столь явные недостатки в обслуживании пассажиров, востребованность такси среди горожан продолжала расти, о чем свидетельствует хотя бы факт того, что план перевозки пассажиров легковыми таксомоторами в 1975 г. был выполнен на 101 % [19, 18 янв.]. Во многом такое положение объясняется отсутствием конкуренции у государственного такси, что создавало все условия для безальтернативного пользования услугами таксомоторов ПАТП № 1.

Определенные сдвиги в работе такси начали происходить в середине X-й пятилетки (1976–1980 гг.), когда по всему РСФСР стали вводиться единые стандарты и подходы к работе таксомоторного парка.

С 1 апреля 1977 г. на территории всей РСФСР были введены единые тарифы за пользование такси всех марок. Один километр пробега стал стоить 20 коп., один час простоя у клиента — 2 руб., стоимость одной посадки (посадки) составляла 20 коп. Подача радиофицированного таксомотора по заказу клиента стала обходиться в 1 руб. [23, 24 марта]. Фактически все цены были увеличены в два раза, что в первые месяцы привело к коллапсу отрасли: более 80 % автомашин ежедневно

простаивали в течение почти полугода после принятия единого тарифа, что негативно сказалось на финансовом состоянии ПАТП № 1 и сорвало закупку двадцати новых автомобилей, что привело к потере 133,9 тыс. рублей дохода [22, л. 52, 114].

Помимо этого, 19 октября 1977 г. Курским горисполкомом были утверждены правила пользования легковыми таксомоторами в городе, которые детально регламентировали работу таксомоторного парка [24, л. 181–187]. Так, в частности, впервые были определены предельные расстояния, на которые курские таксомоторы могли выезжать за пределы Курска:

- в сторону г. Обояни с. Дрозды;
- в сторону г. Орла г. Фатеж;
- в сторону г. Льгова с. Иванино;
- в сторону пос. Тим с. Поповы Дворы;
- в сторону г. Щигры станция Охочевка;
- в сторону пос. Поныри пос. Золотухино.

То есть, начиная с октября 1977 г. курским таксистам запрещалось работать в других районах области, кроме прилегающих к городу, что еще больше усугубило ситуацию с водительскими кадрами: многие шоферы работали в такси только потому, что могли иметь дополнительный, незаконный заработок, что в открытую признавалось городскими партийно-государственными властями [22, л. 113].

В случае, если пассажиру требовалось уехать на более дальнее расстояние как в пределах, так и за пределы области, это должно было согласовываться с диспетчером.

Также были строго определены стоянки такси по городу, что значительно облегчало поиск машин, так как до этого они в основной своей массе были сосредоточены в районе Привокзальной площади и Центрального рынка. Помимо них такси могли также останавливаться и ожидать пассажиров у Северной и Южной автостанций, у аэропорта и сельскохозяйственного института, на площадях Перекальского, Рокоссовского, у кинотеатра «Родина и у Дома быта поселка КЗТЗ, у Центрального и Северного рынков, а также на улицах Дубровского и Кирова (у Центрального универмага) [24, л. 187].

Однако, когда определенный шок у водителей и населения после начала действия нововведений в работе такси прошел, выяснилось, что отрасль располагает серьезными резервами, которые могли серьезным образом расширить возможности таксомоторного парка по перевозке пассажиров.

Во-первых, был отлажен механизм выпуска машин на линию в соответствии не с графиком работы и смены бригад, а в прямой связи с реальными ежедневными потребностями горожан в таксомоторах. Так, диспетчеры стали ежедневно согласовывать подачу такси с графиком прибытия поездов на железнодорожный вокзал города и приездом

междугородних автобусов на Южную и Северную автостанции, что позволило сократить время ожидания таксомоторов у пассажиров, а водителям увеличить количество рейсов за смену [22, л. 117].

Во-вторых, было значительно улучшено качество обслуживания привлечения квалифицированных автомобилей, за счет ремонтников. Это было сделано благодаря повышению заработных плат (к концу 1970-х гг. средняя зарплата обслуживающего персонала ПАТП № 1 составляла 117 рублей [25, л. 93]) и условий работы ремонтников. В 1978 г. новое административное здание построено ПАТП располагавшееся по адресу: улица Пионеров, 15, где также была организована асфальтированная автомобильная стоянка площадью 950 кв. м, которая позволяла единовременно разместить 95 автомобилей, а также отапливаемые гаражи и ремонтные мастерские, в которых имелась комната отдыха. Остальные таксомоторы предприятия в количестве 211 единиц размещались на арендуемых площадях автоколонны № 1145 (ПОГА-2). Это значительно усложняло работу диспетчеров, так как они не могли в должной мере контролировать наличие машин на стоянке и выезд такси на заказы, но к началу XI-й пятилетки данная проблема была решена [26, л. 228–232].

В связи с улучшением качества обслуживания таксомоторного парка коэффициент значительно увеличился технической готовности автомобилей до 0,824, что означало, что из десяти автомобилей ежедневно могли выходить на линию восемь, еще один находился на плановом ремонте и один страховал на случай форс-мажора. В свою очередь это позволило повысить и коэффициент выпуска автомашин на линию до 0,765, то есть ежедневно из десяти автомобилей на линии работали не менее семи. В конечном итоге, это привело к тому, что пассажирооборот курского такси за два года (1978–1979 гг.) увеличился на 21,8 % и составил тыс. платных пассажиро-километров 13 млн 207 тыс. В результате всего вышеперечисленного себестоимость пассажирских перевозок таксомоторами была снижена на 3,1 %, что дало дополнительную прибыль в 7,8 тыс. рублей за два года, а ежегодные темпы роста прибыли увеличились до 15,2 %. В абсолютном выражении прибыли за 1978–1979 гг. выросла на 45,9 тыс. рублей [22, л. 52–53].

Только за 1980 г. городским такси был выполнен 165 191 заказ, при среднесуточном количестве заказов в 446, то есть на один таксомотор в среднем в день приходилось 8,2 заказа [27, л. 172]. Всего на маршрутах работали 282 таксомотора [27, л. 307].

В общей сложности за X-ю пятилетку курское такси получило 580 тыс. рублей сверхпланового дохода, из которых 190 тыс. рублей были чистой прибылью, что по меркам курского городского транспорта являлось весьма внушительной суммой. По объемам чистой прибыли ПАТП № 1 значительно опережало ПАТП № 2 и трамвайно-троллейбусное управление вместе взятые. Это позволило за счет собственных средств не

только дополнительно увеличить зарплату водителям и обслуживающему персоналу, но и пополнить таксомоторный парк города, который на 1 января 1980 г. насчитывал 324 автомобиля, в том числе 244 единицы автомашин ГАЗ-24-01. Помимо них еще 24 машины ГАЗ-44 выполняли представительские заказы организаций города [27, л. 51–52; 28, л. 72].

По итогу X-й пятилетки таксомоторный парк города значительно улучшил показатели своей работы. Сделано это было за счет двух главных факторов.

Во-первых, значительное качественное и количественное улучшение производственной базы и транспорта. В общей сложности за годы пятилетки увеличилось на 18 единиц количество таксомоторов, которых на 1 января 1981 г. на предприятии насчитывалось 289 (при этом списано было 311 машин, а получено новых − 329). Преимущественно это были автомобили марки ГАЗ-24. При этом средний возраст автопарка составлял 4 года на единицу при среднем сроке службы одного автомобиля до списания в 5 лет. Благодаря обновленному парку машин ПАТП № 1 сверх плана смогло заработать 510 тыс. рублей, перевезя 800 тыс. пассажиров, пройдя 3 млн платных км и получив чистого дохода 161 тыс. рублей. В среднем за пятилетку выручка на один таксомотор увеличилась на 70,1 % [29, л. 69].

Во-вторых, за счет грамотного подбора и обучения кадрового состава Курского такси. Так, досрочно (за 4,5 года) показатели пятилетки выполнили 14 водителей таксомоторов: В. Р. Загуляев, И. В. Поздняков, И. В. Павлов, В. А. Ларин, А. И. Нейман, Г. Д. Авдеев и др. Однако попрежнему сохранялась достаточно высокая текучесть кадров, которая в 1982 г. составила 20,4 %, что было достаточно серьезной проблемой для отрасли, особенно с учетом того, что преимущественно увольнялись молодые кадры [30, л. 166].

Однако несмотря на определенные успехи в кадровой работе курского таксопарка имелась одна большая проблема, которую не удавалось решить имеющимися силами. Это было пьянство среди водителей, которое несмотря на все принимаемые меры практически было невозможно искоренить, хотя со временем, в связи с ужесточением водителям такси, они стали реже медвытрезвители. Статистика весьма наглядна: за 1979 г. в вытрезвители попали 26 водителей такси, которые находились в состоянии алкогольного опьянения в рабочее время, в 1978 г. таких случаев было 42 [22, л. 54]. В дальнейшем положительная тенденция продолжилась, однако пьянство среди водителей вплоть до конца исследуемого периода так и не было искоренено, а к концу исследуемого периода несколько усугубилась. Как начальника аналитической записке ПАТП А. М. Шевердина, главной причиной массового пьянства среди водителей такси была «вседозволенность»: некоторые шоферы считали, что, если их

работу напрямую никто не контролирует, то можно злоупотреблять своим положением [30, л. 174].

Между тем, качество обслуживания пассажиров такси продолжало постепенно улучшаться во многом за счет создания и ввода в эксплуатацию новой инфраструктуры. К началу XI-й пятилетки (1981—1986 гг.) значительно расширились возможности заказа автомобилей у рядовых пользователей таксомоторами. Так, к концу 1981 г. в Курске действовали четыре пункта трансагентства, к которым в первую очередь подавались таксомоторы. Они располагались по следующим адресам: ул. Союзная, 12, 67, ул. Радищева, 80, ул. Парковая, 1А [31, 28 окт.]. Помимо этого, для улучшения работы легковых такси было увеличено количество стоянок до 19-и, из них две были телефонизированы. Также была улучшена служба предварительного заказа автомобиля и появилась услуга срочного заказа такси в больницах, гостиницах и аэропорту [29, л. 182].

Чтобы эти площадки в необходимом количестве были заполнены машинами для ПАТП № 1 регулярно приобретались новые автомобили: и, если на середину 1981 г. в таксомоторном парке имелось 257 легковых таксомоторов марки ГАЗ-24-01, из которых 55 были радиофицированы [27, л. 119], то к 1985 г. в городе работали 289 такси [32, л. 192]. В среднем ежедневно служба такси города обслуживала не менее 500-600 вызовов, причем к концу исследуемого периода в ее распоряжении появились машины повышенного уровня комфорта, которые были доступны преимущественно предприятий: ИΧ использовали во ДЛЯ время представительских мероприятий, определенных вызов таких таксомоторов оплачивался по отдельному, специальному тарифу [3, 31 марта].

В конечном итоге, в совокупности данные достижения привели к тому, что за годы XI-й пятилетки платный пробег таксомоторов превысил плановый на 191 тыс. км [3, 21 янв.], что позволило увеличить коэффициент использования подвижного состава до 0,778. Как итог – ПАТП-1 заработало только за 1985 г. 4 523,4 тыс. рублей [30, л. 165].

Отметим, что в течение исследуемого периода курское такси претерпело серьезные изменения, которые выразились не только в материально-техническом совершенствовании пассажироперевозок, но и в отношении рядовых пользователей к услугам данного вида транспорта. К середине 1980-х гг. ежегодно куряне и гости города совершали свыше 220 тыс. поездок на такси, что говорит о серьезности востребованности таксомоторов. Впрочем, немногочисленные исследования данного явления указывают на то, что аналогичные тенденции были свойственны и для ряда других городов Советского Союза [33, с. 29].

Подытоживая, необходимо обозначить следующие важные моменты, определившие ключевые особенности функционирования таксомоторного парка в Курске в период с середины 1960-х по середину 1980-х гг.

Во-первых, за исследуемые годы произошло кардинальное техническое переоснащение курского такси. К 1985 г. в качестве такси использовались только автомобили марки ГАЗ-24-01, причем стандартные, так и повышенного класса комфортности, используемые для представительских мероприятий организаций города. Около половины такси были радиофицированы, что значительно увеличило скорость выезда автомобилей на заказы. Данные новшества привели к тому, что по доходности такси оказалось самым прибыльным видом транспорта в Курске.

Во-вторых, если в первой половине исследуемого периода курские таксисты обслуживали также и другие районы региона, то после 1977 г. курская служба такси стала практически внутригородской, а обслуживанием пассажиров в районах занимались местные таксомоторные службы. Во многом данное нововведение позволило оставить на городских улицах максимальное число таксомоторов, что увеличило доступность такси для курян и гостей города, даже в условиях удорожания тарифов.

В-третьих, произошла переориентация восприятия такси у рядовых советских граждан: оно перестало восприниматься как своеобразный элитарный транспорт и стало практически повсеместным и повседневным явлением в жизни горожан, в том числе и курян.

Источники и литература

- 1. Горин Д. Теневые пространства советского общества: «Бриллиантовая рука» в социальных контекстах 1968 года // Неприкосновенный запас. 2008. № 4.
- 2. Кирилец С. Генезис российского таксомотора // Грузовик Пресс. 2009. № 3.
- 3. Курская правда. 1985.
- 4. Курская правда. 1960.
- 5. Курская правда. 1961.
- 6. Курская правда. 1965.
- 7. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее ГАОПИКО). Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 1529.
- 8. Государственный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 769.
- 9. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1761.
- 10. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1859.
- 11. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 922.
- 12. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2267.
- 13. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 1759.
- 14. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 58. Д. 518.
- 15. Курская правда. 1970.
- 16. Курская правда. 1971.
- 17. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1646.
- 18. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1086.
- 19. Курская правда. 1976.
- 20. Курская правда. 1975.
- 21. Курская правда. 1974.
- 22. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 24. Д. 32.
- 23. Курская правда. 1977.

- 24. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1241.
- 25. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1567.
- 26. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1328.
- 27. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1463.
- 28. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1364.
- 29. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 25. Д. 33.
- 30. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 29. Д. 33.
- 31. Курская правда. 1981.
- 32. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 1506.
- 33. Мацук А.М. Автомобильный пассажирский транспорт в арктической зоне европейского севера России (советский период) // Вопросы истории. 2019. № 12-1.

К. А. Зарубина

Юго-Западный государственный университет

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. В статье исследуются отдельные вопросы проведения источниковедческого анализа художественного кинематографа, анализируются основные преимущества и недостатки данного исторического источника.

Ключевые слова: кинематограф; художественное кино; игровое кино; исторический источник; источниковедческий анализ.

требует Историческое исследование использования комплекса различных источников. В настоящее время к ним относят, как документы, так и предметы материальной культуры, непосредственно отражающие исторический процесс. Считается, что исторический источник – это продукт человеческой деятельности, который используется для получения знаний о человеке, обществе в конкретный исторический период. Современная классификация источников достаточно разнообразна. Исследователи подразделяют их на виды, роды, типы и др. Как правило, современные источниковеды выделяют письменные, вещественные или археологические, этнографические источники, данные языка, а также кинофотодокументы. Нередко документы, исторические источники изобразительные, подразделяют на вещественные, словесные, конвенционные, поведенческие, аудиальные. При этом на отдельные типы исторических источников стоит обратить особое внимание. Так, например, изобразительные источники позволяют в деталях не только отдельные события прошлого, погрузиться НО И неповторимую историческую атмосферу, свойственную определенному периоду истории, перенести исследователя в конкретное время и пространство.

Одним из наиболее ярких, хотя и несколько неординарных исторических источников, относящихся к типу изобразительных или художественно-изобразительных, можно назвать кинематограф. Хотя игровое кино как исторический источник долгое время не воспринималось, и отдельные элементы источниковедского анализа использовались лишь в искусствоведческих работах, на современном этапе развития источниковедения указанной области появляется больше исторических исследований [1]. Полагаем, что с помощью анализа кинокартин, созданных в тот или иной промежуток времени, можно исследовать исторический наиболее полно процесс последовательное и системное раскрытие изменений изучаемого объекта в динамике. Считаем, что использование кинематографа, в том числе, и художественного, как источника, также позволяет максимально возможно исследователя изучаемому приблизить К объекту, пространственно-временную грань. Таким образом, именно кинематограф, вовлекая в пространство фильма, помогает не просто поверхностно изучить тот или иной объект, но и раскрыть его сущность, хотя для этого необходимо уметь разбираться в языке кино, владеть источниковедческого анализа.

К художественному кинематографу применимы как основные, так и специальные методы источниковедческого анализа. Как справедливо замечает В. А. Слесарчук, в процессе изучения кинематографической картины особое внимание необходимо уделять историческому контексту, узловым точкам структуры фильма (месту действия, историческому периоду, обстановке, предметам быта, используемым героями, приемам изображения действительности, персонажам (их ценностям, мимике, лексике и т. п.), этапным моментам сюжета и т. д.). При этом следует субъективное отношение автора разграничивать к определенным событиям, освещаемым в фильме, и независимые причины, влиявшие на создание данного произведения. К таким причинам можно отнести фактор коммерциализации, личные предпочтения автора, государственной политики и другое [2, с. 216]. Ярким примером идеологического влияния государства на кинематограф является развитие советской киноиндустрии. Большинство кинокартин в СССР – это кинематограф государственный заказ, осуждал капиталистические социальное неравенство, тунеядство, собственнические отношения и т. д. В связи с реализацией в СССР антирелигиозной политики во многих кинокартинах священнослужители выставлялись самым неприглядным образом. Это касается таких фильмов, как «Королева бензоколонки» (1962 г.), «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1961 г.), «Вий» (1967 г.) и др. Также антирелигиозные веяния прослеживались в таких советских кинокартинах, как

автомобиля» (1966 г.), «Кубанские казаки» (1949 г.), «Люблю тебя, жизнь» (1960 г.) и др. Как справедливо отмечал И. Карпенко в журнале «Наука и религия» 1977 г., работники советской кинофикации прилагали в данный период времени, действительно, «много усилий, чтобы кино стало настоящим помощником пропагандистов атеизма» [3, с. 30]. Притом что кино в СССР считали одним из важнейших искусств [4, с. 311]

Кроме того, в кинокартинах необходимо обращать внимание на разные детали, а именно на конкретные атрибуты исторического периода, например, одежду, обстановку, облик городов, все то, что окружает человека. Хотя при этом следует учитывать тот факт, что бытовая обстановка в художественном кино является авторской точкой зрения, поэтому претендовать на абсолютную точность и полноту сведений в данном вопросе не стоит. Также необходимо обращать внимание на то, что в художественном фильме редко используются документальные кадры, а постановочные сцены следует оценивать осторожно. Полагаем, это один из основных недостатков игрового кинематографа, как исторического источника. Так, в известной кинокартине «Москва слезам не верит», снискавшей огромную популярность у зрителей, существует немало киноляпов, причем чисто исторического характера. К примеру, в начале фильма, звучит известная песня «Джамайка», которую исполнил в 1960 г. не менее известный итальянский певец Робертино Лоретти, при этом на экране появляется надпись 1958 год, когда этой песни еще существовало. Другая временная не состыковка связана со стихами поэта А. А. Вознесенского. Начало «Параболической баллады», которое читал у памятника В. В. Маяковскому Андрей Андреевич в «киношном» 1958 г., на самом деле, было написано позднее, поэтому данного факта просто не могло быть. При этом данный фильм отлично передал настроение эпохи, покорил зрителей простотой и задушевностью, за что и получил премию Американской академии киноискусства «Оскар», как лучший иностранный фильм 1980 г. [5, с. 488].

Отдельно стоит сказать о внутренней критике кинокартины. Как справедливо замечает А. В. Баталина, в игровом кино достаточно часто находят отражение реальные социально-экономические, политические события [1]. И анализ восприятия героями кинокартины этих событий хорошо помогает понять отношение общества к ним в конкретный период, что имеет большое значение для исторического исследования.

Таким образом, многие художественные кинокартины при правильном анализе могут предоставить массу полезной информации о конкретной эпохе. Особенно это касается анализа советской реальности, ведь кинематограф хоть и в несколько искаженном виде, но презентует исторические события. Фильмы, действительно, способны, передать атмосферу эпохи, помочь представить исследователю настроение конкретного исторического периода, обогатить научное знание. При этом при проведении источниковедческого анализа кинокартин исследователь

должен придерживаться следующей логике. Сначала ученому необходимо выявить интересующие кино-источники, затем подвергнуть их критике с учётом конкретного исторического контекста создания кинокартины (в какой исторический период был снят фильм, имел ли место быть факт коммерциализации, государственного заказа, кто является автором картины, что легло в основу сюжета и т. п.), и только после этого анализировать содержательную часть фильма.

Источники и литература

- 1. Баталина А.В. Некоторые особенности источниковедческого анализа игрового кино [Электронный ресурс] // URL: http://ftad.ru/library/ftad10/25.shtml (дата обращения: $27.02.2022 \, \Gamma$.).
- 2. Слесарчук В.А. Советский художественный кинематограф как исторический источник // Filo Ariadne. 2018. № 4 (12).
- 3. Карпенко И. Из реки по имени «Факт» // Наука и религия. 1977.
- 4. Аринин Е.И. Вторжение религии в советский кинематограф: между «Волшебным» и «Вечностью» // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2017. № 3.
- 5. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1979–1984. Сб. М., 2021.

Е. П. Щукина

Почетный архивист Российской Федерации Государственный архив Липецкой области

РАБОТА С ДОКУМЕНТАМИ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ОКУ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ». КОМПЛЕКТОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕРАБОТКИ ОПИСЕЙ

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы комплектования, научного описания документов личного происхождения в ОКУ «Государственный архив Липецкой области».

Ключевые слова: ОКУ «ГАЛО»; документы личного происхождения; комплектование; фондообразователь; описание; сдаточная опись.

Личные или семейные архивы содержат массу интереснейших сведений. Документы, хранящиеся в них, зачастую имеют большую историческую и нравственную ценность. Увы, нередко они погибают. Как сберечь их, как пополнить наше национальное достояние? Это далеко не простые вопросы. Как показал опыт, сохранение документов для потомков гарантируют только архивы.

В последнее время интерес к документам личного происхождения резко возрос. На это повлияли многие факторы:

- историческая наука, социология стали больше внимания уделять изучению локальных социумов и отдельных семей, условий жизни людей разных эпох;
- историю нельзя изучать, если в ней не представлены конкретные люди;
- стремление современных исследователей вернуть имена из небытия;
 - желание людей больше знать о своих родственниках, праотцах;
- необходимость изучать подробности жизни и деятельности отдельных личностей и др. [1, с. 5].

Областное казенное учреждение «Государственный архив Липецкой области» комплектуется документами личного происхождения, поступающими от граждан — собственников или владельцев архивных документов.

Сегодня на госхранении в ОКУ «ГАЛО» насчитывается 118 личных фондов (4 821 ед. хр.). Среди них документы писателей, художников, актеров и режиссеров, ученых, краеведов, коллекционеров, известных деятелей науки, культуры, руководителей крупных предприятий, Героев Советского Союза, России, кавалеров орденов, участников и ветеранов Великой Отечественной войны, современных вооруженных конфликтов города Липецка и Липецкой области, а также тесно связанных с Липецким краем.

С вводом в эксплуатацию в 1978 г. нового здания областного государственного архива начался интенсивный прием документов, в том комплектование документами личного происхождения Первыми фондами формирование фондов. личных личного происхождения, поступившими на хранение в архив, были личные фонды Вермишева Александра Александровича (Александр Савицкий, С. А., SAVE), (1879–1919) – революционного деятеля, писателя, журналиста, драматурга и Плохих Павла Сергеевича – бывшего преподавателя литературы, командира взвода и роты 6-й специальной средней школы Военно-воздушных сил (6-й спецшколы ВВС) г. Липецка [2, с. 497, 511].

Особый интерес представляет личный фонд Нарциссова Ивана Александровича (1913–1986) уроженца г. Липецка, участника Великой войны 1941-1945 Отечественной ГΓ.. бывшего фотокорреспондента, журналиста, члена Союза журналистов СССР, который поступил на хранение в октябре 1985 гг. В нем содержатся статьи, фронтового воспоминания журналиста записки Отечественной войне 1941–1945 гг. и Липецком крае, семейные альбомы, письма однополчан, подшивки газет военных лет, биографические документы. Все негативы и фотографии (всего 427 фото) времен Великой Отечественной войны Иван Александрович бережно сохранил до наших дней. Часть фотографий, сделанных И. А. Нарциссовым хранится в Российском государственном архиве кинофотодокументов [3].

В своем письме, написанном собственноручно и адресованном Государственному архиву Липецкой области, Иван Александрович писал: «Все переданное мной — передано от всего сердца на благо успешной работы архива, для доброй, чистой памяти людской» [3]. И действительно, это большая удача, что документы находятся на хранении в нашем архиве, так как они постоянно востребованы и используются при подготовке документальных публикаций, выставок, теле- и радиопередач, уроков и лекций для подрастающего поколения в целях патриотического воспитания.

В преддверии 50-летия Липецкой области, которая была образована 6 января 1954 г., липецкими архивистами была проведена огромная работа по поиску, сбору и передаче на хранение документов личного происхождения. С будущими держателями личных фондов проводились встречи, анкетирование, различные мероприятия. И в январе 2003 г. было собрано 5 582 документа от 35 граждан, а к юбилейной дате области эта цифра выросла до 50, в их числе: Орехов Алексей Михайлович – бывший председатель Липецкого облисполкома, участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., кавалер орденов Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, Марков Владимир Николаевич – бывший первый секретарь Липецкого горкома КПСС, советник главы администрации Липецкой области, почетный гражданин г. Липецка, кавалер орденов Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», депутат Липецкого областного Совета народных депутатов, Макаренков Иван Михайлович – участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., Герой Советского Союза, танкиста, почетного работника НЛМЗ, почетного металлурга СССР, кавалера ордена В. И. Ленина, медали «Золотая звезда», Васильев Лев Константинович – бывший начальник «Главлипецкстроя», кавалер орденов В. И. Ленина, Трудового Красного Знамени, заслуженного строителя РСФСР, лауреата Государственной премии СССР и Совета Министров СССР, Ворончихин Виктор Григорьевич – бывший генеральный директор Липецкого трубного завода, заслуженный строитель РСФСР, кавалер орденов Дружбы народов, «Знак Почета», почетный гражданин г. Липецка, Пахомов Владимир бывший художественный руководитель Михайлович Липецкого государственного академического театра драмы им. Л. Н. Толстого, народный артист России, лауреат Государственной премии России, Жуков Вадим Васильевич – бывший художественный руководитель Липецкого государственного театра кукол, народный артист России, Сарычев Владимир Александрович – бывший заведующий кафедрой литературы Липецкого государственного педагогического университета, филологических профессор, член-корреспондент наук, академии наук и искусств, лауреат литературной премии И. А. Бунина и другие [4, 18 марта].

Немалый интерес вызывает личный фонд Чурилова Юрия Ивановича (1949 г. р.) – бывшего директора ОКУ «ГАЛО», Героя Советского Союза, бывшего начальника Липецкой Российской полковника авиации, оборонной спортивно-технической организации «Аэроклуб», председателя регионального отделения общероссийской общественной организации «Российская ассоциация Героев». В его фонде находятся биографические документы, летная книжка, полетные листы штурмовой авиации, карта служебного пользования, статьи о Ю. И. Чурилове в газетах и журналах, книги, очерки об авиации, собранные им, а также фотографии [5, л. 3–8].

В настоящее время перерабатывается личный фонд безвременно ушедшего в 2021 г., Полякова Валерия Борисовича (1951–2021) –бывшего администрации архивного отдела Липецкой начальника заместителя начальника управления – начальника отдела по делам архивов управления ЗАГС и архивов Липецкой области (1 сентября 2003 – 30 августа 2012 гг.), действительного члена Петровской академии наук и искусств, члена Союза журналистов России, Союза писателей «Воинское содружество», историка, краеведа, Почетного архивиста РФ, отдавшего 48 лет архивному делу, и до последнего дня продолжавшего работать в родном отделе использования и публикации документов ОКУ «ГАЛО» в должности заместителя начальника отдела. В сдаточной описи учтено 105 документов. среди них: биографические документы, собранные фондообразователем для своих работ и по интересующим его темам, записные книжки, изобразительные документы [6, л. 1–5].

В феврале 2022 года поступили на хранение документы Кустова Павла Петровича (1906–1970) — поэта, переводчика, очеркиста, члена Союза писателей СССР.

Передала документы Ольга Васильевна Гончаренко, член Ненецкой общественной организации «Общество региональной краеведов». автобиографические, документы, творческой них: личные деятельности – рукописные рабочие тетради со стихотворениями за 1931–1941, 1970, 1992–1993, 1995 гг. Документы находятся в удовлетворительном физическом состоянии и могут использоваться при изучении истории г. Усмани Липецкой области, истории Липецкого края, представлять интерес для исследователей и краеведов [7, л. 2].

Документы личного происхождения являются важной и востребованной частью Архивного фонда Российской Федерации, которые отличаются существенными особенностями, определяющими специфику организации работы с ними в государственных архивах [8, с. 7].

Для них характерно видовое многообразие (мемуары, дневники, личные письма, научные работы, творческие произведения различных жанров, в том числе рабочие материалы, наброски, различные варианты произведений). Документы личного происхождения могут быть представлены на различных носителях, в разнообразных формах. Это

текстовые, изобразительные, аудиовизуальные, фотодокументы (негативы, стеклонегативы, позитивы, слайды, альбомы), музейные предметы.

Многие категории документов требуют индивидуальных приемов описания, например, записные книжки, включающие в себя документы неопубликованных видов: тексты стихов или опубликованных, путевые заметки, дневниковые записи, выписки из книг многое другое. случаях Bo многих на документах происхождения отсутствует необходимая атрибуция, или она явно недостаточна. Например, может отсутствовать подпись, дата, пометы о вариантности, аннотация к фотографиям. Все эти факторы и определяют специфику работы с документами личного происхождения, каждый фонд, исходя из сферы деятельности фондообразователя и содержания его документов, требует индивидуального подхода [8, с. 9–10].

Основная проблема работы с документами личного происхождения в ОКУ «ГАЛО» заключалась в отборе и приеме на госхранение документов личных фондов граждан, которая существует и сегодня. А именно, на этой стадии следовало бы особенно тщательно отбирать предоставленные гражданином личные документы (то есть выяснять все необходимые сведения и вопросы со сдатчиком), с целью их дальнейшего использования с точки зрения как исторической, так и практической. Но прием осуществляли разные лица, в том числе не имеющие достаточной подготовки, отсюда и проблемы в составе принятых документов и их предварительном описании в сдаточных описях.

К сожалению, в практике нашего учреждения, на хранение принимались все документы, какие предоставлял сдатчик. В итоге — состав принятых документов в большинстве личных фондов довольно скудный: очень много ксерокопированных личных документов, и документов, не представляющих как исторической, так и какой-либо другой ценности. Возврат не имеющих ценности документов сдатчику не производился (исключение составляет единичный случай при переработке документов фонда Р-2550 Ю. И. Чурилов, когда ему по акту были возвращены неаннотированные и дублетные фотоотпечатки).

Кроме того, на стадии приема документов не всегда выяснялись биография и другие сведения, которые служат основой для составления исторической справки к личному фонду. Конечно, данные сведения можно было выяснить только или у самого сдатчика при личном общении, или у иного лица, сдающего документы, но, к сожалению, это не делалось. Зачастую сдаточные описи на документы составлялись не сразу после приема документов, поэтому что-то забывалось и утрачивалось.

Принималось очень большое количество неаннотированных фотодокументов, которые в конечном итоге выпадают из процесса их описания и использования. И это самая большая проблема при фотодокументы присутствуют в большинстве переработке, так как сдаточных описей разделе «Изобразительные документы»

проставленные в основном общим объемом, и как говорилось ранее, без аннотации и датирования.

Работа по приему личных фондов была построена таким образом, что сначала составлялась сдаточная опись, в которой, документы формировались в крупные блоки под общими заголовками, иногда с условными датами. Поэтому, когда проводилась переработка сдаточных описей (которая по сути своей являлась научным описанием документов личного происхождения), возникали проблемы. Но так как документы сдавались иногда не самими фондообразователями, а их родными или другими лицами, и прошло достаточно времени с момента их передачи, выяснять какие-либо необходимые сведения по фонду уже не представлялось возможным.

В настоящее время переработка сдаточных описей проводится с тем составом документов, которые были приняты ранее, поэтому приходится находить возможные варианты выхода из положения при описании документов (особенно фотодокументов) и составлении исторической справки к фонду. Вся работа ведется по факту с максимумом возможного описания имеющихся в личном фонде документов. Отсюда и краткие исторические справки, иногда не имеющие точных дат жизни или деятельности фондообразователя. При описании фотодокументов не представляется возможным их поединичное описание, поэтому они формируются в какие-либо тематические блоки, но это тоже не всегда удается, так как фотографии совершенно разные по их видовому составу.

Работа с документами личных фондов построена по-другому: их описание и включение в архивную опись проводится сразу при приеме документов, минуя составление сдаточных описей. Но и здесь выявились некоторые проблемы, в одном фонде присутствуют и ранее составленные сдаточные описи, и составленные позже архивные. То есть при составлении с определенного этапа архивных описей, следовало бы выяснить уже существующий состав документов в фонде, чтобы один раз включить в единую архивную опись и принятые ранее документы из сдаточных описей. Здесь речь идет о преемственности описей и справочного аппарата к ним, что сократило бы количество описей в фонде, сосредоточило документы в одной единой описи и значительно повысило бы эффективность поиска необходимых документов.

Успешность комплектования документами личного происхождения в огромной степени зависит от проявленной инициативы работников архивов, пропаганды форм и методов использования документов личных фондов через средства массовой информации, предметной работы с общественными организациями, краеведами, научными работниками и т. д.

Такие документы поступают на хранение в архивы намного реже и в меньших объемах, чем документы учреждений и организаций, а погибают чаще [1, c. 5].

В заключении, хочется отметить, что документы личных фондов — неоценимый источник для исследователя, так как архивные фонды учреждений и организаций содержат преимущественно документы официального характера, которые не могут отразить всего многообразия, всей многогранности нашей жизни. Дополняя документы официального характера, личные документы позволяют полнее, глубже осветить общественную, политическую, хозяйственную и культурную жизнь страны, воссоздать историческую правду прошедших эпох.

Поэтому работа по комплектованию документами личного происхождения является одним из основных направлений в деятельности ОКУ «ГАЛО».

Источники и литература

- 1. Работа с документами личного происхождения в муниципальных архивах: Методические рекомендации. Липецк, 2006.
- 2. Государственный архив Липецкой области. Путеводитель. Липецк, 2013.
- 3. Областное казенное учреждение «Государственный архив Липецкой области» (далее ГАЛО). Ф. Р-1847. Оп. 1.
- 4. Липецкая газета. 2003.
- 5. ГАЛО. Ф. Р-2550. Предисловие к описи № 1 дел постоянного хранения.
- 6. ГАЛО. Ф. Р-2651. Сдаточная опись № 1 документов личного происхождения.
- 7. ГАЛО. Ф. Р-2723. Предисловие к описи № 1 дел постоянного хранения.
- 8. Методические рекомендации по комплектованию, описанию, учету и использованию документов личного происхождения в государственных и муниципальных архивах / ВНИИДАД. М., 2021.

АРХИВНЫЙ ДОКУМЕНТ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, ВЕРИФИКАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Материалы Всероссийской научной конференции, Курск, 27 мая 2022 г.

Подписано в печать 16.05.2022 г. Формат 60x84. Печать офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 55 экз. Отпечатано ООО «Центр рекламы «Лоцман» г. Курск, ул. Семеновская,78